

Ирина ЛЕМ

ОШИБКА СИНЕЙ БОРОДЫ

фантастический • мистический • роман

Annotation

Знаете ли вы, что у сказочного персонажа Синяя Борода был реальный прототип? И не какой-то рядовой женоубийца, а соратник Жанны Д'Арк – барон де Рэ! Наша история начинается невинно: парижские студенты Жюль и Жаннет гуляют по острову Ситэ, наслаждаются старинной архитектурой и обществом друг друга. Ни с того ни с сего начинают происходить странные вещи. После чего молодые люди оказываются в замке Синей Бороды в обществе отъявленных исторических маньяков – как Аль Капоне, Салтычиха и другие.

Ошибка Синей Бороды

Фантастический мистический роман

Ирина Лем

1.

Сказать, что Париж красив – будет банальность. Сказать, что Париж красив всегда – будет неправда. Приезжайте сюда весной. Когда все только начинается: раскрываются листочки, распускаются городские цветы, включаются фонтаны. Летом тоже хорошо – укрыться от жары на аллеях Тюильри или в коридорах Лувра. Осенью... лучше не надо. Зимой – забудьте.

Впрочем, впечатление всегда индивидуально. Зависит от двух вещей: погоды и настроения впечатляющихся.

Студенты Жюльен и Жаннет были молоды и влюблены. Однажды хмурым декабрьским утром они поднялись на Южную башню Нотр-Дам де Пари – взглянуть на столицу с высоты.

– Жюль, только полюбуйся, сколько тут бестиариев! – с энтузиазмом воскликнула Жаннет. Она слишком далеко высунулась с обзорного балкона и тут же отпрянула назад, будто испугалась собственной смелости. – Ух, высоко!

– Бестиарии? Что это еще за новое слово? – спросил Жюльен и ткнул пальцем в дужку очков на переносице – скорее машинально, чем по необходимости.

На всякий случай он крепко держал подругу за локоть. Балконы и арки Собора Парижской Богородицы выглядели давно не реставрированными и не внушали доверия. Неудивительно. В последний раз здесь провели косметический ремонт лет двадцать назад. Сейчас бы повторить, да властям не до того – кризис, политические беспорядки и прочие затратные неприятности.

– А еще в университете учишься! – весело попеняла Жаннет и тем же самым жестом поправила очки у себя. Шустро принялась объяснять: – Бестиарии – от слова «бестия», обозначают всяческую мифологическую и зоологическую нечисть, вот как здесь: гномы-кабаутеры, гаргульи, химеры и сатиры.

– Так бы и сказала.

Парень без упрека посмотрел на подругу – и будто увидел собственное отражение в утонченном варианте. Они были похожи как родственники.

Внешность не выделяла Жаннет из толпы. Нос – с неблагородным утолщением на конце. Губы – цвета спелого арбуза. Карие глаза окружены веками коричневатого цвета, что выглядело нездорово. У пожилых людей темные тени означают заболевание печени. У Жаннет – неизвестно. На недомогания она не жаловалась, значит, просто особенность кожи.

Щеки бледные, никогда не проявлявшие румянца. Вероятно, кровяные капилляры сидели слишком глубоко, что даже на морозе или после занятий спортом щеки не розовели.

Наоборот, становились еще бледнее, покрываясь мертвенными пятнами. В комбинации с которыми коричневый цвет век делал девушку похожей на живого покойника. Или человека при последнем издыхании. Жаннет знала сей недостаток и старалась без надобности не напрягаться: не бегала марафонов по улицам, не плавала супердлинные дистанции в бассейнах.

Мягкие, жидкие волосы цвета зрелого каштанового ореха она редко расчесывала гребешком, опасаясь выдрать последние пряди. Причесывала пальцами, собирая в слабый

конский хвост, который оставляла свободно лежать на спине. Хвостик слегка завивался на концах и был удобен тем, что не требовал частого посещения парикмахера, потому что не рос.

При беглом взгляде лицо ее не запоминалось, при более пристальном могло показаться потрясающе красивым.

Скромного очарования Жаннет обычно никто не замечал. Парижанам не до того: на работу – с работы спешат, некогда на соседей по улице оглядываться. Туристам тоже не до того – достопримечательности на каждом шагу, успеть бы осмотреть. Подружкам тем более не надо – какая дура будет обращать внимание на достоинства конкурентки, когда собственных недостатков полно?

Поговорка «мягкие волосы – мягкий характер» к Жаннет подходила точно. Характер имела мирный, несопротивленческий, что иногда мешало постоять за себя. Но в некоторых случаях – тоже иногда – ощущала себя настолько уверенно, что сбить с толку было невозможно.

В повседневной жизни Жаннет пребывала в спокойно-невозмутимом состоянии, невспыльчивом, неагрессивном. Некоторая слабость характера у нее удачно дополнялась сильным умом, что позволяло заводить правильных друзей и учиться на «отлично». В школе, потом в университете.

У Жюля – тот же цвет глаз, губ и щек. Свои удлиненные волосы он зачесывал назад, не стягивая резинкой. По бокам они падали свободными прядками на виски, что выглядело по-голливудски эффектно, придавая парню внешность дамского соблазнителя. Впечатление, далекое от действительности: в отношениях Жюль предпочитал постоянство.

Дополнительного сходства молодым людям придавали одинаковые очки. Шутки ради они купили их в одном магазине. Линзы с необходимым набором диоптрий были вставлены в крупную, закругленную по нижним краям оправу, по цвету и качеству – похожую на рог буйвола. Африканского. Или индийского.

Какого именно – не имело значения: роговая оправа была подделкой. Жаннет со своим сочувствием Гринпису ни за что не стала бы носить вещи из костей настоящих животных. Жюлю было, в принципе, все равно, он за компанию с подругой приобрел.

Качество стекол было разным. Точнее противоположным: у Жаннет – от сильной близорукости, у Жюля – от средней тяжести дальнозоркости. Из-за чего поменяться или воспользоваться очками друг друга при срочной необходимости не получалось. Именно из-за идентичных очков молодых людей в университете необидно называли «сиамские близнецы».

Еще за постоянную неразлучность.

Так получилось, что их первая – случайная? предопределенная? – встреча произошла полтора года назад в вестибюле университета Париж-Дофин, который считается младшим братом Сорбонны. Жаннет Дарке и Жюльен де Лаваль только что поступили на первый курс, она – экономического факультета, он – психологии рабочего коллектива.

Как-то Жаннет стояла перед информационным табло. Приблизив к нему нос, она неуверенно водила пальцем по листку со списком фамилий, желая не пропустить свою. Внизу имелась приписка, слишком мелким почерком. Наверняка с самой полезной информацией, которую даже не подорванным близорукостью глазам непросто удалось бы разобрать.

Заметив ее затруднения, молодой человек пришел на помощь.

– Здесь написано: «Студентов, не сдавших зачет по кризисной экономике, повесили

на третьем этаже», – прочитал вслух Жюль, и оба рассмеялись.

Ничто так не объединяет людей, как смех над одним и тем же – в чем на собственном опыте убедились наши герои. Едва взглянув друг на друга, молодые люди интуитивно поняли – вот оно, единственное и на всю жизнь! Это была симпатия с первого взгляда и первого смеха. Мгновенно возникшая приязнь.

Как выяснилось в дальнейшем – интуиция их не обманула. У Жюля и Жаннет оказалось много общего, помимо внешности: провинциальное происхождение, кулинарные предпочтения, в частности – ненависть к фастфуду, а также несовременные моральные принципы. Основанные на католической вере, объединившей их души и умы.

Оба обожали читать Библию. Не с критическим взглядом – подобно многим, а с верующим – подобно избранным. Они не сомневались ни в одном библейском рассказе. Старались не только поверить, но подвести научно-подтверждающую базу.

Адам дожил до девятисот лет? Вполне возможно, если соблюдать определенные правила: жить по божественным заветам, не поддаваться стрессам и ограничивать в потреблении пропитанную страхом животную пищу.

Моисей водил народ по пустыне, получая в качестве поддержки сверху лишь манну небесную? Тоже не из области невозможной фантастики. Недавно по научно-ориентированному каналу показали настоящий аппарат для производства манны «из ничего». Продемонстрировали в действии. Работает!

Жаль, в те времена не существовало три-Д принтера. Который строит на заказ все, что пожелаешь: от человеческого органа до целого дома. А то бы израэлиты с его помощью за сорок лет новый город «из ничего» возвели. И назвали бы Нью Иерусалим. Ну, или что-то вроде того.

В совместных разговорах пришла внутренняя общность, потом родилось взаимное притяжение, потом – естественно – любовь. Одно «но». Романтические отношения после полутора лет так и не переросли в физические. Любовь оставалась невинной, исключительно на уровне поцелуев. И то не по-взрослому – взасос, а по-детски – чмоком. Чтобы не испытывать взаимную моральную устойчивость на мученичество.

О возможности секса влюбленные предпочитали не заговаривать. Не потому, что стеснялись. Не было нужды. Оба поняли про себя, что когда-нибудь хотели бы связать жизни и не расставаться до гроба. Собирались сорвать запретный плод не преждевременно, а именно когда созреет – после свадьбы. В день которой счастливые молодожены получают самый дорогой подарок – достанутся друг другу нетронутыми, первыми и последними.

Итак, молодые люди твердо собирались хранить чистоту тела и девственность помыслов до дня законного супружества. Что для нашего грешного времени – оригинальность. Даже геройство. Крайне редкое правило поведения, достойное занесения в Красную книгу – как исчезающее. Правило, которому на практике следуют лишь три группы населения: мормоны, амиш и представители католического духовенства, желающие в будущем стать Папой.

Благодаря вере, воздержание Жюлю давалось без напряжения.

Жаннет веровала тоже, но чуть менее строго – в отношении досвадебных отношений. Когда поняла, что рано или поздно они с Жюлем поженятся, этот факт как-то расслабил. В мыслях рассматривая Жюльена уже законным мужем, она иногда... позволяла себе... помечтать... Ну, в общем, была бы согласна... Или не против... пофантазировать вместе... А потом поэкспериментировать...

Но – до сих пор не произошло. Жюль не предлагал, сама она стеснялась проявить

инициативу. Так и жили: все свободное время – вместе, влюбленные платонически, расставались только на уроки и на ночь.

2.

– Вижу, тебе понравились твои «бестиарии», – сказал Жюльен без энтузиазма, по-прежнему не отпуская локтя девушки. Будто всерьез опасался, что в восторженном настроении и ради новых впечатлений она спрыгнет с балкона. Чтобы ощутить себя в полете, не требующем моторов. Только руки раскрыл как дельтаплановые крылья и – лети.

Произошел редкий случай несовпадения мнений. В отличие от подруги, Жюля совсем не впечатляли окружающие виды: ни близкие стены, ни далекий пейзаж.

От чего тут приходит в восторг? От натуралистически изображенных, сказочных «бестиарий», выглядящих безобразно – нахмуренных, недобронравных, будто задумавших причинить зло? Или от лежащего впереди зимнего, блекло-бесцветного плана Парижа, раскинувшегося за Сеной-рекой?

И фигуры, и город выглядели депрессивно-безрадостно, туманно освещенные неясным, заоблачным, декабрьским солнцем. Что не только не способствовало подъему настроения, скорее наоборот. Пробуждало душевную тревогу, способную подвигнуть людей на странные, необъяснимые поступки.

В университете Жюль изучал влияние на психику человека неэстетичных видов. В частности, скульптур с аномалиями внешности как у местных гномов – беззубых или только с клыками, с вытаращенными глазами, ушами в полголовы. А другие чудища – с несовместимыми деталями тела, имеющимися одновременно: птичьими крыльями, змеиными языками и обезьяними мордами? К какому известному науке виду-роду-семейству их отнести?

Затруднился бы сам Дарвин – первооткрыватель классификации животных. Впал бы в прострацию. Не говоря о простых смертных. Особенно – о беременных. Последними достижениями психиатрии доказано: длительное созерцание негармонично выглядящих предметов чревато депрессией у будущей матери. И отклонениями у будущего ребенка. Потому дамам в состоянии «ожидания» советуют воздерживаться от посещения кунсткамер с заспиртованными уродцами. Полезнее слушать легкую музыку и любоваться на лирические весенние пейзажи.

Особенная осторожность предписана тем, кто имеет буйную фантазию, отягощенную внутренним беспокойством. Отсюда совет: не заикливаться на мелких неприятностях. Не смаковать их, не раздувать воздушным шаром в форме слона. Потому что поднакопившись, они организуют предкризисный момент, который приведет в беспорядок психику. А безрадостный пейзаж может сыграть в том роковую роль «последней капли», по-научному выражаясь – катализатора.

Справедливости ради сказать – к Жаннет подозрения в зимней депрессии не относились. Упадочного настроения Жюль за подругой тоже не замечал. Иногда, правда, она посреди разговора внезапно надолго задумывалась, уставясь в одну точку в пространстве. Тогда глаза ее становились стеклянно-неподвижными, а нездоровые тени вокруг усугублялись.

Невозможно было сказать, о чем она в тот момент размышляла: о высоком или практичном. О бренности человеческого бытия или неподготовленном докладе на тему

студенческих инкубаторов. Или тайно лелеяла надежду когда-нибудь совершить полет без крыльев в состоянии восторга, чтобы испытать счастье без границ? Не задумываясь о самоубийственной направленности поступка.

Позабыв о его греховности. Убийство по собственному желанию не входит в список деяний, оправдываемых церковью, что должно было бы в критический момент остановить Жаннет. Но – никогда не знаешь, что на уме у эмоционально-неустойчивого прекрасного пола...

Иногда настроение слишком увлекает, заставляя забыть про убеждения и принципы. Юные, романтичные девушки падки на новые впечатления. Это у них от праматери. Не зря коварный змий обратился с лукавыми речами именно к Еве. Адам бы его послал. Вместе с яблоком.

– Помнишь фильм «Увидеть Париж и умереть»? – спросила Жаннет, раскинув руки, виртуально обнимая этот самый Париж.

Ну вот, пожалуйста. Уже пришли суицидальные мысли.

– Не помню, дорогая. И не хочу вспоминать. Давай вернемся к нашим бестиариям. Знаешь ли разницу между ними? – спросил Жюль с умным лицом. Ему не хотелось показать себя невеждой в таком элементарном вопросе, как специфические различия между мифическими существами.

– Вообще-то, не очень. Знаю только, что гаргулья в буквальном смысле означает трубу для дождевого стока. А химеры, сатиры, драконы, единороги, кабаутеры... Кто они вообще такие?

– Про гаргулий ты правильно сказала. Обычно их сажали на стены под крышами, чтобы украсить края водостоков. Они безобидны и полезны в практическом обиходе. Вот химеры и остальные нелюди – абсолютно нефункциональны, полностью сфантазированы, часто имеют темное предназначение.

– Ой, не пугай, пожалуйста, – попросила Жаннет и слегка передернула плечами, будто напал внезапный озноб от страха.

– Не бойся, днем они неподвижны и невредны.

– А когда?

– Ну, как положено, по ночам, особенно при полной луне, в подземельях, на кладбище. Или в подозрительной, нечистой обстановке.

– Это какой такой нечистой?

– Нечистой в смысле душевного состояния человека. Когда он напуган, дал волю предрассудкам или засомневался в себе. Тогда возникают страхи в виде монстров-химер перед взором. Мысленным – уточню для ясности.

– И выглядят они точно как эти безобидные зверушки?

Красным от студеного воздуха пальчиком она показала на одну из статуй, которая изображала птицу с мордой обезьяны. Она сидела, наклонившись вперед и повернув голову к балкону, будто подслушивая человеческие разговоры.

– Возьмем для примера самых известных из несуществующих в природе зверушек, – начал Жюль тоном гида из музея мифической биологии. – Сатиры – волосатые, хвостатые существа, похожие на людей. Имеют рога и копыта. Явились из греческого эпоса. Там описано множество существ, чем-то похожих на нас, чем-то отличных. Сирены, русалки, Медуза Горгона, Минотавр. Мне лично импонировал кентавр Харон в роли паромщика, встречающего мертвые души у реки Забвения... Ты читала их мифы?

– Да, помню, я в дестве их как сказки читала. Мультки про героев смотрела. Полный вариант не так давно прочла. Кстати, захватывающе. С фантазией и реализмом написано – е скажешь, что тысячелетия назад. Про богов-олимпийцев, правящих античным миром, их детей, друзей и врагов.

Мы привыкли считать, что небожители идеальны и безгрешны. У греков не так. Их боги – в точности как мы, смертные. Любят, ненавидят, ревнуют, мстят, убивают. Ну, прям – мыльная опера, только захватывающая. Я даже в их родственных связях разобралась, знаю кто чей муж или любовник был, от кого дети и так далее. Эдакий семейный роман в рассказах, древняя эпопея, не теряющая современности...

– Именно потому, что описаны близкие нам эмоции... – подхватил Жюль.

– ...которые не устаревают. Греческие мифы – бестселлер на все времена. В отличие от современных эротических опусов типа «мамино порно» для сексуально озабоченных домохозяек, – заключила Жаннет тоном проповедника-пуританца.

Голые пальцы начали коченеть. Девушка подышала на них теплым воздухом из горла. Перчатки, как назло, в общезитии забыла...

– В тех мифах множество всяких неправдоподобных тварей описано. В дохристианские времена греки верили в их существование. Вот какой вопрос возникает: зачем этих мутантов-язычников изображать на католическом соборе? Не святотатство ли? Кому такая безумная идея в голову пришла? – спросила она и повернулась к другу за ответом.

Эрудированность Жюля находилась на энциклопедическом уровне. Он обладал привычкой запоминать важное из всего: увиденного, услышанного, прочитанного. Умел проводить сопоставления, выстраивать логические цепочки. Имел широкий кругозор интересов и мог удовлетворить любопытство на многие темы.

– Здесь как раз ничего нелогичного не просматривается. Скульптор Виоле ле Дюк отличался неограниченной фантазией. Особенно при изображении сказочных и потусторонних существ. Он набил в них руку и с удовольствием ваял в огромных количествах – для помпезных зданий и соборов. Создавал химер в разных образах и позах. Других уродцев. Посмотри вон там.

Жюль показал на башенку, из стен которой торчали головы и руки странного вида существ. Они будто вылезали из камня на свет Божий, испытывая при этом страшные муки. Похлеще родовых. Мученические гримасы застыли на их лицах – с раскрытыми, перекошенными ртами, безмолвно орущими о помощи. Но не вздумайте к ним приближаться. Вмиг разорвут – заостренными когтями-кинжалами на лапах.

– Кроме химер Де Люк ваял других субъектов, не существующих в подсолнечном мире, только в подлунном, – продолжил молодой человек. – Кого здесь только ни найдешь! Гномы со злобным выражением лица – их в Бельгии называют «кабаутеры». Обезьяны с гигантскими крыльями и кошачьими когтями. Устрашающего вида полузвери-полуптицы грифоны... В общем, фантазии скульптора могли бы позавидовать иллюстраторы сказок. Не только для детей. Для взрослых – любителей крутого хорора – тоже.

Второй вопрос – для чего они здесь? Очень просто: для охраны города и жителей. Сидят на карнизах, подперев головы руками, задумчиво, настороженно смотрят на Париж. Их специально поместили наверху. Чтобы монстры и чудовища, «бестиарии» по-твоему, отпугивали нечистые идеи, темные души и зловредные существа – если бы те захотели проникнуть в святое место. Вот ты испугалась только что. На тот же эффект рассчитывал скульптор по отношению к носителям зла.

– Теперь понятно. Но откуда он их придумал? Ну, козлы с человеческими головами и ослиными ушами – понятно, из греческих мифов пришли. По-моему, они на старинных вазах и амфорах, изображались. Значит, он их попросту скопировал. А другие? Кабаутеры? Кто видел – как они выглядят? Или химеры, например.

– Вообще праобразом химер послужили летучие мыши.

– Ой, тьфу, с детства ненавижу летучих мышей! – тут же воскликнула Жаннет и даже заплелась от отвращения. – У меня с ними страшное воспоминание детства связано. Мы однажды в деревне собрались толпой, мальчики, девочки вместе. Мне тогда лет восемь было. Решили идти на кладбище, чтобы доказать свою храбрость. Коллективную. Прошли в один конец, стали возвращаться. Откуда ни возьмись налетели летучие мыши, стали нас за волосы цеплять! Да кричать что-то по-своему, по-мышинному.

Мы испугались, разбежались в разные стороны по погосту. Притаились каждый за своим надгробным камнем, боялись выйти на тропу. Вот я страху испытала! Вдобавок ко всему – потом, когда домой шла, на что-то сучковатое наступила. Оно зашевелилось под ногой и будто вверх поползло. Я испугалась, думала – змея. Как пустилась бежать, только ветер в ушах гудел! Такого ужаса в жизни больше никогда не испытывала. С тех пор даже вида летающих мышек не переношу.

– Я тоже. Вообще не представляю человека, который бы испытывал к ним симпатию. Потому что не за что: на внешность – уродцы, по поведению – вампиры. Отталкивающая комбинация. Но вернемся к нашим бестиариям. С той же целью – вызывать брезгливое отвращение – скульптор создавал химер. Которые переняли от своих кровососущих праобразов скверные качества характера.

Подобно летучим мышам, когда пробуждаются не в настроении, химеры начинают угрожающе хлопать крыльями. Каркать как вороны. Или свистеть по-разбойничьи, высоко, противно. Так, что по нервам режет, как металлом по стеклу. Если разозлятся – тюкнуть в темечко могут. С ними лучше не ссориться, а то заключают до смерти. Вот так, – сказал парень и, подняв руки, с шутливо-угрожающим видом стал приближаться к подруге.

Смеха ради Жюль принялся хватать Жаннет за волосы, шлепать по голове и щекам, вскрикивать, изображая «пугающее» карканье. Девушка притворно-испуганно завизжала и метнулась к противоположной от балкона стене.

Там с полукруглого, арочного верха спускался кусок плотной ткани, немного не доходивший до пола. Из-под него снизу выглядывала солидная, каменная кладка, похожая на основные стены собора. Создавалось впечатление, что стена сплошная, сверху донизу, только занавешена на время ремонта, чтобы туристы ненароком не испачкались, прислонившись.

Впечатление оказалось ошибочным! Смертельно обманчивым. Едва Жаннет облокотилась спиной о тряпку, та просела наружу и оборвалась, открывая позади себя пустое пространство. Стена снизу имела высоту едва ли полметра. За ней – ничего, открытая дыра в туманный, зимний воздух. Пропасть в тридцать метров глубиной, имевшая дном тротуарную брусчатку.

Удержаться на ногах оказалось невозможным. Потянутая наружу инерцией бега, Жаннет спиной упала на камни короткой стены. Перевесившись через край, поползла вниз.

Глаза ее округлились от страха и начали вылезать из орбит. На лице промелькнуло несколько эмоций, мгновенно сменивших друг друга кадрами ускоренной киносъемки. Неверие в то, что неминуемо грозило произойти. Смертельный ужас. Мольба о помощи.

Ожидание чудесного спасения. Отчаянное нежелание падать в небытие.

Жаннет будто оказалась в другой – параллельной реальности. Почудилось, что сползает не в разреженную атмосферу, а в водную среду, которая вот-вот поглотит и сомкнется над головой. Увлечет на дно, не даст сделать ни глотка кислорода.

Паника овладела. Жаннет начала задыхаться. Руки судорожно пытались зацепиться хоть за что-нибудь: за тряпку, за камни предательски недостроенной стены. Не получилось. Нечуткие, замерзшие пальцы царапали кирпичи и соскальзывали, ломая ногти, стирая кожу в кровь.

Надежда ухватиться за воздух, за удачу, за спасительный случай тоже не оправдалась...

– А-а-а! – крикнуло смертельно напуганное эхо голосом Жаннет, гулко отразившись от купола башни.

3.

Меньше, чем через секунду могло произойти несчастье, трагически непоправимое, невозможное повернуть вспять. Оскалив хищную пасть, оно приготовилось довольно потирать руки, только ждало решающего момента, когда тело окончательно сорвется и отправится в свой первый и последний свободный полет.

За происходящим наблюдали равнодушные бестиарии с соседних карнизов и окаменевший Жюль. К счастью, его неподвижность длилась лишь миг. Легкоатлетическим прыжком с места, которому позавидовал бы олимпийский чемпион, парень рванулся к подруге. Ухватил за полы пальто, потянул на себя, едва успев удержать центр ее тяжести с внутренней стороны стены.

Успел вовремя. Еще десятая доля мгновения – если таковая существует, надо посмотреть в справочнике... но не будем отвлекаться! – и Жаннет с ускорением понеслась бы к мостовой, уложенной ровно вырезанными каменными плитами. Разбилась бы насмерть, распавшись на кусочки и органы, только недавно трепетавшие жизнью.

Кровь невинной девушки залила бы мостовую так же щедро, как заливали ее здесь века назад заколотые в живот и обезглавленные гугеноты. Трагедия которых свершилась давно и так же давно забылась, оставшись в памяти потомков лишь названием «Варфоломеевская ночь». Трагедия Жаннет обещала стать современной ее интерпретацией.

К величайшему, хотя и тайному, удовольствию толпы, бродящей вокруг собора.

Ее удовольствие заключалось бы в одном слове – повезло! Падение человека с башни – не предусмотренный программой, бесплатный и одноразовый аттракцион. Способный вплеснуть будоражащую дозу адреналина в вяло текущую кровь уставших людей. Событие чрезвычайной редкости, которое непременно следует запечатлеть для истории. Чтобы потом рассказывать о нем до конца жизни внукам, соседям и случайным попутчикам в метро.

«Грандиозная удача – стать наблюдателями смертоубийства в прямом эфире», – подумают туристы. Удовольствие они скроют за испуганными гримасами и вытаращенными от притворного ужаса глазами. Недолго думая, счастливые свидетели несчастья поторопятся окружить жертву плотной толпой. Направят на нее находящиеся в боевой готовности видеокамеры, фотоаппараты и смартфоны прежде, чем догадаются позвонить в полицию или вызвать ambulance.

Жаль для них – сенсации не состоялось. Провидение, ответственное за судьбу Жаннет, распорядилось иначе. Несостоявшиеся зрители, лишённые эксклюзивных снимков,

топтались внизу, даже не догадываясь о происходившей в башне борьбе между жизнью и смертью.

Победила жизнь. Не без помощи Жюля. Он удержал подругу в последний момент, напряжением мышц вытянул обратно.

Бесформенной и бессмысленной человеческой тушкой плюхнулась она на каменный пол и облокотилась спиной на ту самую стену-недоросток, с которой только что собиралась свалиться. Жюль плюхнулся рядом. Обнял любимую, и оба заплакали: она – взхлеб, он – молча.

Именно сейчас перед юной Жаннет пронеслись картинки ее недолгой жизни. В основном из детства. Три свечи на торте в честь дня рождения, которые ей никак не удавалось задуть. Разбитая коленка, которая дико щипала после обработки красным раствором. Собачка-дворняжка Арно, которую застрелил сосед, приняв за бездомную. И другие мелкие события, которые сейчас показались очень важными.

Показалось ужасно несправедливым, если бы она вдруг потеряла эти воспоминания – невовремя окончив земной путь. Представила безутешность родителей: злоупотреблявшего вином отца со слезящимися глазами и сопливающимся носом, мать – с мученической гримасой на лице из-за варикозной болезни ног. Вспомнила милого, бесконечно доброго младшего брата Матиса, которого за непомерный вес в школе дразнили «Жировик»...

Плакали недолго. По причине холода, который дал знать о себе через каменный пол и стену. Холод сыграл положительную роль – помог прийти в себя. Отпустив эмоции в атмосферу и освободив душу от слез, молодые люди стали успокаиваться.

Жаннет подняла голову и уставилась влажными глазами в очки парня. Посмотрела с удивлением, радостью и восторгом. Именно сейчас осознала, что чудо неожиданным образом произошло, не позволив ей оказаться в роли пикирующего дельтаплана.

Жаннетино персональное чудо имело конкретное имя – Жюльен. Он и только он «виноват», что не остались сиротами ее родители и брат. От переполнявшей благодарности девушка улыбнулась. Сначала неуверенно, только кончиками губ, потом шире и шире. Жюль повторил все стадии ее улыбки в зеркальном отражении.

Глядя на его взъерошенные волосы и растрепанный вид, Жаннет хихикнула. Жюль хмыкнул в ответ. Неожиданно они принялись смеяться. Потихоньку, потом громче, громче – и вот уже звонкий хохот, усиленный купольным эхом, зазвенел внутри башни.

– Ты... меня... спас... гик! – прерывисто от смеха сказала девушка, часто вздрагивая плечами. На нервной почве у нее началась икота.

– Конечно, ты же моя будущая жена. – отчетливо произнес Жюль, прекратив смех и задержав дыхание, чтобы тоже не разыкаться.

– А? – Жаннет тоже замолкла. Правильно ли она расслышала – «будущая жена»? Это была новость, ради которой стоило остаться в живых.

– Ты еще должна родить мне сына, – сказал парень уверенно, как нечто само собой разумеющееся.

Он впервые высказался на тему вслух – твердо и определенно. Слова прозвучали ангельским пением для девичьих ушей, почти как уже сделанное предложение руки и сердца. Жаннет была не против их принять. А также подарить другу ребенка, который станет плодом их любви: сейчас – платонической, потом – фактической.

На радостях она раскрепостила фантазию, отпустила в полет мечты. Только что Жюльен показал себя героем, а от героев рожать – одно удовольствие. Жаннет исполнит его желание

от всей души и со всей охотой. Хочет сына – получит! Когда спасешься от неминуемой смерти, все остальное – сущая ерунда. Возможно невозможное – заранее выбрать пол будущего дитя. Почему нет? Жаннет осталась жива, это главное. Мир лежит у ее ног, все желания исполнимы.

Она чмокнула Жюльена в остуженную щеку – максимум, что они себе позволяли, и сняла очки. Удивительно, что не потеряла их во время недавних трепыханий на высоте! Близоруко прищурясь, осмотрела намокшие внизу стекла. Вокруг оправы разлились прозрачные слезные лужицы, которые грозили замерзнуть и лишит хозяйку остроты зрения.

Продолжая всхлипывать, остаточко, негромко, от плача и от смеха, девушка принялась вытирать очки шарфом. Который купила на парижском рынке Малик, предварительно ожесточенно поторговавшись с крупноносой, щекастой продавщицей – она же вязальщица шарфа.

Та отчаянно, до хрипоты расхваливала свою продукцию – поагрессивнее рекламы стирального порошка в теляшке. И также отчаянно не хотела сбавлять цену. Которая, честно признаться, соответствовала качеству. Шарф понравился Жаннет внешними и внутренними качествами. Цветом в черно-красную клеточку, со старомодной бахромой по краям, он был связан из овечьей шерсти, изящно тонок, мягок на ощупь.

И как потом оказалось – чрезвычайно тепел. Выторговав пятьдесят центов – больше для удовлетворения гордости, чем с пользой для кошелька – девушка приобрела шарф и носила зимой поверх воротника. Завязывала в форме петли: сложить вдвое, перекинуть через шею, концы продеть в дыру, затянуть.

Взяла один конец для собственных нужд, другой предложила Жюлю. Он тоже снял очки и тоже стал протирать, только для видимости, потому что его стекла совсем не намокли.

В ягодицы проникал злой, настойчивый холод. Бесцеремонный. Будто говорил: хватит расслаиваться, поплакали-посмеялись и выметайтесь. Жюль понял его намек. Поднялся сам, потянул за руку Жаннет.

– Вставай, а то простудишься.

Она попробовала опереться на ноги – не вышло. Коленки не держали. Отказались выполнять свое прямое назначение. Странное, беспомощное ощущение – не можешь рассчитывать на собственные ноги. Такое состояние понятно иметь лет в восемьдесят, а к Жаннет оно пришло на шестьдесят один год раньше. Удивило. Хоть смейся, хоть плачь – опять.

– Помоги, – попросила девушка.

Упершись в пол продолжавшими служить ногами, Жюльен буквально вытянул ее в вертикальное положение. Жаннет встала, покачнулась. Защищая от нового возможного падения, Жюль обнял ее, крепко прижал к себе. Без всякой задней мысли – из соображений безопасности.

Это был сильный, ответственный жест. Девушкам такие нравятся. Жаннет потянулась к другу губами. Благодарность все еще переполняла ее. Жюль оказался рядом в ответственный момент – ее спонтанной попытке падения. Это бесценно и невозможно описать.

Вдобавок она просто любила его и была бы не против... нет, ничего предосудительного, только поцеловать... покрепче... чтобы ощутить... чтобы поблагодарить... понять, наконец, что такое «сексуально окрашенный поцелуй»... Они же не чужие. Имеют право. Собираются создавать семью, заводить детей. А без поцелуев не получится.

Жюль ее уловку разгадал. И пресек в зародыше. Он не собирался далеко забираться в дебри любовных отношений, где граница между невинностью и грехом размыта до неясной. Поцелуй одними губами – это одно. С участием языков – совсем другая история. Которая произойдет, но не здесь и не сейчас. Он решительно разжал руки, отодвинул девушку назад. Во избежание провокаций с ее стороны и проявления слабости – со своей.

Что ж, нет так нет – Жаннет не обиделась ни капельки. Может только чуть-чуть. Воздержание от поцелуев – тяжкое испытание в девятнадцать лет. Когда в крови бурлят молодые, нетерпеливые гормоны, когда сердце замирает от присутствия любимого человека. Когда друзья и подруги всюду грешат добрым сексом, а утром с горящими глазами намекают на волнующе проведенную ночь.

Но Жюлю с Жаннет не стоит уподобляться неверующим и аморальным. Они другие. Содержательные. Их объединяют высшие материи. Они выше плотских желаний. Не осквернят тела мирскими обольщениями, а души – мечтами о приземленном. Вместе они вдвое сильней, сумеют противостоять соблазну. Когда придет время – отдадутся друг другу в чистоте и вере. Что может быть прекрасней?

– Сможешь спуститься по лестнице? – спросил Жюль. Забота в голосе уравнивала недавнюю строгость.

Жаннет потопталась на месте, проверяя крепость коленок – главного инструмента пешего передвижения. Коленки дрожали, но держали. Для контроля помахала руками – работают ли, покрутила туловищем – не сломала ли что-нибудь внутри. Вроде нет: конечности на месте, двигаются без боли и неудобств. Повреждений или сдвигов внутри тела тоже не обнаружила.

– Я в порядке. А ты?

– Тоже, – немедленно ответил молодой человек. Проверять моторику Жюлю не имело смысла, он не подвергал ее риску поломаться. – Пойдем вниз. Что-то мне тут разонравилось. Может, по причине тех бестиариев, из-за их недовольных гримас? По-моему, они разочарованы твоим спасением.

Парень махнул рукой за балкон. На самом деле он по-настоящему на них обиделся. За то, что смотрели равнодушно на падение Жаннет, не попытались прийти на помощь? Что не потрудились состроить хотя бы сочувствующие лица? Смешное требование к навечно замершим, каменным истуканам. Неправомочное – понимал в уме. Но осадок остался. Или предчувствие? Не каркать...

Обсуждать недостойное поведение сказочных бестий Жаннет не стала. Коротко кивнула, и влюбленные направились к лестнице. Спускаться стали по очереди: первым шел – для подстраховки – Жюльен, сзади, держась за его плечо, Жаннет.

Держаться было насущно необходимо. Она еще чувствовала слабость в руках, дрожь под коленками и легкий мандраж в голове. В таком состоянии немудрено соскользнуть с узких ступенек, истертых тысячами или даже миллионами посетителей храма.

Истертость их неудивительна. Нотр-Дам-де-Пари – самый знаменитый и самый старый французский собор. Ровесник того маленького укрепленного поселка под названием Париж, которое тысячу лет назад обосновалось на острове Ситэ. Париж затем превратился в величайшую европейскую столицу, а собор – в его главную достопримечательность.

Лестницы Нотр-Дам на себе ощутили популярность храма у верующих и любопытствующих. Идти вверх по их неровным, будто оплывшим, ступенькам неудобно и неустойчиво. Спускаться опасно. Встанешь неловко, соскользнешь – неостановимо

понесешься вниз. Совершишь слалом без санок – ускоренный, малоприятный: мягким местом жесткие порожки считать да зубами пристукивать.

Даже для людей в приличном состоянии здоровья здесь требовалась повышенная осторожность. Потому, в целях дальнейшей жаннетиной безопасности, молодые люди предприняли превентивные меры. Двигались не торопясь, как больные отдышкой любители лазания по холмам. Делали остановки на площадках, чтобы перевести дыхание и набраться сил для следующего пролета лестницы-склона.

4.

Дорога к подножию заняла втрое больше времени, чем подъем, зато спустились удачно. Опираясь на верную спину друга, Жаннет ни разу не соскользнула. В конце лестницы настолько оправилась, что стала усмехаться на себя.

К моменту, когда очутилась на твердой почве, она почти забыла о недавнем происшествии. Произошло ли оно на самом деле? Или оказалось лишь эпизодом разбушевавшейся фантазии, подкормленной присутствием мифических существ и разговорами о потустороннем?

Объясним кажущуюся нечувствительность Жаннет. Она обладала счастливой особенностью не заикливаться на неудачах. Не анализировать произошедшего, не искать причин. Не придумывать негативных последствий возможного развития событий, не делать выводов на будущее. К чему заморачивать голову неслучившимися неприятностями? Не в стиле Жаннет.

Она вообще отличалась легким характером. По отношению к себе и другим людям тоже. Если кто-то с первого взгляда нравился, она охотно по-дружески сближалась с человеком, мало рассуждая и долго не присматриваясь – доверялась внутренней интуиции. Только от людей, не опрятных внешне, а также патологических лжецов, держалась подальше.

К происшествиям с собой относилась трезво-философски. Случайное неудачное событие объясняла не злым роком или действием сверхъестественных сил, вроде инопланетян или чертовщины. А по правилу Аристотеля, которое в переводе с древнегреческого звучит примерно так: «побочный эффект параллелизма двух причинных последовательностей». Или народно-поговорочным языком: пронесло – и слава Богу.

С большей охотой Жаннет размышляла о приятном, давала простор розовым мечтам. Сейчас как раз имелась подходящая тема: Жюль намекнул о планах на серьезные отношения, чего раньше вслух не говорил. Выразил желание иметь от нее ребенка. Сына, если точнее.

Ну, насчет пола будущего наследника она в недавней эйфории погорячилась. Теперь поостыла – осознала затруднительность исполнения. К сожалению, гарантировать появление мальчика Жаннет не сможет – процент вероятности желаемого пола у детей пятьдесят на пятьдесят.

Хотя, почему – к сожалению? Лично она хотела бы получить девочку, чтобы назвать романтическим именем Эужени, как супругу одного из Бонапартов. Эужени была последней императрицей Франции и вошла в историю двумя вещами: небывалой красотой и небывалой силой воли. А еще поразительным долголетием – почти век прожила. Вот пример, достойный повторить жаннетиной дочке... Впрочем, не стоит забегать: долголетие передается по наследству, а проживет ли Жаннет сто лет – выяснится в перспективе.

Итак, решено: пол их с Жюлем первенца Жаннет предоставит выбрать providению. Это

сейчас второстепенно. Производством потомства они займутся потом. Сначала – самая важная церемония в судьбе каждой девушки – свадебная. Если Жюль действительно задумал сделать предложение, можно заранее немножко помечтать.

Несмотря на скудный студенческий бюджет, свадьбу Жаннет собиралась устроить запоминающуюся, прежде всего – для гостей, чтобы получили впечатление. Невеста будет выглядеть как принцесса – в длинном платье-кринолин и с воздушной, кружевной фатой, тянущейся по полу.

Фата будет не короче трех метров в длину. Нести ее будут специальные мальчик и девочка, одетые для торжественных случаев. На голову Жаннет положит не банальную фальшивую диадему, а венок из живых роз нежнейшего белого цвета... Э-э-э, задумалась на мгновение: существуют ли такие розы или только розовые и бордо? Ах, ну конечно существуют! Она у кого-то на свадебном торте видела.

На празднике вообще должно присутствовать как можно больше белого: платья, гирлянды, ленты, скатерти, занавески, кадиллаки, чулочные подвязки, которые будет искать жених с завязанными глазами под подолом невесты. Белый – цвет чистоты, свежести и невинности. Соответствует ее сущности – верности вере и стойкости к досвадебным соблазнам.

Да-да, за полуторагодовую историю отношений с любимым человеком соблазны имели место быть. И немалые. А ведь Жаннет, хоть и убежденная католичка – тоже человек. Зато с каким удовольствием она, девственно-чистая, отправится к алтарю! И потом, ночью, в супружеской постели отдастся в руки любимого – Жюльена да Лавая, лучшего студента факультета производственной психологии...

Нет, не студента. Ко времени их свадьбы он будет бакалавром. Или доктором... Нет, до доктора лет десять ждать, она не выдержит. Да и Жюлю слишком долго обходиться без секса не хватит терпения. К тому же это нездорово – задерживаться в девственниках. Все надо делать в отведенное природой время и не запаздывать с естественными функциями... Значит, выходить она будет за бакалавра.

Мечты закончились вовремя – за порогом Нотр-Дам. Вступив на устойчивую, горизонтальную поверхность площади, Жаннет вздохнула с облегчением. Беспилотные-безаппаратные, полеты ей сегодня больше не грозят. Можно перестать беспокоиться о проблемах безопасности и окунуться в практические вопросы.

В соответствии с вышеизложенными мечтами, захотелось уточнить некоторые детали. Для собственной ясности, которую срочно захотелось получить от Жюля. Взяв под локоть двумя руками, девушка потянула его подальше от входной двери. Чтобы не стоять на пути толкающихся туристов.

Она заглянула любимому в глаза через два барьера стекол с диоптриями: своих – от близорукости, его – наоборот. Посмотрела особенно: немного заискивающе, как лающаяся кошечка, желающая получить от хозяина нечто особенное на обед. Не сухой корм из переработанных рыбьих костей, застревающий в горле и царапающий пищевод, а мягкую, сливочную сметанку, которой никогда не наешься.

Подсознательно, Жаннет выбрала правильный прием для достижения цели. Как бульжник – орудие пролетариата, так нежность – орудие милых дам. Ласка – проверенная стратегия против мужчин, применяемая слабым полом во всех странах и с незапамятных времен. Взять в пример Клеопатру, которая, будучи уверенной в силе своих женских чар, задумала стать кроме египетской царицы, еще и римской императрицей. С помощью

сластолюбивых любовников.

У нее почти получилось – если бы Цезарь поспешно не скончался от ножа предателя Брута и его товарищей. После чего судьба милостиво предоставила Клеопатре второй шанс. На сей раз – с Марком Антонием, которого она тоже ловко использовала ради осуществления амбиций. Вот у кого надо учиться науке оболъщения!

Хитрой Жаннет не требовались уроки флирта древнеегипетской царицы. Она постигла их давно и незаметно, на международном женском уровне – интуитивном. Еще не став ни женой, ни женщиной в физическом смысле, она уже отлично владела главным орудием манипуляции сильного пола – тонкостями кокетства.

Осторожно-намекающим голосом она начала – издалека:

– Жюль, через десять дней Рождество...

– Да.

– Что мы будем делать на праздники?

– А что бы ты хотела?

Что бы она хотела? Рискованный вопрос, потому что ответ подразумевает широкое понятие. Она многого хотела бы: сумку от «Биркин», туфли от «Прада», вечернее платье от Донателлы Версаче... Только загвоздка – получила бы? Желания дорогие, хотя для Парижа – модной столицы мира – вполне естественные.

Но – ладно. Будет реалисткой, отложит их на дальнюю перспективу. Надо бы поскромнее мечтать, имея другом студента. Не беда. О роскоши Жаннет задумается, когда выйдет замуж. В данный момент имелось желание попрacticalнее, которое настало время обнародовать. Перед широкой публикой в лице любимого Жюля.

Кажется, ее отношения с милым другом получили новый статус. Или собираются получить. Ах, не слазить бы... Сейчас между ними царит взаимопонимание, о котором можно только мечтать. В отличие от большинства ровесников, он не чурается мыслей о женитьбе. Первый заговорил о ее возможности вслух. Вернее – осторожно намекнул.

Этот намек коренным образом меняет социальное положение Жаннет – с «просто подруги» на «почти невесту». Дает ей право планировать добрачные мероприятия по собственному вкусу. Из которых на первом месте – оригинальная обстановка для предложения руки и сердца. Чтобы было сделано не походя – скороговоркой «Я тебя люблю, давай поженимся». А романтично-оригинально.

О чем Жаннет скажет сейчас прямым текстом. Ведь мужчины сами по себе недогадливы. Редко кто напрягает ум подумать о нетрадиционном способе сделать предложение. Например: в прямом эфире передачи «Волшебное поле чудес». Или в самолете на высоте десять тысяч метров, предварительно договорившись со стюардессой. Чтобы разрешила на минуту занять трубку внутренней связи – произнести всеуслышание заветные слова.

Но самый оригинальный способ другой. Будущий жених договаривается с другом разыграть будущую невесту с помощью настоящих жандармов. Разрабатывают целый сценарий. Смысл такой. Парень приглашает девушку на загородную прогулку на машине, причем за рулем должна сидеть она. На дороге их останавливает полиция, якобы, за нарушение правил. Обоим приказано выйти. Друг останавливается неподалеку и снимает на видеокамеру.

Слуги порядка со строгими лицами и типовым текстом: «вы имеете право на молчание, адвоката и одноразовый звонок» надевают наручники на девушку. Она ни о чем

не подозревает, жутко расстроена. В стрессе – от испуга. Который вскоре сменится другим стрессом – от счастья.

В тот момент парень становится на одно колено, произносит слова признания и открывает коробочку с заветным колечком. Девушка не верит глазам, недоуменно смотрит на жандармов. Те стоят в сторонке, ухмыляются. Значит, арест ненастоящий. А колечко – да. Ах, как обрадуется будущая невеста! Вдвойне: что освободилась от полицейских оков и согласилась надеть брачные.

То же самое счастливое ощущение хотелось испытать Жаннет. О чем выскажется не стесняясь, ведь речь – об уникальном моменте в судьбе. Единственном и неповторимом – с одним и тем же человеком, конечно.

Она только намекнет – он поймет. Ответственные дела нельзя пускать на самотек, то есть на догадливость Жюля. Мужчины стали тугодумы. Ленивы мозгами, когда дело не касается трех главнейших для них вещей: дорогой машины, престижных часов или быстрого секса. А может, просто женщины забывают объяснять, чего хотят?

Вот животрепещущий пример. Простейшая домашняя обязанность мужчины – заменить полный мешок с мусором на пустой и вытащить на улицу. Обязанность, которая числится за мужем всю сознательную брачную жизнь, и столько же он о ней забывает. Однажды жене надоело смотреть в переполненную мусорку. Вытащила мешок из бака, связала, поставила на ходу. Мол – все приготовила для тебя, только догадайся вынести.

Ан нет! Не догадывается он. Ходит мимо, смотрит непонимающе, спотыкается, чертыхается. Наконец, чуть не упал, наткнувшись на мешок в темноте. Начинает скандалить. Жена огрызается в ответ, заявляет: специально поставила мешок на ходу, чтобы ты догадался вынести. Муж: Господи, ну что ж ты сразу-то не сказала? С преглубоким удовольствием!

Вот так чуть не поругались из-за мелочи – лишь из-за разности способов мышления.

Пример актуальный, но не про наших героев. Жанет ссориться до свадьбы не собиралась.

– Милый, знаешь, что я хочу?

– Что, дорогая?

– Чтобы у нас с тобой все было оригинальным.

– У нас, вроде, и сейчас все не так, как у остальных. Что именно ты имеешь в виду? – В голосе молодого человека прозвучала заинтересованность, которая вдохновила Жаннет открыться.

– Ну, во-первых, хочу, чтобы, когда придет время, ты сделал мне предложение в каком-нибудь необычном месте. – Тут глаза девушки засверкали. Она воздела взгляд к небесам и продолжила мечтательным голосом: – Например, на вершине пирамиды Хеопса. Или в факеле статуи Свободы. Или на Китайской стене...

– Или на крыше самого высокого здания в мире? – в тему подсказал Жюль.

– Точно! Где оно находится?

– В Эмиратах. «Башня Халифа» называется. Более восьмисот метров в высоту, – сказал парень и неопределенно махнул вверх рукой. Мол, восемьсот метров – это почти космос, трудно осознать, потому не стоит пытаться.

Отлично! Жюль понял ее мысль и даже предложил собственные варианты. Насчет самого высокого здания – стоит обдумать. Заманчиво. Посмотреть на землю почти из космоса – вершина впечатлений в прямом и переносном смысле...

– В Эмираты съездим в другой раз, – прервал ее мечты Жюль. Про «Башню Халифа» он

просто так сказанул. В тому получилось. На предмет предложения Жаннет у него имелась идея по-осуществимее.

– Рождественские каникулы мы проведем на моей родине, в Бретани. В одном особенном месте. Не беспокойся, милая, не разочаруешься, я уже все продумал. Место не мирового значения, вроде египетской пирамиды или Китайской стены, но не менее интригующее. Широко известное во Франции. Да, не побоюсь сказать, в Европе. Самое посещаемое после Нотр-Дам-де-Пари.

– Что за место? – вырвалось нетерпеливо у Жаннет.

– Секрет. Потерпи десять дней, увидишь. – Жюльен помолчал, подождал. Испытующе поглядел на девушку. – Неужели не догадываешься?

– Не имею понятия, – слишком быстро сдалась Жаннет. Недавний, чуть было не произошедший случай со смертельным исходом, притормозил скорость ее мышления. Изнемогая от загоревшегося любопытства, она с надеждой взглянула на любимого.

Тот остался непреклонен.

– Не пытайся, не скажу. Сюрприз будет.

– Ой, захватывающе! – с придыханием проговорила девушка и с восторгом посмотрела на друга.

Давно известно: лучшая награда мужчине – восхищенный взгляд любимой. Жюльена разобрала гордость за собственную догадливость – организовать оригинальное проведение Рождества. Не зря потратил на то пять минут паузы между лекциями по теории Фрейда о причинах возникновения Эдипова комплекса у мальчиков.

Посмотрел на сияющую радостью Жаннет, она показалось ему прекрасной. На ум пришла философская мысль: лица, освещенные счастьем, выглядят очаровательно – независимо от гармоничности черт и наличия морщинок.

Жюль улынулся в ответ. Он приготовил любимой сюрприз, однако, открывать раньше срока не собирался. Сюрприз точно понравится. Потому что отвечает ее ожиданиям.

Осветим ожидания подробнее. Подобно миллионам незамужних сверстниц Жаннет имела три желания. Первое: встретить привлекательного внешне, внутренне и финансово молодого человека. Второе: получить от него предложение руки и сердца – в романтической обстановке. Третье: в день свадьбы выглядеть принцессой.

Жюльен все это ей обеспечит! Постепенно и обязательно. Первое желание уже исполнено. Для следующего он выбрал хорошее время – вечер под Рождество, загадочный и многообещающий. Через десять дней, в самый Сочельник он исполнит второе ее пожелание: предложит выйти за себя...

– Я десять дней не выдержу, – жалобно пролепетала Жаннет.

5.

Десять дней – много или мало?

А ведь действительно, подумалось Жюлю, не слишком ли жестоко полторы недели скрывать от подруги – где именно он запланировал провести с ней Праздник года?

Вопрос «Как долго можно хранить тайну, чтобы не испортилась?» вообще очень деликатный.

Будущий психолог, Жюль знал: ожидания нельзя передерживать, иначе подобно молодому вину – застареют, закиснут, испарятся. Женщины по натуре – до неприличия

любопытны. Когда дело касается их лично, они любопытны болезненно. Может, не стоит заставлять подругу мучиться догадками?

Иначе получится обратный результат. Дня два Жаннет будет усиленно ломать мозги над тайной. Потом надоеет. Разочаруется, перегорит, переключится на что-то другое. Когда придет время узнать и радоваться подарку, энтузиазма не хватит: улетучится от тоски неудовлетворенного любопытства. Не лучше ли сейчас приоткрыть завесу, раз уж проговорился? Совсем немного – на щелочку?

Да, правильная идея. Полезная. Жюльен убьет двух зайцев. Один: проверит – понравится ли подруге подготовленный сюрприз. Другой: если расскажет в увлекательной манере – сделает любимой приятное, ощущение от чего останется добрым осадком на сердце.

Она наверняка догадается о его матримониальных намерениях. Обрадуется. Похвастается перед подружкам. Пусть завидуют: далеко не каждой из них делают предложение перспективные парни.

Если приоткрыть тайну, Жаннет не заметит этих десяти дней. Они не протянутся пыткой неизвестности, которая подобно жуку-короеду подтачивает настроение. Пролетят незаметно – в радостном ожидании, в волшебных грезах об их первом совместном Рождестве.

Точно! Решайся, Жюльен.

– Ну хорошо, дорогая. Могу сообщить лишь одно: на праздник мы отправимся в местечко Тиффож, в замок Синей Бороды! – торжественно провозгласил молодой человек – тоном циркового иллюзиониста. Который объявил публике, что сейчас они все вместе, не сходя с кресел, совершат путешествие в волшебную сказку. После чего в зале раздастся дружный выдох и воцарится ожидающая тишина.

– О, – округлив глаза, выдохнула Жаннет.

И затихла. Не сразу нашлась – что сказать. Потребовалось время осознать услышанное, чтобы среагировать по существу.

Услышанное звучало впечатляюще, и она заранее почувствовала себя счастливой. Фантазия заработала в ускоренном темпе. Не зависимо от того, сделает Жюль предложение или нет, скорее всего – да, но точно никогда не знаешь – провести Рождество вместе с любимым, в романтическом месте, в средневековом замке! Ах, мечта... Это запомнится надолго. Молодец Жюльен!

Жаннет запрыгала на месте, аплодируя заоченными ладошками с покрасневшими кончиками пальцев. Прыгнула на шею любимому, принялась расцеловывать в разные места лица. На пятом или шестом поцелуе он ее остановил – слишком уж они становились влажными.

– Ну, хватит, хватит, – добродушно сказал Жюльен, слегка отстраняясь.

Глаза Жаннет сверкали будто два солнышка. У нее сегодня счастливый день, который даже промозглая погода не в силах испортить.

Настроение взлетело на недостижимую для неприятностей высоту и будет оставаться там как минимум ближайшие полторы недели. Все благодаря Жюлю. *Ее* любимому Жюлю.

Не терпелось расспросить подробнее. Мысли закружились в голове, путаясь друг у друга под ногами. Язык не успевал высказать главные из них, затараторил первые попавшиеся:

– Ой, вот это да! Здорово ты придумал! Это будет самое оригинальное Рождество, точно знаю. Значит, это правда? Ну, про Синюю Бороду, или кто там под этим псевдонимом

скрывался. Он существовал на самом деле?

– Конечно, существовал. Это реальный исторический персонаж, – солидным тоном знатока ответил молодой человек. – Знаменитая, без преувеличения сказать – выдающаяся личность. На самом деле звали его барон Жиль де Рэ – де Лаваль, из знатного рода герцогов Монморанси-Крайон с примесью других известных фамилий. Он отличился беспримерной храбростью во времена Столетней войны, за что в двадцать пять лет стал маршалом Франции. Был личным телохранителем Жанны Д'Арк...

– А правда, что он своих жен убивал? – поспешно перебила Жаннет, чтобы не забыть вопрос, возникший по ходу объяснений.

– Вот здесь закралась неправдоподобность. Он не жен убивал, а детей. И в том была его ошибка. По моей личной версии.

– Почему ошибка? Ну, то есть... я понимаю, убивать детей – это ужасно, кровожадно и прочее...

– За кровавые преступления его приговорили к костру.

– Ой, интересно! А где этот Тиффож?

– В Бретани.

– Где это? В Англии, что ли?

Девушка была несильна в географии. Не только мировой, но и собственной, французской. Неудивительно: Франция – огромная страна, по площади самая большая из развитых в Европе. Разве мыслимо запомнить названия и расположение всех ее провинций, Нормандий и Бургундий? Тем более их расположение по отношению к Парижу в соответствии со сторонами света: на север, на юг или западо-восток. Она лево-право с трудом разбирает...

Впрочем, в последнее время недостаток эрудиции для Жаннет потерял значение. В качестве справочного бюро, толкового словаря и розы ветров у нее имелся Жюльен, чтобы не стесняясь спрашивать на любые темы.

– Бретань – это самая западная оконечность страны... – начал разъяснять друг, но Жаннет тут же перебила:

– Жюль, пожалуйста, без сложностей со сторонами света...

– Хорошо. Провинция Бретань располагается на полуострове с тем же названием, который выдается в Атлантический океан. На карте Франции расположен вверху, чуть сдвинувшись в сторону Испании. Так понятнее?

– Нет, но продолжай.

– Ладно, географическое положение, в принципе, неважно. Замок Тиффож, куда мы отправимся, находится на окраине городка с тем же названием. Стоит на левом берегу реки Мэн-э-Луар, на холме, в соответствии с правилами древней архитектуры. Которые предписывали строить замки-крепости на возвышенностях, чтобы их труднее было осадить и захватить.

Само здание выглядит заброшенно, неухоженно, потому что давно необитаемо. После казни хозяина было оставлено без присмотра, на произвол природных стихий. Но внешнее впечатление обманчиво. Крепость имеет несколько нетронутых временем и разрушениями помещений, в основном – в подземелье.

Мне всегда казалось странным, что власти не производят там реставрацию. Ведь это не просто один из многих средневековых замков, сохранившихся на территории страны. Это второе по популярности и посещаемости место во Франции...

– После Нотр-Дам-де-Пари, естественно, – вставила девушка.

– Ты права, – подтвердил Жюль и задал сам себе вопрос: – В чем привлекательность крепости Тиффож для туристов? Здесь сыграла роль неоднозначная репутация последнего владельца. Того самого, с которого списан образ пресловутого маньяка Синей Бороды. Но, поверь мне, барона очернили незаслуженно.

– Жюль, расскажи поподробнее. Я почти ничего не знаю о прототипе... о праобразе... то есть о бароне де Рэ. Значит, сказка Шарля Перро про женоубийцу с синей бородой не имеет реальных оснований? Его оговорили выдумщики неправдоподобных историй?

– Теперь трудно с уверенностью сказать, – сказал Жюль раздумчиво. – За давностью лет – с тех пор прошло около шести столетий – невозможно установить истину. Вопрос виновности его все еще волнует историков: проводятся экспертизы, выдвигаются новые версии. Чаще – с сомнениями по поводу беспристрастности средневековых судей. По запросу потомков барона несколько лет назад прошел новый судебный процесс. С целью очистить имя Жюль де Рэ – де Лавалья от многовековой дискредитации. Сейчас вопрос стоит так: верить или не верить в его преступления.

Лично я не верю. Не могу представить, что он повинен в тех сорока семи пунктах обвинений, предъявленных судом. Среди которых: убийство детей в особо бесчеловечной форме и в невероятных количествах. Всего насчитали около восьмисот случаев пропаж детей в окрестностях Тиффожа. Всех объявили убитыми Жилем де Рэ.

Вердикт суда включал подробное описание деяний обвиняемого. В том числе надругательство над детскими трупами, сексуальные извращения в виде некрофилии и педофилии, использование теплой крови убитых для заключения союза с дьяволом и прочее. Не буду утомлять тебя слишком натуралистичным упоминанием жестокостей, предположительно происходивших в крепости Тиффож. Они могут привести к депрессии и длительной тоске даже человека со здоровой нервной системой.

– Кажется, ты из тех мест? – неуверенно проговорила Жаннет, вспоминая короткую биографию друга, которой он поделился в самом начале их отношений.

– Точно! Родился в местечке Машкуль, на границе Бретани и Анжу, километрах в пятнадцати от печально известного замка. Когда был подростком, с друзьями несколько раз ездил на велосипеде в Тиффож... – сказал Жюль и остановился.

6.

Поясним причину. Жюль был не любитель откровенничать о себе. Из природной скромности и профессиональной склонности больше слушать, чем говорить. Он сделал паузу, проверяя – не обратится ли Жаннетин быстроменяющийся интерес с его личности на что-то другое. Тайно надеялся именно на такой поворот: только что она перебивала его новыми вопросами, не давая договорить ответ на старый.

Но – нет. Девушка молчала, ожидая продолжения именно о нем, Жюле. Что, мягко сказать, не воодушевило. Надо бы незаметно свернуть с нежелательной темы...

– Я бывал на развалинах неоднократно и заметил одну вещь: место недоброй славы обладает странной силой притяжения, – продолжил Жюль с увлеченностью исследователя, севшего на свой конек. У парня он назывался психология. Естественно. – Легенда, связанная с Тиффожем, заставляет содрогнуться от ужаса. Но не отталкивает. Наоборот – создает особую ауру, заманчивую, таинственную. Которую хочется разгадать, пощупать. Потому туда

не иссякает поток любопытных.

Ужас щекочет нервы, потому привлекателен – закон, на котором основан успех хоррор-фильмов. И мест, где происходили жуткие события. Они превращаются в туристические магниты. Каждая страна имеет такие. Тщательно культивирует, продвигает в качестве завлекающей изюминки для современных пилигримов.

Ты заметила: места, где происходили жестокости, намного популярнее у туристов, чем места благостных деяний? Какая-то невидимая, неодолимая сила ведет человека. Заставляет приехать издалека, чтобы посмотреть на обстановку, где совершены массовые убийства, каннибализм или отрубание голов. Существуют даже «музеи пыток», посвященные орудиям издевательств и аппаратам для умерщвления. О них посетителям в подробностях расскажут увлеченные гиды. Даже предложат примерить на себя, чтобы побывать в роли жертвы, полнее прочувствовать ее испуг.

Как думаешь – почему нас привлекает экстремизм порока?

– Почему? – Жаннет не собиралась напрягаться. Легче спросить.

– Потому что жутко заманчиво разгадать – где спрятаны истоки дьявольского в человеческом мозгу? Увлекательная, вечная дилемма: борьба добра и зла в одной душе.

Загадка, привлекающая два типа людей: ученых и туристов. Первых она заставляет ломать голову над сбоями в извилинах мозгов. Вторых – посещать широко обсуждаемое место. Что позволяет некоторым странам ощутимо пополнять бюджет. Потому они отчаянно стремятся раскопать в собственной истории нечто, пугающее обывателя бесчеловечностью, выходящей за рамки повседневной жизни. Вот несколько примеров. Чем привлекает зарубежных гостей Румыния?

– Румыния? Э-э... Это там, где Дракула?

– Вот! Ты сразу назвала. Хотя страна богата другими, эстетически обогащающими достопримечательностями: красочной природой горной Карпатии, лечебными источниками, старой архитектурой городов.

А среднестатистический турист стремится сломя голову в печально известный трансильванский замок – обитель самого популярного в мире кровопийцы. Хотя вампиризм Дракулы не подтвержден ни документами, ни свидетельствами современников. Основан лишь на книжной выдумке. Которая настолько укрепилась в мозгах, что не допускает альтернативной интерпретации.

– Ой, Жюль, пожалуйста, без вашего специфического ученого жаргона...

– Извини. Переведу: версия про вампира Дракулу не имеет доказательной базы. Она была придумана Брэмом Стокером и настолько понравилась широкой публике, что все другие автоматически были признаны нерелевантными... то есть – не имеющими значения. Сейчас забыли, что писатель Стокер в свое время пользовался славой «пропагандиста чепухи». В частности за выдвижение гипотезы, что самая известная британская королева Елизавета Первая была мужчиной.

– Ха! Неужели правда? На что же он опирался?

– На расплывчатые, малодостоверные факты. Суди сама. Елизавете не исполнилось трех лет, когда осталась без матери – той самой Анны Болейн, которой по приказу мужа Генриха отрубили голову. Девочку отправили подальше от Лондона. Под предлогом – чтобы охранить от возможных болезней. На самом деле – чтобы не попадалась на глаза отцу, не напоминала о супруге Анне, не удосужившейся родить мальчика.

По версии Стокера: Елизавета воспитывалась в дальнем поместье Оверкорт, где в юном

возрасте скончалась от эпидемии...

– Холеры? – быстро подсказала девушка. И не угадала.

– Нет, чумы. Чтобы избежать гнева короля, гувернантки решились на подлог: тело принцессы спрятать, вместо нее подставить двойника. Как назло, подходящей по возрасту и внешности девочки в деревне не нашли. Пришлось пойти на двойной обман: переодеть в женское платье мальчика Невилла, который тоже был рыжеволосым.

Подлога при дворе не заметили. Мальчик продолжил жить под чужим именем, утверждал Стокер. Чем объяснялись некоторые факты биографии королевы: она никогда не выходила замуж, не имела детей, выглядела крайне непривлекательно для женщины.

– Вообще приемлемое объяснение, – раздумчиво проговорила Жаннет.

– Но оно не прижилось. По причине очевидной смехотворности, а также по политическим мотивам. Но не будем задерживаться на развенчании каждого, притянутого за уши, предположения. Вернемся к теме разговора.

– А про что мы...

– Про популярные туристические места, которые завлекают происходившими там ужасами. Так вот. В Центральной Африке гостей непременно сводят во дворец бывшего диктатора Бокассы, который открыто признавался в каннибализме. В его доме сохранился холодильник со следами крови, где он держал человеческую «свежатинку». Холодильник находится в статусе «государственного экспоната» и строго охраняется.

Помнишь случай с японским студентом-каннибалом, обучавшимся в Сорбонне? Который убил и съел сокурсницу из Голландии? Эта история произошла здесь несколько лет назад здесь и получила продолжение, не логичное с точки зрения здравомыслящего человека.

Из-за юридических нестыковок во Франции ему удалось избежать судебного процесса. Бывший студент университета вернулся на родину – в Японию, где стал национальной знаменитостью. Начал писать книги о своем «оригинальном» жизненном опыте и за короткое время прославился как автор бестселлеров. Живет безбедно. Раздает интервью, участвует в съемках программ о себе, необыкновенном. Хотя, по логике, должен вызывать только отвращение и рвотные позывы.

– Вот ужас-то, – проговорила Жаннет и даже немного побледнела.

Жюльен замолчал на мгновение, ожидая, что девушка попросит прекратить разговор. Тема, конечно, малоприятная... Не дождался. Жаннет слушала с интересом в глазах и не собиралась прерывать на самом захватывающем месте.

– Продолжу проводить параллели. Схожие тенденции можно найти в других странах. В Лондоне история Джека-Потрошителя муссируется гидами с мельчайшими подробностями. В районе Уайт Чепел, где он убивал проституток, проложен целый маршрут по следам его преступлений. А посещение Тауэра, тюрьмы с кровавым прошлым, входит в официально составленную программу для туристов.

Там непременно сводят в камеру братьев-принцев, Ричарда и Эдуарда. Которых тайно умертвили как конкурентов на престол. Этих белокурых, хрупких юношей часто изображают на рекламных проспектах шекспировской пьесы «Ричард Третий». Про них расскажут душеспасительные подробности, от которых ночью не заснешь, испугавшись призраков в собственной спальне.

– Почему это?

– Потому что несчастных принцев задушили подушками в кроватях.

– Понятно. Послушай, Жюль, я ведь раньше никогда не обращала внимание на то, о чем ты говоришь. Сейчас так очевидно стало...

– Я называю только общеизвестные факты. В Монголии туристов отвозят полюбоваться гигантской статуей национального героя Чингиз-хана – завоевателя, покорителя и убийцы. Который не щадил даже ближайших друзей и родственников. Между прочим, именно из-за него китайцы задумали построить стену. Да что далеко ходить за примерами. В собственной истории их полно. Куда часто рекомендуют заглянуть парижские гиды?

– На Эйфелеву башню?

– Да. И в Дом инвалидов. Чтобы взглянуть на гробницу Наполеона, полководца, угробившего сотни тысяч соотечественников. Ради чего? Ради удовлетворения непомерных амбиций. Только кто сейчас вспомнит те безымянные жертвы? Главное, что осталось в памяти благодарных потомков – военные завоевания нашего милого патриота, французского императора с итальянскими корнями. Потому устроили ему самую роскошную гробницу в истории страны.

Кстати замечание: мы в Европе не одиноки в прославлении личностей, не считавшихся с количеством жертв ради собственных фантазий. В столице далекой России на главной площади страны лежит труп вождя революции, во время и после которой погибли миллионы русских. Но о них тоже не принято говорить. Вождь – это звучит гениально. А на самом деле – гениальный сдвиг мозгов.

– Кажется, Гитлера тоже вождем называли?

– Точно. Все места, связанные с его памятью, превратились в туристические объекты: дом, где родился, bunker, откуда руководил войной, санаторий в горных Альпах, где заботился о здоровье и отдыхал с Евой Браун. Кстати, начинал он очень невинно – как любитель-художник. Я видел его зарисовки Вены начала двадцатого века. Не сказать, что примитивно... Посредственный талант. Лучше бы Гитлер стал заурядным художником, чем великим вождем. К сожалению, судьба распорядилась иначе.

7.

Жюльен опять умолк, будто выдохшись. Искоса взглянул на девушку – не утомил ли? Он нарочно завел отвлеченный разговор – чтобы заставить Жаннет забыть случай на башне. Когда ее душа и тело собрались разлучиться невенно, отправившись в противоположных направлениях: душа чуть не улетела к ангелам, а тело едва не шмякнулось с тридцатиметровой высоты.

Напрасно беспокоился. Она не имела планов переживать о недавно неслучившемся. Погрузилась в беседу с головой. Ее взгляд ни разу не оторвался от лица Жюля, не подернулся задумчивой дымкой, не остановился в забытии. Девушка слушала внимательно. Когда он сделал паузу, не изменила ожидающего выражения глаз.

Ее увлекло равнодушие, с которым рассказывал Жюль. Тема никогда не приходила в голову Жаннет, а ведь феномен существует.

Как вирус международной эпидемии заражает он любителей путешествовать по хорор-местам. Заболевание это неопасное, проявляется в форме крайнего любопытства. Диагноз: негласный заговор туристов, объединенных страстью к посещению печально известных исторических мест. Эдакая маньячная география...

Хорошо, что Жюль сегодня открылся, подумалось Жаннет. Если собираешься выходить

замуж, полезно знать увлечения будущего спутника жизни. По возможности – разделять их. Или, как минимум, понимать истоки.

Понять не составило труда. Более того, показалась завлекательно – разобраться в судьбе последнего владельца Тиффожа. Герой войны превращается в посмешище из сказки – нестандартный сюжет. Почему про это ни голливудских фильмов не создано, ни бульварных книжек не написано?

Тема заслуживает самого серьезного рассмотрения творческими людьми. А что? Неплохая идея для издателей и продюсеров. Их продукция – сильнейший пропагандист. Пусть работает на возбуждение интереса к жизни замечательных людей и оживление туристических потоков. Не в коммерческих целях, а в народо-объединяющих.

Поясним мысль. Любовь к путешествиям как никакое другое хобби способствует появлению чувства общности у самых разных людей. Отличающихся цветом кожи, языком, фольклором, религиями и привычками.

Вступайте в благословенное сообщество туристов, и перед вами гостеприимно откроются все двери – от дворца и хижины. Для вступления не потребуется покупать входной билет или годовой абонемент. Только выбрать: эксклюзив-, бизнес- или эконом-класс. Демократичнее некуда.

Туризм всегда с тобой, отвечает на любой запрос и каждый кошелек – от велосипеда до самолета. Вот если бы сильные мира сего оценили его перспективность! Не оружием вводили западную демократию в восточные регионы, а использовали возможности поголовного туризма. Мирным путем и наглядным примером добьешься большего.

Странно звучит? Лишь на первый взгляд. Смотрите сами. Вот съездил бы человек в отпуск за границу. Посмотрел, как другие страны процветают, и наверняка захотел бы такую жизнь у себя устроить. С помощью бескровной революции. Вот когда наступило бы царство всемирной демократии – без бряцания оружием и клацанья зубами в сторону друг друга.

Вообще полезно внести пункт о туризме в рабочий контракт. С обязательным исполнением хотя бы четыре раза в год.

Или раз в квартал. Минимум. Отличное средство против терроризма. Доказано исследованиями британских ученых: экстремистские мысли посещают человека каждые три месяца.

Проследим динамику развития и эскалации стресса. В первый месяц появляется желание убить соседскую собаку, которая регулярно гадит на тротуар рядом с дверцей машины. Во второй – зарождается смертельная ненависть к начальству, срочно потребовавшему отчет о непроделанной работе. В третий – ненависть приобретает конкретные направления, одно из которых – опять приехавшая «погостить» теща.

А послали бы начинающего закипать экстремиста-радикала на Багамы за счет предприятия – глядишь, отдохнул бы гражданин, расслабился на белых тропических песках. Ощутил неважность каждодневной суеты. Осознал бы ценность и неповторимость земной жизни, где существуют райские уголки покрасивей, чем на виртуальных небесах. Которые духовные лица и военные тренеры обещают ему в случае самоподрыва.

Вернулся бы домой другим человеком. Счастливым, умиротворенным. Пацифистом – на ближайшие три месяца. Единственной проблемой которого остался вопрос: чем намазать обгоревший нос, чтобы не облезал ошметками?

Заграничный отдых – польза, очевидная для сохранения мира, и в интересах всех

народов планеты. Не тратились бы бесполезно горы денег и тысячи жизней на индустрию вооружения. Сэкономленные на войне средства использовались бы для бесплатных путевок в экзотические места, с обязательно-насильственным их посещением. Посмотрели бы, как скоро стерлись разделяющие людей идеи и барьеры, часто существующие только в воображении, воспаленном от неиспользованного отпуска.

Ну, далеко заходить в отвлечениях не будем, вернемся к беседе Жюля и Жаннет. Речь шла о феномене привлекательности порока, который заставляет отяжелевшего от поглощения чипсов обывателя превращаться в легкого на подъем туриста. Который передвигается по странам и континентам, с особым энтузиазмом посещая места, где творились бесчеловечные ужасы.

– Кстати, – продолжил молодой человек, – из той же оперы стремление людей посетить территории, недавно подвергшиеся действиям разрушительных стихий. Чтобы своими глазами увидеть результат природных катастроф: наводнений, извержений вулканов, ураганов, цунами, расколов земной коры. Катаклизм-туризм называется.

Мы на нем задерживаться не будем, вернемся на родную землю. В случае с крепостью Тиффож – у посетителей есть возможность «полюбоваться» на легендарное место не по горячим следам событий, а с расстояния прошедшего времени.

К счастью. Потому что в те тревожные, средневековые годы чужаков к крепости никто близко не подпустил бы. Да. Не дай Бог было жить поблизости или проходить рядом. Ни крестьянин, ни церковнослужитель, ни, тем более, женщина или ребенок не были уверены за свою жизнь.

– Это почему?

Вопрос показался Жюлю настолько наивным, что он недоуменно уставился на подругу. Разве непонятно? Потому что само собой разумеется одна вещь: другие времена – другие обстоятельства. Обижаться на подругу не стал. Догадался – все дело в неведении. То, что для него «само собой разумеющееся», для нее – чистый лист. Следовало растолковать Жаннет, терпеливо и подробно, чтобы была в курсе.

– Объясню ситуацию, в которой происходили события. Немного истории. Представь: Франция 1629 год. В разгаре Столетняя война, краткое содержание которой в следующем. Король Англии пытался расширить свои французские владения и сделать заявку на второй престол – у нас. Французы сопротивлялись. Но неубедительно. Отсутствие четкой стратегии, вражда между феодалами, слабость королевской власти – все это мешало нашим.

И помогало врагам. Надо отдать должное тактике англо-саксов. Которая была проста и эффективна: нарушить экономику региона путем опустошительных набегов. Разоряли крестьянские хозяйства, мельницы, ремесленные мастерские. Массовыми убийствами запугивали население, подавляя желание сопротивляться. Особенно в том преуспел пресловутый Черный Принц.

– Почему его так прозвали?

– Потому что черный плащ любил носить, – коротко и неясно ответил Жюль, не желая отвлекаться. – Невиданные напасти свалились на головы французов. От вражеского террора и как следствие – голода, эпидемий, общей неустроенности жизни численность населения сократилась на две трети. Понимаешь глубину отчаяния простых людей? Именно в тот момент на его мрачном фоне возник лучик света. Пришла Дева, которая объявила себя избранницей Бога для священной миссии – освобождения родины.

Угнетенный несчастьями народ с последней надеждой и великим воодушевлением

встретил весть о воительнице Жанне. С Всевышней помощью она повела войска на супостата. И начала побеждать! Барон Жиль де Рэ – де Лаваль был назначен ее телохранителем в походах. Обязанным охранять, защищать и всячески поддерживать ее. Ведь, сама понимаешь, она одна девушка среди тысяч мужчин.

Год сражался барон бок о бок с бесстрашной Жанной, ведомой одним желанием – принести мир на родную землю. Потом тропы соратников разошлись. Трагическим образом. После предательства, Жанна попала в плен. Окончила жизнь на костре, обвиненная в самых нелепых грехах – как ношение мужской одежды. Интересно, удобно ли ей было воевать в платье?

После войны барон де Рэ поселился в Тиффоже. Демонстративно обособленно. От света отдалился, жену с дочкой отправил подальше. Будучи богатейшим вельможей Франции, устроил свой быт по принципу «королевство в королевстве».

На обустройство «двора» денег не жалел. В пределах крепости возвел церковь со штатом священников. Окружил себя свитой из молодых рыцарей, которых одел в богатые костюмы. Выезжал из замка торжественным кортежем, не уступавшим королевскому. Впереди скакали трубачи, предупреждая о приближении господина, разгоняя зевак и попрошайек. Зрители бывали поражены количеством сопровождавших его персон, роскошью одежд, убранством карет и лошадей.

Вел он себя соответственно. Как единоличный, недемократичный правитель, тиран и эгоист. Но пойми, Жаннет, в те времена это была нормальная практика жизни. В стране царил беспорядок. Общегосударственных законов не имелось. И богач, и простолюдин поступали по принципу «кто во что горазд». Вельможи вели себя как царьки в пределах поместья. Сами устанавливали законы, сами следили за их исполнением. Будучи болезненно-подозрительными, друзей не заводили, от родственников держались подальше. Опасались предательства, которое могло стоить головы. В междоусобных конфликтах рассчитывали только на себя.

Нашему барону де Лавалю, как богатейшему дворянину, следовало проявлять двойную осторожность. Окруженный тайными завистниками и открытыми недоброжелателями, он чужаков в своих владениях не терпел. Принимал за вражеских шпионов. Приказывал свите не церемониться с незнакомцами.

Потому жители деревень в окрестностях Тиффожа опасались лишней раз попадаться господину на глаза. Любого могли схватить его подручные молодцы. Без объяснений-извинений заставить работать. Или платить дань. Или избить для собственной тренировки и чтобы знал на будущее. А женщин...

– Ну, тут понятно. А дети при чем?

– Детей как раз очень охотно привечали, особенно мальчиков. Приглашали зайти в замок под предлогом петь в хоре – для развлечения хозяина. Частенько туда попадали бездомные, брошенные, из бедных семей. После того, как скрывались за воротами крепости, следы их терялись. Что, собственно, послужило основанием для начала разбирательства.

– Так ты отрицаешь участие барона Синеи Боро... то есть де Рэ в кровавых оргиях с применением педофилии, некрофилии и гомофилии заодно? Не веришь пословице – нет дыма без огня? – принялась Жаннет выспрашивать, сев на любимый конек – любопытство. Посмотрела на друга строгим взглядом, будто оппонент на защите кандидатской, начавший ученую дискуссию.

– Сейчас трудно разобраться, – не совсем уверенно ответил Жюль оппоненту-Жаннет. –

Пословица тоже может ошибаться. Фактов против барона нет. Только сплетни и предрассудки. Точно знаю одно: на войне он показал себя как рыцарь, герой и патриот. За что заслуживает уважения. Конечно, у де Рэ имелись отклонения... в смысле ориентации... За которые сейчас не судят. Мой личный приговор: невиновен по всем пунктам, – убежденно закончил он.

Девушка испытующе взглянула на друга. Пришла мысль: а ведь она не так хорошо знает Жюля, как предполагала до того. Кажется, у него есть тайное увлечение, о котором он до сих пор молчал. Насколько оно серьезно?

– Скажи честно. Владелец Тиффожа – твой кумир?

– Ненавижу это слово. Означает униженное поклонение. К тому же «кумир» – громко сказано. У меня к его личности давний интерес. Не поверхностный, как фаната к идолу. Более глубинный, желающий проникнуть в тайны психологии неординарного человека.

– Потому ты его защищаешь?

Жюль помолчал. Никогда не задумывался. Защищает он его или только пытается объективно разобраться?

У Жаннет не было времени на его раздумья. Не терпелось сообщить свое видение ситуации:

– Понимаю, дорогой. Барон впечатлил тебя подвигами, совершенными во славу родины. Воспринимаешь его чисто эмоционально – как выдающуюся личность. Не хочешь признавать недостатки, которые портят идеальную картинку. По принципу: на солнце не должно быть пятен, на предмете поклонения не должно быть марающих деяний. Правильно я сформулировала психологическую подоплеку?

– Пожалуй, да.

– Ой, интересно! А как все началось?

– Началось с детства. Я был впечатлительный. Когда прочитал ту самую страшную сказку о Синей Бороде, несколько ночей не мог спать. Как ни странно – не от страха. А от...

Жюль пощелкал пальцами, подыскивая слово.

Не нашел.

– От того, что тогда не смог бы описать. Это было странное ощущение. Чуть ли не восхищение, что ли. Пойми правильно: восхищение не преступлениями, а силой характера. Внутренней независимостью. Решимостью поступать неординарно. Отвагой быть не как все. Следовать собственным побуждениям, а не предписанным в обществе правилам. Не обращать внимание на чужое мнение, не бояться испортить репутацию...

Дальше автор продолжит рассказ от себя. Чтобы осветить вопрос в подробностях, которых Жюльен сам про себя не знал. Или знал, но не желал разглашать как сугубо интимные.

Восхищение героем-злодеем с возрастом не пропало. Оно осело в подсознании, подпитывалось каждой новой информацией, которую удавалось заполучить. Когда Жюль узнал, что у Синей Бороды существовал прототип, который вдобавок – жил неподалеку, снова не спал. Думал: надо обязательно там побывать.

Желание вскоре осуществил. Получилось удачно: за успешное окончание очередного школьного года получил от родителей в награду новый велосипед и разрешение на путешествие. Отправился в тот же день – от Машкуля до Тиффожа меньше часа ехать.

Существует стереотип мышления: злодеи живут в подземельях, герои – во дворцах. Поддавшись ему, Жюль ожидал увидеть в Тиффоже нечто грязно-отталкивающее. Типа

закопченной пещеры неандертальца с разбросанными по полу костями обглоданных людей.

Увидел совершенно противоположное. Романтичное, в стиле «декаденс» – живописные развалины, заросшие зеленью.

Крепостной комплекс располагался на холме и выглядел типично для средневековья. Стены с мощными бастионами окружали территорию, внутри – башня замка в виде шахматной ладьи. Бойницы-щели вместо окон. Дорога к воротам – узкая, крутая, неудобная для тех, кто задумал напасть.

Когда-то замок выглядел внушительно, сурово и неприступно, одним видом отбивая охоту захватить его силой. Теперь находился в плачевном состоянии, но ничем не напоминал первобытную пещеру людоеда.

Посещение крепости стало для юного Жюльена воплощенной мечтой. Он облазил каждый камень, осмотрел каждую сохранившуюся комнату. Заглянул в каждый закоулок, коридор, подвал и винный погреб. Прошелся по стенам, пробежался по лестницам. Наконец, взобрался на башню, откуда обозрел окрестности.

Поистине идиллические открывались оттуда виды. Бесшумно текла река – точно извилистое зеркало, отразившее чисто-голубое небо. Мирно паслись овцы, кудрявыми облачками рассыпавшись по луговой траве. По пологим береговым склонам расселись дома деревушки, покойно дремлющей в окружении садов и лесных островков.

Нет, осознал тогда юный Жюль, посреди столь невинной, нереально идеальной картины не мог родиться и воспитываться будущий маньяк. Это не вяжется на уровне ощущений, которые в психологии главные. Сдвиг произошел позднее, в зрелом возрасте. Душа его совершила ошибку, только когда именно? И совершила ли вообще? Вот что стоило выяснить в первую очередь.

Во вторую – справедлив ли был суд, обвинивший владельца Тиффожа в самых отвратительных преступлениях, которые в силах придумать человеческое воображение.

8.

Идея-фикс увлекла Жюля – разобраться в феномене Жилия де Рэ, барона де Лавалья.

Провести собственное расследование – непростая задача, осложненная сроком давности. Что делают, когда обстоятельства предполагаемого преступления неясны: вещественные доказательства отсутствуют, свидетели умерли, место события потеряло первоначальный вид?

Бросаются на штурм библиотек.

Оказалось, тема горячая, волнующая историков до сих пор. Книг – огромное число, но оно не обрадовало нашего психолога-детектива. Все они были созданы по методу «кто-то что-то сказал, а я записал и от себя добавил». Жюль искал другое – непредвзятый рассказ, основанный на подлинных документах, свидетельствах современников.

Кто ищет, тот найдет – пословица неустаревающая. В руки попала одна оригинальная книжица – под названием «Реквием по барону де Рэ».

Она привлекла внимание тем, что отступала от негативного мнения в отношении героя. Выделялась оправдательной интонацией в общем хоре проклятий. Подвергала сомнению слухи про ужасы, творившиеся в крепости Тиффож. Делала попытку непредвзято рассказать о благородном рыцаре, каковым барон являлся несомненно.

Эта книга – результат архивных изысканий, для удобства чтения оформленный как

художественная повесть. Автор – политически и религиозно незакомплексованный философ Жорж Бордоно. Он описал де Лаваль по преимуществу положительными красками. И оказался в том чуть ли не единственным из всех сочинителей, затронувших тему его печальной судьбы.

Вступление гласило: «Барон жил как преступник, а умер как святой». После прочтения книги Жюльен в том убедился. Сделал для себя первый вывод: де Рэ несправедливо оболгали в истории.

На самом деле барон был истинным патриотом Франции, рисковавшим жизнью на полях сражений. Ближайшим сподвижником и советником Жаны Д'Арк. Негодяя она бы рядом не потрепела. На войне познается глубинная сущность человека. В соратники берут лучших друзей, на которых можно положиться. Без взаимопонимания – смерть. Жанна приблизила к себе де Лаваль, значит – доверяла. Разве можно найти лучшую рекомендацию?

Дерзость характера его восхитили Жюльена, а факт, что они однофамильцы, тому помогло. Молодой человек сделался тайным поклонником знаменитого земляка. Тайным, потому что открыто восхищаться человеком, которого после гибели унижительно прозвали Синею Бородой, было неосмотрительно.

Симпатии к человеку, объявленному кровавым маньяком, не приветствуются в обществе. Жюль знал и не собирался становиться изгоем или мучеником во имя неизвестно чего. Не желал подвергаться нападкам за оригинальность взглядов – это могло помешать будущей карьере, ненужно осложнить жизнь. Ведь несмотря на гордые прокламации о свободе слова, свобода эта на самом деле имеет жестко очерченные рамки.

Завершив первый этап расследования, Жюльен пришел к заключению: барон де Рэ-де Лаваль был совсем не тем злодеем, за которого его выдают. Общественное мнение воспринимает его слишком зашоренно, односторонне. В соответствии с официально установленной версией: кровавый убийца, замучивший сотни малолетних жертв, не считая других злостных правонарушений. Среди которых: общение с дьяволом, склонность к алхимии и далее по порядку – из набора обвинений средневекового суда.

У Жюля барон вызывал не отвращение, а сочувствие и симпатию. С примесью горечи. Будто к члену семьи, которого подвергли шквалу нелестных, неподтвержденных, непроверенных слухов. Они стали преследовать его после смерти и постепенно превратились в утверждение, не подлежащее отмене. В безоговорочно принятый вердикт, который давно следовало бы пересмотреть – из-за вновь открывшихся обстоятельств. Например, что общение с дьяволом – лишь плод воображения, а смешивание химических элементов – лишь научный опыт.

Странное ощущение: Жюль считал себя родственником великого земляка. С чего он взял? Да, имена почти одинаковые: разница в одну букву. Фамилии совпадают – де Лаваль. Но это ни о чем не говорит. У барона фамилий имелось около десятка – все по названиям владений, унаследованных от родни. Так что в округе полно его «однофамильцев».

Или выдвинуть другую версию, более вероятную. Ну... относительно вероятную: Жюльен – дальний его потомок. От незаконнорожденного сына кухарки или крестьянки, неосторожно проходившей мимо? Почему нет? Барон де Лаваль отличался сексуальной агрессивностью и неразборчивостью в связях... Версия возможная, но за давностью лет недоказуемая, не подвластная практическому анализу ДНК. Жаль. Было бы интересно проверить.

Результаты расследования воодушевили Жюля. Вплотную занявшись изучением жизни

барона, обнаружил первые несовпадения в его досье. Немедленно приступил ко второй части задания – проверить непредвзятость судей, приговоривших носителя древнейшей французской фамилии к сожжению на костре позора.

Кстати про костер. Наказание это было таким же обычным в средние века, как сейчас штраф за превышение скорости. Широко применялось к рядовым еретикам и низкородным колдуньям-самоучкам. Но не к представителям знати. С которыми воины инквизиции предпочитали не связываться. Себе дороже: богатые вельможи вспыльчивы и агрессивны, натренированы в междоусобицах, без оружия не ходят, умеют за себя постоять. Придешь их арестовывать – надают по шее и вытолкают взащей.

Тем более судьи должны были бы поосторожнее обращаться с опытным полководцем, маршалом Франции. Ан нет, не побоялись начать преследование и вынести высшую меру. Значит – имели поддержку: приказ убрать барона поступил с самого высокого верха...

К удаче Жюля в этой части расследования имелось больше фактической определенности в виде хорошо сохранившихся документов.

Он критически просмотрел материалы дела. Первая подозрительная вещь, бросившаяся в глаза: председателем суда и главным обвинителем выступал давний должник барона – епископ Нантский. Все ясно. Заинтересованное лицо.

Второе – сама формулировка обвинений звучит как несусветная околесица. Неправдоподобная, непропорциональная и в большинстве глупая, если не сказать – смешная. Ну кто сейчас поверит в дребедень про «связь с дьяволом» и «подписание договоров кровью»? Галиматья, не вызывающая доверия. В те времена всеобщей безграмотности высшие дворяне были отлично образованны, имели под рукой чернила, чтобы не калечить себя по мелочам. Резать себя ради добычи капельки драгоценной голубой крови? Нонсенс. Получишь заражение – никакой дьявол потом не вытащит с того света.

Скажете – кровь использовали не вместо чернил, а в качестве клятвенного средства на верность сатане? Отвечаем: ни одного документа, подписанного кровью – красной, голубой или проявляющейся в качестве доказательства против де Рэ суду предъявлено не было.

Тем не менее, в существование компромата заседатели поверили безоговорочно. Не под давлением ли того епископа?

Дискуссия сам с собой, Жюль соглашался: да, нельзя подходить с новыми мерками к старым предрассудкам. Но можно догадаться о вопиющем непрофессионализме средневековых дознавателей. Вернее – профессионализме в добывании сведений, невозможных проверить.

Методы ведения следствия были на уровне примитива. Обвинения построены лишь на голословных утверждениях и предположениях случайных людей. На их основании приговорить к высшей мере родовитого дворянина? Абсурд чистой воды.

Дознавателю Жюлю судьи представлялись предвзятыми людьми, настроенными притянуть за уши нужные факты. Для того они выудили «признания» из свидетелей, почему-то оказавшихся исключительно из числа прислуги неблагородного сословия. Не потому ли, что представителей простонародья разрешалось подвергать «допросам с пристрастием»?

С другой стороны – несчастных можно понять: кто бы устоял перед угрозами отлучения от церкви и пытками, подсказанными самим сатаной? Средства тогдашних палачей известны: дыба да «испанский чулок», дробящий кости. Не говоря про кол. Одно упоминание о применении которого приводило людей в суеверный ужас, заставляло умирать –

от мгновенного инфаркта мозга. Или инсульта сердца? Короче, от внезапной остановки жизненно важных функций организма.

Итак, половина дела слугами инквизиции была сделана – кривдами и неправдами собраны показания про «злодеяния» владельца Тиффожа. Встала главная проблема – сломить сопротивление самого де Лавалья. Который отвергал все обвинения против себя, особо те, в которых говорилось о связях с нечистым и кровавых оргиях на детских останках.

Судьям требовалось чистосердечное признание – только после него существовала возможность вынести смертный приговор. Однако, загвоздка: барон отказывался себя оговорить.

Пытки применять не дозволялось к действующему маршалу страны.

Требовалось сломить его морально. Ради того пошли на очередной подлог. Первым делом пригрозили навечно отлучить от церкви, от чего упорство набожного барона пошатнулось. Чтобы окончательно лишить его мужества, решили продемонстрировать издевательства, которым он, якобы, подвергнется в случае продолжения запирательств.

Де Лавалья привели в подвал, где на его глазах начали пытать людей. Буквально через несколько минут отважный воин, видевший на войне немало крови и расчлененных трупов, потерял сознание от зрелища страданий и звука стенаний.

Немедля подписал все, что требовалось – к великому облегчению организаторов процесса. Жюльен понимал барона и не осуждал. Что было делать? Пытка – сильнейший аргумент при ведении допроса. Какой сумасшедший согласится на нее, если взамен требуется всего лишь поставить подпись? Пусть под самым невероятно-предрассудочным утверждением: имел сношения с дьяволом, ел свежесрезанных детей...

Сама формулировка смехотворна.

Для двадцать первого века. А для пятнадцатого? Может, они верили в то, что писали?

Не стоит забывать о гегемонии религии, творившей правосудие, и недоразвитости науки, блуждавшей наощупь. Современным исследователям в лице юного Жюльена необходимо делать скидку на темноту сознания людей из периода развитой инквизиции.

Сделав ее и представив себя в роли знаменитого однофамильца, Жюль, кажется, познал его ошибку. Которая состояла в том, что по рыцарскому масонскому обычаю де Рэ был слишком ревностным католиком. Веровал в Господа безраздельно и так же безраздельно доверял его слугам.

Не менее твердо верил он в собственную невиновность. А также неприкосновенность.

Барон с самого начала был убежден, что титул и статус его защитят. Что на него, героя Столетней войны, в те годы – самого прославленного французского полководца, не посмеют возвести напраслину. Не решатся оговорить и осудить. Он даже не пытался оказать сопротивление, не пытался скрыться. Добровольно явился в суд. Значит, не чувствовал за собой ни малейшей вины? Или подвела самоуверенность?

Ответ неизвестен.

Мня себя неприкасаемым, барон роковым образом ошибся: заслуги перед родиной не сыграли в оправдание. Де Рэ обвинили не только в правдоподобно звучащих преступлениях. Но и тех, которые пришли бы в голову только непроходимо диким людям с умом, извращенным религиозными догмами.

Если бы Жюльен оказался на его месте, разбил их утверждения в пух и прах.

Если бы Жюльен оказался на его месте... Загадочная судьба барона де Лавалья будоражила и увлекала студента психологии. Чем дальше, тем теснее переплетались в его исследовании два интереса – личный с профессиональным.

Переплелись настолько, что самой заветной мечтой Жюля стало – оказаться в прошлом. Представлял себя в роли рыцаря-барона. Вот он, облаченный в сверкающие латы и шлем, с мечом наголо несется в самую гущу сражающихся. Где образовалась «куча-мала» и жуткая неразбериха: люди орут, кони ржут, мечи звенят, головы летят. Не поймешь, кто друг, кто враг. Разбираться некогда – руби направо и налево.

Время от времени, желая отвлечься от столичной суеты, приходил он в уютный садик особняка Бирона. Бродил между пирамидально подстриженных кустов. Надолго останавливался перед «Мыслителем» Родена, погружался в мечты. Про кумира – Жилия де Рэ. Начиная представлять себя в его облике, думать за него. Было весело и загадочно: примерить тело другого человека, проникнуть в его психику.

Хотя, конечно, что увлекаться подобными экспериментами не стоит – из-за опасности раздвоения личности. Примеры чего имеются в литературе. Доктор Джекил и мистер Хайд – две стороны одного характера. Добрый в душе и жуткий на внешность Франкенштейн. Алиса в Стране чудес, то большая то маленькая... Одно Жюльен знал точно: как будущий психолог, должен разобраться в причинах болезни прежде, чем поставит диагноз.

Несмотря на глубокую симпатию к барону, факт умопомешательства его Жюль не отрицал. Порочащие слухи на пустом месте не создаются. Тем более в отношении высокостоящих персон. Надо было так явно и так долго провоцировать общественное мнение, чтобы захотели его убрать со сцены жизни.

Возможно ли допустить, что обвинения имели под собой почву? Вопрос подвинул Жюля начать масштабное психологическое исследование. В то время он уже учился на профессию и решил извлечь из хобби практическую пользу: одновременно начал подготовку к диплому на ту же тему.

Диплом будет прорабатывать ситуацию, которая начинается со слов: «Представим, что обвинения соответствовали действительности». Откуда вытекает задание для анализа. Как именно происходил процесс перерождения героя войны в убийцу малолетних? В какой момент произошел сбой в системе, и барон де Лаваль ступил на тропу ошибок?

Проблема тектонических сдвигов в психике и торнадных завихрений в мозгах оказалась чрезвычайно увлекательной. Жюль погрузился в нее по горло. Чтобы узнать как можно больше, копался в специальной литературе. Но поджидала трудность: в одиночку он не справлялся. Предмет исследования был узко специфичным – слишком мало фактического материала и достоверной информации. Ощутился дефицит идей и мнений.

Чтобы его сократить, предмет исследования следовало вынести на широкую университетскую публику: обсуждать в студенческой группе, выдвигать версии, выслушивать контр-аргументы, задавать вопросы, продумывать ответы.

Тут получилась загвоздка. Дискуссировать о проблеме де Рэ с коллегами Жюль не собирался категорически. Чтобы заранее не раскрываться. Он планировал сделать ее не только темой диплома, но в дальнейшем – кандидатской.

Под названием: «Переработка периферийной информации как фактор психологической креативности метакогнитивно рассуждающей личности». Расшифровка для неспециалиста: «Психологические особенности переживания одиночества человеком – на примере барона

де Лавалья». Жюль долго придумывал формулировку, а когда придумал – посчитал крайне удачной.

Обращаться за помощью к преподавателям не видел смысла. У них слишком много подопечных, недосуг с каждым заниматься. Нехватка времени – типичная проблема доцентов университетов. Собственный научный труд дописать некогда, а тут желторотые студенты донимают. Со всякими неважными мелочами, про которые думают, что совершают мировое открытие. Просят поглубже окунуться, высказаться, помочь. А доцент – не ходячая энциклопедия, на каждый вопрос ответа сходу не знает. Читать, вникать – извините, некогда. О личных проблемах голова болит: семья, любовница, кредит, маленькая зарплата, машина требует ремонта и тд.

Вдобавок существовала опасность, что оригинальную тему украдут. Как часто происходит: сначала педагог выступает в качестве консультанта, в дальнейшем автоматически становится соавтором. Чтобы своим именем продвигать чужой труд. Чтобы в случае успеха легче было присвоить лавры, а настоящего автора отодвинуть к стенке. Еще лучше там же и расстрелять, чтобы не вздумал просить поделиться гонораром или заняться шантажированием.

Схема Жюлю не подходила: становиться жертвой прилипал очень не хотелось. По примеру кумира, он верил в себя и надеялся на собственные силы.

10.

Чем дальше Жюльен изучал своего героя, тем сильнее им увлекался. Иметь личную, романтически окрашенную, глубоко запрятанную тайну было заманчиво и привлекательно. Придавало оригинальности, отличало от сверстников и соседей. Которые, не зная правды о знаменитом земляке, только тупо поддерживали массовое мнение.

Увлеченность Жюля принимала порой маниакальные формы и характер фанатизма. Он начал себя с ним ассоциировать. Захотелось хоть в чем-то быть похожим на предмет поклонения. Вопрос – в чем? Геройские поступки совершать теперь немодно. Мало осталось возможностей для подвига в современной жизни.

Если подумать, то – всего две. Общеизвестные, набившие оскомину банальностью: бабушку через дорогу перевести, утопающего от смерти спасти. Только и они как-то подрастеряли актуальность.

Действительно. Ну кто сегодня примет за подвиг желание помочь слабой зрением старушке, толкающей впереди ходунки на колесах? Например – если ей вдруг вздумается создать экстремальную ситуацию на дороге и перейти на красный свет? Никаких проблем. Помощники не понадобятся – ей ничто не грозит. Едва ступит колесами на проезжую часть, движение дружно остановится. Все эти пижонские-парижские-последние автомодели с удовольствием уступят ей путь. Не из вежливости, а из чисто эгоистической предпосылки: не дай Бог бабку задавить, она же своими ходунками весь капот исцарапает!

Или другой избито-классический пример для желающего назваться героем современности. Извлечение утопленников. Предлагаете начать бродить по берегу Сены, искать любителей искупаться в пьяном виде, чтобы спасти? Напрасная трата времени и энтузиазма: река настолько загрязнена, что кроме бродячих собак и перелетных уток никто окунаться не решится. Даже ноги помыть, даже в подпитии, уколовшись или нанюхавшись.

Да-а, тяжело стало с подвигами-то...

Ничего, фиаско небольшое, Жюль переживет. Если делами не удалось скопировать барона, то хотя бы внешне. Нашел в интернете его прижизненную картину. Долго рассматривал, любуясь. Да, Жиль де Лаваль был не только отважен душой, но чрезвычайно красив! Художнику можно верить. Современники в один голос отмечали чертовски привлекательную внешность владельца Тиффожа. Что только подтверждало его склонность к дьявольщине – по их недалекому мнению.

Лишний повод посочувствовать – по мнению Жюля. И восхититься. Он отпустил челку, волосы до плеч, сделал пробор, в точности повторив продуманно-небрежную прическу портрета. Которой в современности ближе всего подходит название «под хиппи». Уверил себя, что имел поразительное сходство.

Жаль, доспехи негде купить, а то Жюль непременно приобрел бы. Примерил иногда перед зеркалом, когда сокамерники, то есть со-жильцы по комнате в общежитии, отправились на вечернюю прогулку по барам.

Вскоре после поступления в университет, он стал зачесывать волосы назад, чтобы челкой не походить на гомо. Которых увидел в Париже впервые и не желал быть приписанным к их числу. В деревне Машкуль они за нормальных не считались. Они имелись, но скрывались. Даже женились, заводили детей. Однако, открыто выходить из шкафа побаивались: ждали, когда прогресс и цивилизация доберутся до косных деревенских умов. Те гомо, которые не дождались, эмигрировали из деревни в столицу и окрестности.

В единственном вопросе разошлись мнения кумира и поклонника. О сексуальной ориентации. Обожаемого Жюлем рыцаря обвиняли, кроме прочего, в содомском грехе – гомофилии. Небезосновательно, здесь Жюль осторожно соглашался с судом. Именно в данном качестве он не хотел с бароном ассоциироваться: был убежденный гетеро и не представлял себя иначе.

Вот судьбой поменялся бы охотно. Ах, если б ненадолго оказаться на месте де Рэ, повернуть время вспять! Он бы восстановил поруганную репутацию барона.

Не повторил его ошибок. Не стал слепо-простодушно доверяться судьям в рясах, принял меры к спасению. Окопал бы крепость непроходимым рвом. Пошел войной на церковь. Бежал бы за границу – наконец. Имелись же у него шпионы, наверняка предупреждали о настроениях во вражеском лагере завистников и должников. Почему не послушал?

Конечно, легко говорить с высоты сегодняшнего знания. А тогда кто мог предполагать, что все так неожиданно обернется и трагически закончится...

Жюль незаметно вздохнул. Сейчас, на улице и при подруге, не стоит увлекаться экскурсиями по психологии души. Он любил там побродить, но строго в одиночестве. Его личные отношения с историческим персонажем никого не должны волновать. Это слишком хрупкое. То, о чем размышляют наедине с собой, в темной комнате, при закрытых форточках.

И никогда вслух.

11.

Все вышеописанное Жюль оставил за рамками беседы с Жаннет. Промолчал из убеждения: не стоит заходить в откровения слишком далеко. Ни с близкими друзьями, ни с будущей женой, если не уверен, что правильно поймут.

Он сам себя не очень понимал – почему вовлекся в тайну барона де Рэ более, чем только в качестве исследователя-специалиста. Впрочем, недопонимание было невелико. Жить

не мешало, внутренней комфортабельности не нарушало, потому не подвергалось углубленному анализу или пристальному рассмотрению под лупой.

Способность к инакомыслию – признак интеллекта. Жюль гордился собственной непохожестью на толпу, стойкостью к общепринятым шаблонам. Не комплексовал, что восхищался персоной, заклеянной обществом как «злодей, не достойный подражания». Он знал правду про барона и хранил, не разглашая.

Однако, давно чувствовал: следует приподнять над ней завесу, приоткрыться перед Жаннет. Сейчас показалось – удобный случай: чтобы заодно стереть впечатления от ее нечаянного выпадения и продолжить разговор о взаимно-интересном.

Глядя в ее не замутненные стереотипами глаза, он решил поделиться истоками своего увлечения и некоторыми идеями по его поводу. В частности – чтобы объяснить выбор места для проведения предстоящего Рождества. Где Жаннет отводилась не второстепенная роль, а вторая главная после Жюля. Он, безусловно, доверял будущей жене и считал – она имеет право знать правду. В тех рамках, которые установит сам.

Лицо молодого человека хоть и не оживилось розовеющим румянцем, подало признаки душевного подъема: щеки покрылись бледными пятнами, глаза под очками засверкали. Левая рука активно зажестичулировала в ритм речи, не замечая холодного воздуха и опасности обморозить пальцы. К сестре с удовольствием присоединилась бы правая рука, но на той висела Жаннет.

– Вообще тема «выбор места для проведения активного отпуска» меня давно интересовала как психолога. Если выразиться вообще, звучит так: любопытство туриста к местам жизни и деятельности людей с искривленным сознанием. Если конкретно: паломничество в Тиффож, – продолжил Жюль, найдя в подруге благодатную аудиторию, сосредоточенную и слушающую чуть ли не раскрыв рот. – Я лично прекрасно их понимаю. Сам такой. Увлекающийся. Только глубже. Люблю копать до основания. Разбираться в причинах...

– Подожди, Жюль, немножко не поняла. Разбираться в причинах – чего именно: туризма по местам злодейской славы или убийственных позывов маньяка?

– И того, и другого. Эти два широкие понятия у меня взаимосвязались в одно узкое: замок Тиффож и его владелец.

– Но почему именно этот персонаж? Ведь есть другие исторические личности, у которых с психикой не все в порядке...

Жюль не ответил, будто не заметил вопроса. Он начал рассказывать и не желал отвлекаться, перебиваться или перескакивать, теряя мысль. Знал: на все, что Жаннет хотела бы спросить, он ответит постепенно. А не ответит — так тому и быть. Постороннее неважно. У него настроение – «сейчас или никогда». Откровенничает один раз и этот раз должен использовать на сто процентов.

Момент воодушевления возник. Захотелось зажечь подругу увлеченностью, внедрить свой предвзятый взгляд в ее девственное – по отношению к барону де Рэ – сознание.

– Скажи, Жаннет, разве неинтересно съездить посмотреть на старинный замок, с которым связана потрясающая история. Трагическая и героическая. Пусть замок покоится в руинах шесть веков. Не все пропало бесследно: люди ушли, а камни остались. И не только камни. Сохранилась внутренняя архитектура. Помещения, расположенные под землей, менее пострадали от разрушений: погребов, лаборатории, подземные ходы. Легко представить, что за мебель здесь стояла – в личных покоях, гостиных и залах. Если подстегнуть воображение,

догадаешься об образе жизни и мыслей неординарного человека – последнего владельца Тиффожа.

Чтобы в них проникнуть, тебе просто необходимо воочию увидеть замок и окрестности. Аура таинственного прошлого витает над ними. Крепость давно и навечно покинута, только природа, не тронутая человеческим вмешательством, возродилась вокруг в первозданном виде...

– Ой, как ты поэтично выражаешься!

– Я так воспринимаю Тиффож. Романтично, необычно и... – Жюль хотел добавить «и лично», но вовремя остановился. Продолжил нейтрально: – Несколько веков он считался проклятым местом. Сейчас замок неопасен – разрушенный собственной недоброй славой, погребенный под тяжестью проклятий и легенд, одна ужасней другой.

– О-о-о, я уже сейчас хочу туда, – восхищенно проговорила девушка и затараторила: – Сколько дотуда километров? Мы успеем за один день? Может, съездим разок пораньше – в качестве репетиции?

Жюль был доволен. Цель достигнута – подруга увлеклась. Но молчал. Зная хаотичность ее натуры, не дал себя отвлечь.

Его прохладный взгляд остудил ее торопливость.

– Ну, продолжай. Ты остановился на легендах, которые возникли вокруг барона и его замка.

– В детстве услышать их страшно и волнующе. По мере взросления меняешь отношение, поддаешься всеобщему любопытному психозу. Начинаешь испытывать к роковому месту магическое влечение, тем более, если живешь рядом. Возникает желание там побывать. Увидеть обстановку, прикоснуться к легендарным вещам, стенам. Вдохнуть аромат тех времен, воспроизвести в сознании прошлые события.

– Ты сейчас вообще или конкретно...

– Я – постоянно про Тиффож. Замок обладает особой энергетикой. Совсем не тяжелой, как может показаться. В ней присутствует нечто загадочное, необъяснимое, интересное пережить. Потому приглашаю тебя туда. Но все. Больше ни слова. Хотел преподнести сюрприз, а ты выпросила до подробностей. Элемент неожиданности пропал, – сказал Жюль с фальшивой жалобой в голосе.

– Зато пробудился элемент любопытства! Ой, Жюль, ты меня заинтриговал. Буду с нетерпением ожидать нашей поездки. Перед тем загляну в библиотеку. Ты какую книжку рекомендуешь почитать прежде всего про твоего любимого барона?

– Никакую. Все необходимое услышишь от меня. Разве не знаешь, кто перед тобой? – Жаннет качнула головой, а Жюль нарочно выпрямил спину и ткнул себя в грудь. – Я – самый подкованный гид-специалист широкого профиля в экскурсиях по Тиффожу. Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха! – Жаннет поддержала шутку, в которой содержалось больше правды, чем она могла бы предположить.

12.

Болтая и смеясь, молодые люди отправились вдоль громадины Нотр-Дам далее вглубь острова Ситэ.

Остров – историческое место, основа основ Парижа. Здесь есть много чего посмотреть. Кроме знаменитого собора, не менее знаменитая часовня Сент-Шапель, дворец Правосудия,

площадь Дофина, тюрьма Консьержери – шедевры, оставленные средневековыми парижанами потомкам в наследство. Любоваться которыми можно бесплатно и в любой удобный момент.

Совсем необязательно заходить внутрь памятников архитектуры, густонаселенных туристами. Сегодня воскресенье, и неплохая погода по зимним меркам – серая, но без осадков. Гуляй, дыши воздухом столетий. Глазей походя на античные скульптуры и мосты.

Проходя мимо главных ворот Нотр-Дам, Жюль спросил:

– Знаешь легенду, связанную с этими воротами?

– Нет. Что еще за легенда? Я заметила, на тему собора существует множество легенд и преданий. В школе читала одноименный роман Виктора Гюго и так плакала, так плакала. Несчастливая цыганка, безнадежно влюбленный горбун...

– Да, бедные Квазимодо и Эсмеральда. Чудовище и красавица, вечный сюжет. Но про ворота рассказывают другую сказку, менее романтическую.

– Без любви? – как-то слишком разочарованно спросила Жаннет.

– Конечно с любовью, без нее никуда. Только по-другому.

Молодой человек сделал паузу, проверить – не надоело ли ей его слушать? Может, сама что-нибудь расскажет, или желает вместе помолчать...

– Расскажи, – попросила Жаннет.

Она обожала их беседы. У Жюля обязательно узнаешь что-то новое. Сколько вопросов ни задашь, ответит на все. Терпеливо и содержательно. Конечно, серьезные разговоры они вели не каждую минуту – заболела бы голова.

Только не сегодня. Сегодня – особенный день. Жюль сделал намек о матримониальных намерениях, и стал ей по-особенному дорог. Жаннет согласилась бы слушать его целый день, не перебивая. Да что день – целый год и всю оставшуюся жизнь. Только почему – оставшуюся? Начинающуюся! У них вся жизнь впереди, безоблачная, полная чудесных впечатлений. Естественно, встретятся трудности на пути, без которых никуда, но их преодолевать вдвоем всегда веселее. Ах, как это восхитительно – любить и быть любимой...

Она была счастлива – по причине Жюля – и жутко благодарна за то. Захотелось сделать приятное в ответ, чтобы поделиться счастьем. Которое, несмотря на декабрьский несезон, вдруг расцвело в душе розовыми пионами и так же одуряюще запахло. Над пионами раздались переливчатые трели жаворонка, который заливался соловьем на все лады. Переполненная восторгом, Жаннет была готова ради друга на самые сумасшедшие дела. Их еще называют «подвиги во имя любви».

Нет, «подвиги» – слишком высокопарное слово, больше подходит к мужчинам и подразумевает риск для жизни. Жаннет сказала бы попроще. Ради любимого она совершила бы нечто неординарное, что по силам обычной французской женщине: приготовила самый вкусный в мире луковый суп, сыграла «Парижское танго» на гармошке-концертино или немедленно родила двойню. Мальчиков – по индивидуальному заказу Жюля, чтобы угодить ему вдвойне.

Честно признаться, ни одно из вышеуказанных деяний практически осуществить Жаннет не смогла, даже если бы очень захотела. Но это не умаляло ее энтузиазма, потому что секрет в другом. Главное не сам подвиг, а готовность его совершить. И дать понять любимому человеку, без высокопарности, жестов, стихов или обещаний. Лучше – молча. Только сиянием глаз.

Жюль, студент психологии, легко разобрался – чем вызвано ее воодушевление. Он взял

жаннетино руку, поднес ко рту. Ощувив губами холодные костяшки и подушки пальцев, подышал на них, растер, сунул себе в карман. Он тоже намеревался прошагать по жизни вместе с Жаннет, тесно рядом, нога в ногу, рука в руке, вот как сейчас.

По-видимому, она догадалась, потому и светится. Но наверняка пока не знает. Ничего, недолго любимой оставаться в благодном неведении. Через десять дней он озвучит свое предложение конкретными словами...

– Почти восемьсот лет назад жил на острове чрезвычайно искусный кузнец, звали Бискорне, – начал рассказывать Жюльен. – Когда был молодой, влюбился в красавицу Натали, женился. Жили они бедно, но счастливо. Родилось четверо детей, однако когда пришла эпидемия чумы, все они умерли в мучениях. Натали тоже скончалась, остался Бискорне один. Страшно затосковал и, не видя другого выхода, собрался наложить на себя руки – страшный грех. Но печаль была сильнее веры в Бога.

В то время заканчивали строительство главного здания Нотр-Дам. Последнее, что требовалось – отлить ворота на вход. Ворота особенные, как все, что связано с архитектурой собора. Главный архитектор обратился к Бискорне, как лучшему кузнецу Парижа. Несмотря на смертельную тоску, тот согласился выполнить заказ.

Долго раздумывал кузнец. Как бы пооригинальней создать ворота, чтобы соответствовали стилю здания, не пришлось за них краснеть. Ничего не приходило на ум. В последний день, вернее – ночь, в отчаянии обратился он к темным силам за помощью.

– И получил?

– Получил. Только какой ценой...

– Ну, известно. Душу продал и тому подобное.

– Точно!

– Чем дело кончилось?

– Чем и должно. Наутро, когда люди пришли за готовым заказом, увидели необыкновенно мастерски сработанные ворота, ажурные, словно тончайшие кружева, без швов и соединений. Поистине чудесная работа. Долго диву давались, рассматривали со всех сторон. Так и не разобрались – как мастеру удалось столь великолепную красоту создать.

– А спросить не догадались?

– Не у кого было. Кузнец Бискорне лежал на кровати больной, без сознания. Скончался через три дня, тайну свою в могилу унес.

– Жалко кузнеца и его семью.

– Между прочим, его ворота до сих пор стоят на входе. И до сих пор никто не знает, какие секреты использовал Бискорне, чтобы создать вещь с таким потрясающим изяществом. Поистине дьявольская работа.

– Ты веришь?

– Кто его знает...

13.

Увлеченно беседуя, молодые люди вышли на набережную Марше и не спеша направились вдоль Сены.

Стоял неприветливый, расплывчатый, зимний день. Сухой, морозный воздух при вдохе острыми иголочками покалывал легкие. Солнце так и не пробилось сквозь защиту облаков и, прекратив попытки, скрылось где-то на заднем плане. Слишком холодная погода для Парижа.

Обычно зимы тут мягкие, без снега и заморозков – следствие близости моря. Зато из-за него же неустойчивые, отмеченные регулярно морозящими дождями и порывистыми, штормовыми ветрами.

Сегодня было недождливо – и на том спасибо. Наличие реки сказывалось студеным сквозняком, проникавшим под пальто и куртки, холодившим незащищенные щеки и носы. Жаннет поехала, потуже затянула узел на шарфу, повернулась для той же манипуляции к другу. Подняла руки, чтобы поправить шарф – позаботиться о его здоровье. Замерла. Заметила что-то необычное.

– Ой, у тебя подбородок совсем посинел! Холодно?

Жюль засмеялся, сделал страшное лицо.

– Я злодей Синяя Борода! – проговорил он басом. – Сейчас съем тебя и не подавлюсь... Ха-ха! Нет, не замерз, с чего ты взяла? Подбородок у меня всегда такой. Впрочем, признаюсь: сегодня забыл побриться.

– Тогда ладно, а то, если замерз, поедem к тебе или ко мне греться у батареи, – на всякий случай предложила девушка.

Предложение не показалось заманчивым. Жюль представил свою тесную комнатку, которую ради экономии снимал с двумя другими студентами. Комнатка никогда не пустовала. Большую часть времени была занята то одним его соседом – Антуаном, то другим – Роже. Или обоими одновременно. Вместе с друзьями, знакомыми и друзьями друзей. А то и совершенно чужими людьми, прибившимися от нечего делать.

Антуан увлекался рок-музыкой и не расставался с гитарой, даже когда ходил в туалет, а также в университет на лекции. Жюль подозревал – парень не столько любил музыку, сколько хотел произвести впечатление на сокурсниц. У него получалось отлично – от поклонниц не имел отбоя. Время от времени Антуан просил соседей, Жюля и Роже, днем или вечером прогуляться полчаса где-нибудь в парке или посидеть в библиотеке, с условием – домой в эти полчаса не заявляться.

Роже имел беспокойное хобби: был активистом за права гомо. Этот вид деятельности оказался настолько популярным среди университетских, что по числу поклонников парень оставил музыканта Антуана далеко позади. Временно принадлежавшая Роже мебель: кровать, тумбочка, стул и пол на его половине никогда не пустовали. Были плотно заняты студенческим людом: активистами на эту и другие темы, сочувствующими всем угнетенным и непризнанным категориям, просто любопытными. В текущем семестре самым горячим предметом обсуждения стала легализация однополых браков.

Увлечениями соседей по комнате Жюль не интересовался: ни музыкальностью Антуана, ни гомозащитной деятельностью Роже. Потому вести Жаннет к себе в общежитие не видел смысла. Все равно не удастся побыть вдвоем.

В женское общежитие тем более идти не хотелось. Там не дадут покоя любопытные соседки. Будут нагло оглядывать его оценивающими глазами и из вредности останутся в комнате болтать о пустяках, нарочно не догадываясь хотя бы на часок отлучиться.

Вывод: ни в том, ни в другом общежитии в тишине и тепле посидеть наедине с Жаннет не получится. В присутствии других неловко. Потому на ее вопрос последовало короткое качание головой.

Девушка тут же предложила другой вариант:

– Тогда в центр города, посидим в Макдоналдсе, поедим картошки фри с гамбургерами. Ты голодный?

– Нет еще. А ты?

– Ну... в общем... – Жаннет помолчала, поощушала – что творится в желудке. Решила, что тоже неголодна. – Нет, могу потерпеть. Куда мы сейчас направляемся?

– В Сент-Шапель. Сегодня там будут проводить технические работы – возвращать на карниз отреставрированную статую Архангела Михаила на карниз. Интересно – получилось у них? Все-таки погода какая-то неподходящая... Вдруг ветер помешает. Работа тонкая.

– Точно! Я читала в газетах. Статую реставрировали целых два года. Недавно закончили. Торопились специально к Рождеству на место поставить, – сказала Жаннет.

Чтобы немного согреться, она засунула руку парню в карман. Не очень удачная идея: в кармане его короткого драпового пальто без утеплителя гулял ветер.

Удобнее было бы положить обе руки, его и ее, в карман Жаннет. Но выглядело бы несолидно – парень шарит у подруги. Девушка происходила из более обеспеченной семьи и одевалась по сезону. Сейчас на ней добротное зимнее пальто с меховым воротником, непонятно – искусственным или натуральным.

С большой натяжкой его можно принять за натуральный – что-то наподобие норки. Которая слишком долго жила, постарела, полысела, потому ее убили, чтобы мех не пропал. Был он неоднородного, коричневого с черными пятнами цвета, у основания с серым пушком, и неприглядного качества – клоками торчащий, с плешинками в некоторых местах. Которые Жаннет покрасила фломастером. На взгляд специалиста – шкура неизвестной породы зверька. Недавно вымершего или никогда не существовавшего.

Факт, который был наруку Жаннет – из-за агрессивной политики защитников фауны. Готовых истребить вредных для окружающей среды людей, лишь бы они оставили в покое животных. Носить изделия из них в Париже не приветствуется. Даже опасно: фанатики бродят по улицам. Не постесняются облить краской с намерением испортить сам мех и настроение его обладательницы. Во избежание подозрений Жаннет на вопросы отвечала, что воротник из «искусственной крысы».

Хотя отлично знала, что из турпахана – зверька, обитающего в Монголии. Называя его «крысой», ненамного отступала от истины: турпахан принадлежит к той же группе, то есть «грызуны». Несколько их шкурок Жаннет в прошлом году привез двоюродный дядя – любитель экзотических путешествий. Портной приделал мех к воротнику старого зимнего пальто. Получилось наполовину дешевле, чем новое.

Рука в руке и обе – в кармане Жюля молодые люди прошли по набережной Марше до перекрестка, после которого набережная получала название Орфевр. Та самая, где в полицейском участке в доме под номером тридцать шесть когда-то блестяще раскручивал преступления комиссар Мегре – французский Шерлок Холмс. Жаннет прочитала несколько книжек о нем и была поклонницей, хотя находила, что в романах мало действия, одни разговоры.

На знаменитую набережную переходить не имело смысла, иначе отклонились бы от намеченного маршрута. Свернули направо на бульвар Пале, густо засаженный каштанами. Сейчас они стояли голые, но не выглядели уныло. Их черные, неровно изогнутые ветки и сучки сплелись в причудливые, изящные кружева, которые четко выделялись на фоне неба. Получились естественные скульптуры в стиле «черно-белый контраст».

По пути попало кафе «Телескоп», куда молодые люди зашли попить капучино, согреться, набраться энергии для следующего пешего броска.

Напиток, изобретенный в древности монахами-капуцинами и до сих пор не потерявший популярности, пришлось ждать долго. Кафе было переполнено посетителями, которых обслуживали парень-бармен и девушка-ресепционистка. С озабоченным от ответственности видом она принимала заказ и спрашивала имена, которые затем отпечатывала на бумажных стаканах для кофе. Мелочь, а клиенту приятно из персонального стакана пить.

Она работала шустро, бармен за ней не успевал. Не по причине неповоротливости или лени – как раз наоборот. Из-за прилежности и желания угодить: каждую порцию кофе он разрисовывал питчером по пене.

Ожидание наши влюбленные скоротали, утолив голод свежо хрустящим багетом с овощами и курицей – одним на двоих. Пока Жаннет ходила в туалет, подоспело капучино. Которое оказалось идеальным во всех отношениях: теплым на ощупь, сладким на вкус, с мастерски исполненным рисунком по молочной пене. У Жюля – пальма, у Жаннет – улыбающаяся мордочка. Искусство, которое долго не живет. Бывает быстро выпито.

От пены на верхней губе остались усы. Посмеялись друг на друга.

В кафе задерживаться не стали – у входной двери ожидала нетерпеливая очередь.

14.

Чтобы попасть в часовню, требовалось пройти через территорию Дворца Правосудия. Высокие ворота перед Дворцом – черные с золотой закругленной верхушкой – заметили издалека. Створки их плотно сомкнуты – вход закрыт. Подойдя ближе, Жюль и Жаннет заглянули через решетки внутрь двора.

У здания Сент-Шапель стоял длинношей кран и суетились рабочие в синих робах с оранжевыми шлемами на головах. Установка статуи только что закончилась. Архангел Михаил с крыльями на спине и крестом в руке стоял на месте – на самом верху, у основания узкой, островерхой крыши. Когда кран и машины с рабочими выехали за пределы двора, ворота открыли для посетителей.

Которым сначала следовало пройти досмотр тела и вещей на предмет террористических намерений. Коротко – обыск. Его в современности осуществляют спецаппараты, избавив человеческих контролеров от не самой престижной функции ощупывания людей. Теперь этим занимаются просвечивающие рамки и металлоищущие турникеты. Через них туристы просачиваются размеренно и без остановок, не застопоря движения и не раздражаясь на медлительность очереди.

Почему-то за одно и то же действие на людей обижаются, а на аппараты – нет. Наверное, играет роль факт нескромных прикосновений: контролеры вынуждены дотрагиваться до подозрительных и даже интимных мест человека. И не просто дотрагиваться, а тщательно прощупывать.

Что не всегда доставляет удовольствие. А если человек боится щекотки с внутренней стороны бедра? Или срочно хочет в туалет, а его заставляют раздвигать ноги, когда они сильнее всего желали бы сдвинуться покрепче? Стыд на нетактичные головы обыскивающих! Именно за бесцеремонное вторжение в личное пространство контролеров недолголюбивают и выплескивают раздраженный негатив.

Бесчувственные, холонокровные аппараты, как ни странно, действуют деликатнее. Выполняют ту же неблагодарную работу на расстоянии, не нарушающем прайвеси. К тому же с ними бесполезно спорить или возмущаться. Можно обозваться или показать

средний палец, да толку мало: аппарат не заметит и не ответит. Только себя беречь.

Жюль и Жаннет успешно прошли через процедуры безопасности. Выйдя из рамочного металлоискателя, как из входной двери, остановились в центре двора. Который представлял собой мини-площадь: такой же просторный, мощный и плоский.

– Куда сначала: во Дворец сходим или сразу в часовню? – спросил Жюль, воспитанно предоставляя даме принять решение по неважному вопросу.

– Э-э-э, – вслух подумала Жаннет. – Давай в часовню.

Потопали налево, к часовне.

– Не терпится посмотреть, как они установили статую. Знаешь что. Хочу ее сфотографировать, – проговорила девушка, когда они проходили под аркой. – С того же ракурса, как раньше сняла карниз без Архангела. Чтобы оригинально получилось: вот фото без, вот фото с. Отличная идея, не находишь?

Конечно, он находил ее идею отличной, почему бы нет?

– Показывай, где твоя старая фотография.

Покопавшись подмерзшими пальцами в карманах пальто, она вытащила на волю телефон с широким экраном на черном поле – телевизор в миниатюре. Протянула Жюлю.

– Здесь мои фотки. Полистай, найдешь нужную. Я перчатки забыла. Пальцы заледенели, не слушаются.

Телефон – вещь интимная. Содержит информацию в виде фотографий и эсэмэсок, порой не предназначенных для чужих глаз. Жаннет нечего было скрывать. С полным доверием она передала аппарат другу. Тот начал скользящими движениями листать экран, вглядываясь в каждую картинку. Она, тем временем, вела его под ручку к тому месту, откуда делала снимки в прошлый раз. Остановились недалеко от входа в святую капеллу. Жаннет подняла голову.

Сент Шапель не зря называют главной жемчужиной в короне достопримечательностей Парижа. Архитектура ее – буйная фантазия. Божественная мощь, воплощенная в камне с потрясающим искусством.

«Невозможно не восхититься, не поддаться ее волшебству», – подумала впечатлительная Жаннет. Обвела глазами фасад – фигуры, орнаменты, символы, окна в форме цветиков-многоцветиков. Кроме изящных портиков, ажурных балконов, выпуклых барельефов здесь присутствуют все те же «милые» зубастые гаргульи – сестрички бестиарий Нотр-Дам.

По пути пришла мысль насчет разницы архитектурных стилей: древневековое украшательство несоизмеримо превосходит по эстетике современный минимализм.

Развивать критическую тему не стала: рядом с прекрасным, которое вечно, не хочется опускаться до приземленного нытья. Подняла глаза на второй этаж с портиком и балконом. Еще выше – на третий этаж без портика, с балконом и витражным окном. Рассмотрела статуи святых по углам крыши, походившей на узкую, вытянутую кверху, пирамиду. Верхушка ее оканчивалась острым шпилем, который уходил в низкие облака, будто протыкал провисшее, беременное небо. Вот сейчас оно прорвется и разродится обильным дождем...

Многokrатно бывавшая в Сент Шапели Жаннет знала – великолепный интерьер ее не уступает по шедевральности экстерьеру. С тончайшим вкусом подобранные разноцветные витражи в солнечную погоду создают впечатление порхающих райских бабочек по воздуху внутреннего пространства. Образцы искусной миниатюры – рисунки на витражах воспроизводят библейскую историю до Апокалипсиса включительно.

Звездное небо потолка над полусферически изогнутыми арками часовни восхищает

воображение. Не меньшее удивление вызывают колонны, поддерживающие свод. Они составлены из переплетающихся нитей, каждая в отдельности толщиной с карандаш. Остается догадываться: не помогли ли мастерам в расчетах и осуществлении потусторонние или внеземные силы?

Возникает чисто технический вопрос: как во времена средневековой давности строителям удавалось возводить высоченные сооружения без подъемных кранов, цемента и электричества? Создавать математически выверенные, гармоничные, арочные структуры без университетских дипломов, точнейших инструментов и обмена опытом по интернету?

Бегло пройдясь по техническим находкам тысячелетнего возраста, Жаннет обратилась к артистической составляющей капеллы. Которая не выражается словами, только впечатлениями души, потому даже пытаться не будем.

Захваченная осмотром, Жаннет как-то не задумалась, почему Жюль до сих пор не нашел затребованное фото.

Он нашел. Но другое. Странное.

Раздвинув пальцами, Жюль увеличил снимок во весь экран, чтобы убедиться – глаза не ошибаются. Трудно им поверить, а не верить не имелось оснований.

Что же привело Жюльена в замешательство?

Одно фото, две детали на котором расходились с логикой. На балконе Нотр-Дам стояла снятая по пояс Жаннет – без очков, в летнем платье, и широко улыбалась... одним ртом. Обычно при улыбке глаза смеются тоже, превращаясь в щелочки. Но они отсутствовали у Жаннет.

Вернее, присутствовали, но не ее. Вернее, вообще – нечеловеческие. Создавалось впечатление, что картинку отфотошопили. Вставили другие глаза: не естественно сузившиеся от смеха, а неподвижные, неживые, будто позаимствованные у статуи. Отличная идея для хорор-фильма: простенько, а волосы зашевелиятся. Даже там, где не растут. На пятках, например.

Нет, непохоже на фотошоп. На неопытность того, кто сделал снимок, тоже. Солнце падает на лицо девушки, отлично освещая выпученные глаза из камня, холодом которого веет даже от фото.

Жюль невольно передернул плечами.

Это было не все. Другая деталь заставила его замереть от предрассудочного ужаса. Сзади Жаннет сидела химера в виде птицы с головой коршуна на длинной шее. Она повернула голову в объектив, будто тоже хотела сфотографироваться. Глаза у нее были не каменные, как положено по замыслу ваятеля, а живые, с блеском и морщинками в уголках. Прищуренные от щедрой улыбки – глаза Жаннет.

Внутри живота Жюля похолодело. Показалось, на него смотрит самая знаменитая химера – женщина-птица Стрикс. Пугающие легенды с ней связаны: о похищенных младенцах, кричащих в ночи от боли, их матерях, растерзанных живьем. Неужели, это она? Невозможно! Каменные изваяния не поворачивают голов и не воруют глаза у человека...

– А-а! – невольно вырвалось из горла Жюля.

15.

Самообладание на миг покинуло его. Не соображая, он брезгливым жестом отбросил телефон. Тот упал под ноги и погас, на что Жаннет не обратила ни малейшего внимания. Она

по-прежнему смотрела вверх, только восхищение сменилось недоумением: ей тоже привиделось нечто невероятное. Не поверив, она приподняла очки и протерла глаза пальцами.

Странное видение не исчезло.

То ли из-за заслезившихся на ветру глаз, то ли из-за необъяснимого обмана зрения показалось, что недавно установленная статуя Архангела Михаила с крестом в руке пошевелилась, поменяла позу. Наколонила голову посмотреть вниз, именно – на Жаннет. В ту же секунду от карниза под статуей оторвался приличный кусок камня и полетел вниз, увеличиваясь в размерах, угрожая упасть точно на голову девушки. Завороженная его падением, она не двигалась с места...

– А-а! – невольно вырвалось из горла Жаннет.

Дальнейшее произошло в доли мгновения и не без вмешательства судьбы. Жюль случайно поднял голову, увидел валун, который, ускоряясь, несся вниз. Не размышляя, парень дернул подругу за воротник из «искусственной крысы», заставив Жаннет отпрыгнуть. Шустро прыгнул вслед. Когда они еще находились в воздухе, камень размером со сдувшийся футбольный мяч грохнул по несчастному телефону, который Жюль не успел спасти – сам едва увернулся.

В мостовой образовалась дырка. Вокруг которой, как по волшебству, организовалась толпа – бродивших поблизости туристов. Казалось, они только ждали какого-нибудь происшествия на земле, чтобы уставиться, не напрягая шею. А то устали задираТЬ головы к барельефам и статуям на самом верху, бесконечно созерцать шедевры. Временами полезно отвлекаться от совершенства, иначе приестся, перестанет восхищаться.

Тут и упал наш камень, неровностями похожий на метеорит, только прибывший не из галактики, а с карниза. Он пробил брусчатку и воткнулся в землю, оказавшись очень кстати в качестве героя реалити-шоу. Взбодрил утомленные души, дал пищу для разговоров. Окружив некосмического пришельца, туристы и другие любопытствующие граждане зашумели одновременно на разных языках, неразборчиво, но понятно о чем.

К месту происшествия с разных сторон уже спешили специально предназначенные для таких случаев люди.

Полицейские в униформе – со стороны площади Дофин, охрана в гражданском – из Дворца Правосудия, а также священники в рясах – из дверей Сент-Шапель. Спешили, по-французски эмоционально махая руками, призывая толпу разойтись.

Хоть и находился в стрессе, Жюль сообразил – лучше им с Жаннет уносить ноги. Иначе воскресенье пропадет: их, как непосредственных участников инцидента, могут задержать для выяснения обстоятельств. Начнутся полицейские процедуры: разбирательства, допросы, чего доброго – наденут наручники и обвинят в терроризме.

Потому самое лучшее – бежать! Не давая подруге как следует опомниться, парень подхватил ее под руку и почти насильно потащил прочь. Не бегом, что выглядело бы подозрительно. Спортивным шагом – вприпрыжку.

Оказавшись за часовней, ненадолго встали отдышаться. Пошли спокойным шагом. Жюль пришел в себя. Жаннет нет. Она походила на заведенную куклу. Молчала и шла, как невменяемая – машинально переставляя ноги, уставившись в невидимую точку на асфальте. Эта точка тоже двигалась. Подобно лучу фонаря на шахтерском шлеме все время летела впереди, не давая себя догнать.

Состояние транса. Жюль понимал. Два раза за день подвергнуться смертельной

опасности и оба раза случайно избежать – слишком серьезное испытание для психики человека. Тем более – юной девушки.

Сейчас ее следует оставить в покое. Ни вопросов, ни слов утешения – ничего. Потребуется время, чтобы осознать произошедшее. Вернуться в норму. Испуг глубоко потряс Жаннет, нарушил внутренний баланс, и никакие внешние попытки не в силах его восстановить.

«Только время и новые положительные впечатления, – справедливо догадывался Жюльен. – Лечение должно вестись собственными силами организма». Ему самому было жутко не по себе, неуютно душевно. Любоваться средневековой архитектурой желания не осталось. Он потерял к ней доверие.

Шагая рядом с Жаннет, Жюль из солидарности сделал сочувствующую мину. Которая вскоре сменилась осторожной самодовольной улыбкой. Удивительно признать, но дважды не случившееся несчастье имело позитивную сторону. Для Жюля. Если отбросить скромность, следовало признать: он не растерялся в ответственный момент, показал, что способен на отважное дело.

Высокопарно выражаясь, совершил подвиг. Самый настоящий – спас Жаннет. Два раза. Это знаменательно. Вполне в духе барона де Рэ, который не раз бросался на защиту Жанны Д'Арк во время сражений с англичанами. Он бы точно одобрил Жюльена.

Подвиг пусть не военный, сейчас не то время, но заслуживающий награды – посвящения в члены закрытого клуба рыцарей-аристократов. От почетного звания мастера-тамплиера он бы не отказался... Жюль представил на плече тяжелую от доспехов руку маршала Жиля де Лавая, производящую его в рыцарство.

Момент, который стоит навечно запечатлеть в памяти. Теперь Жюль не обычный студент производственной психологии, а член привилегированного рыцарского сословия, братства по духу, сообщества избранных. Созданного на гуманитарных началах по принципу ордена «госпитальеров». Которые не только молитвой помогали страждущим и попавшим в беду, но практически – устраивали больных в лечебные заведения за свой счет.

Невероятно приятно... Жюль сделал воображаемый реверанс в адрес кумира и молча провозгласил: службу великой Франции!

Забыв про действительность, он любовался собой. Эгоистично? Нет, заслуженно! Жюль открыл в себе особенность характера, о существовании которой раньше не подозревал – способность на геройство.

Гордость переполнила. Одно маленькое «но» темнело пятнышком на ясном небосклоне самолюбования. Одна необъясненная загадка занозой застряла в голове. Тот странный снимок в телефоне Жаннет. Знала ли она о его существовании? Чем такое необычное фото можно объяснить?

Фотомонтаж? Шутка? Попугать друзей? Что ж, в отношении Жюля последняя идея блестяще удалась. Остается вопрос: связаны ли между собой изображение на телефоне и неизвестно откуда прилетевший камень, собравшийся упасть точно на голову Жаннет? Скорее всего, истины он уже никогда не узнает. Во всяком случае – не от главных героев происшествия: телефон замолчал навечно, камень не проговорился о намерениях, берeditь расспросами подругу – момент неуместный.

Когда проходили с торцевой стороны Сент-Шапель, Жюль услышал мелодичный перезвон, типичный для средневековых курантов. Повернул голову на звук, увидел вверху часы с голубым циферблатом и палочными римскими цифрами, похожими на кости под

черепом пиратского флага.

Стрелки показывали двенадцать минут первого, коротко сказать – «двенадцать-двенадцать». Жюль удивился: почему часы проиграли музыку не ровно в полдень, а несколько минут спустя?

Молчаливый вопрос улетел в пространство, а ответом не вернулся.

16.

Время до праздников летело непринужденно и в волнующем молодые сердца ожидании.

Пока они ждут, порассуждаем пространно. Католическое Рождество – особое событие не только для верующих в библейские рассказы граждан. Но и для других категорий, составляющих подавляющее большинство населения Земли: для осторожно верующих в Христа, для сочувствующих его учению, сомневающимся, верующих наполовину или на одну треть. Плюс тихо неверующие и несочувствующие, случайно или вынужденно проживающие бок о бок с католиками.

В том числе – гомо, лесби, лица, равнодушные к религии и сексу, мусульмане, буддисты и члены других конфессий, а также воинствующие атеисты, то есть подпольные коммунисты. Прибавим к ним аборигенов всех континентов, миллиардеров, бездомных и всякого рода зависимых... Уф! Кажется, все перечислены. Если кто забыт или ошибочно попал не в ту категорию, не обижайтесь – ненарочно.

В связи с вышеизложенным, справедливо заявить: День рождения самого известного исторического мученика отмечают – или не отмечают, но замечают – во всем мире. Наиглавнейшей же датой года стало Рождество для той части граждан, которой повезло проживать в странах двух сортов: с развитой экономикой или с благодатным тропическим климатом и испано-португальским языком. Коротко – в двух Америках и одной Европе. Плюс Австралия.

Если бы к ним присоединилась китайская популяция, число поклонников Рождества достигло бы четверти населения планеты – впечатляющая цифра. Впрочем, обращать потомков строителей Великой стены в католичество никто не собирается – и без них праздник конца декабря празднуется широко-глобально. Ведь на стороне христиан сам Папа Римский с его несметным небесным войском: ангелов, серафимов и херувимов.

Вернемся к нашим влюбленным. Десять дней пробежали незаметно. Двойное происшествие, едва не закончившееся смертельным исходом для Жаннет, забылось в ускоренном темпе и без последствий.

Благодаря чуткости подкованного в психологии Жюльена. Чтобы не беречь ее память, он не задавал вопросов, в том числе – про странное фото. Чтобы не переживала об утрате мобильного – купил новый смартфон. Друзей они вообще в случившееся не посвятили – по совету домашнего психоаналитика, он же непосредственный участник событий. Жюль решил, что так лучше.

Будущий профессор не ошибся: не вспоминая, Жаннет быстро оправилась. Сыграла роль легкость характера: при переживаниях она делала упор на положительные моменты, которые в данной ситуации озвучились словами: «осталась жива – и слава Богу». Другие – возможные, но не пришедшие варианты типа «если бы да кабы» – выкинула из головы. За неудавшиеся попытки провидения ее умертвить возвела вину на слепой случай. Два раза подряд? Да, а что такого?

Молодые люди намеренно о них не разговаривали и вскоре успешно забыли. Чему поспособствовала всеобщая предпраздничная лихорадка, в которую добавляла остроты перспектива их предстоящего совместного вечера в легендарно-историческом месте. И очень возможно – новая стадия в отношениях.

Жюль и Жаннет ожидали ее с любопытством. С пожеланием, чтобы вечер удался как прелюдия счастливой, жизненной, мыльной оперы. Которая в телевизоре через год надоедает, а в реальности хорошо бы длилась вечно.

Пожелание, которое гарантированно осуществится – верили они. Потому что запланировано на особый день.

В великий праздник Рождества почему-то кажется, что желания, особенно судьбоносные, непременно должны исполняться. Просто обязаны – и все. Ведь раз в год снизойти до просьбы маленького человека – не слишком сложное задание для тех, кто вершит судьбами миров там, Наверху?

Увлеченные круговоротом сумасшедшей предрождественской суеты, молодые люди почти не виделись друг с другом. Жаннет бегала по киоскам «Франспечати» закупаться открытками и дешевыми презентами для родни, осторожно посматривала в витрины магазинов, предлагающих свадебные наряды и аксессуары.

Между делом болтала с приятельницами обо всем подряд: модных тенденциях в цветовой гамме для помады, ногтей и теней для век. Заодно делилась планами на Сочельник. Как бы между прочим сообщала, что с другом Жюльеном отправятся в романтическое путешествие – в замок Синей Бороды.

О долгожданной помолвке – мечте любой девятнадцатилетней студентки ни словом не заикалась. Осторожничала. Не зря говорится: друг познается в беде. Но еще лучше он познается в удаче. Настоящие друзья радуются взаимным успехам. Правда, такое бывает редко. Чтобы проверить крепость отношений с человеком, расскажи о постигшем счастье и посмотри на реакцию в его глазах.

То же относится к подружкам, только с интенсивностью эмоций в квадрате. Женская дружба – понятие расплывчатое, неуравновешенное, к верности не обязывающее. Очень легко переходящее в свою противоположность. Страсти там разгораются порой из-за ничего и до драмы: сегодня подружки навек, завтра такие же вечные врагини.

Не исключение университетские приятельницы. После сообщения Жаннет, мнения разделились. Некоторые завидовали явно – те, у которых не имелось планов на два рождественских дня кроме как сидеть-скучать на семейных вечеринках. Другие – большинство – хвалились чем-нибудь в ответ, и Жаннет точно знала, что многие из них ввали.

Жюльена подарочная лихорадка не захватила – с семьей не общался из-за давних разногласий с отчимом, а подарок для Жаннет уже готов. Как структурно мыслящий мужчина, умеющий анализировать и соединять логические цепочки, Жюль составил четкий план.

Который выглядел так. В четверг двадцать четвертого они едут в Тиффож, посещают замок, там он делает предложение – Жаннет принимает, пьют шампанское и аллилуйя! Тем же днем возвращаются в Нант к приятелю Жюля – Полю, у которого на Рождество пустует родительская квартира. Пять дней каникул проводят отдыхая, осматривая туристические достопримечательности, рекомендуемые к посещению в городе.

В обязательную программу входили следующие аттракции: Музей механических игрушек

Жюля Верна, в том числе обзорная поездка на Железном слоне. Затем посещение музеев, расположенных в Замке герцогов Бретани, Ботанический сад, старинные городские кафедралы и часовни. Если будут проезжать мимо, издали посмотрят на «экологический» небоскреб, где на этажах растут живые деревья – детище экстравагантного архитектора с ординарной фамилией Франсуа.

Завершив культурную программу, отправятся обратно в Париж, где вместе с ликующей толпой соотечественников и гостей столицы встретят Новый год на Елисейских полях фейерверком и шампанским. И поцелуем, естественно. Платоническим – не забывать! Даже если они с Жаннет обручатся, в добрачную половую связь вступать не будут. О том Жюльен позаботится отдельно.

Единственным слабым звеном плана были, как обычно, финансы – вечная головная боль студентов мира. Деньги наличествовали, но крайне в обрез. Даже в праздник про экономию забывать не следовало. Самые непроизводительные расходы – на транспорт – Жюль собирался ограничить с помощью того самого приятеля из Нанта.

Про которого подробнее. Поль Буржери был парень высокий, полный, от того незлобивый, имел смуглый цвет лица – не от загара, а от отца-африканца. Поль учился с Жюлем в одной группе, в аудиториях сидел рядом. У него имелись три достоинства, которые выгодно выделяли из студенческой массы и очень импонировали Жюлю: покладистый характер, личный вместительный «Пежо» и комфортабельная квартира в Нанте.

В остальном Буржери настолько соответствовал понятию нерадивого студента, что мог служить для него классическим примером. Лень, незаинтересованность в учебе и полное равнодушие к собственному будущему – в том Поль не отличался от учащегося большинства. Ну, если не большинства, то десяти процентов от него точно.

Не слишком напрягая себя наукой психологией, Поль на лекциях охотнее читал комиксы, причем по-идиотски тупые – про супермена или ходячих мертвецов зомби. Когда надоедало, ключом от машины царапал на столе пошлости опустив глаза будто к учебнику.

Столы в аудиториях и без него выглядели как стены первобытных пещер, исписанные, изрисованные, исцарапанные поколениями скучающих под профессорские проповеди студентов. Которых больше занимали проблемы сексуального удовлетворения в предстоящий уикенд или выбора страны подешевле для летнего посещения автостопом.

Поль вносил свою лепту в студенческий настольный эпос. Он оставлял после себя записи, схожие по бессмысленности с «хочу в Канны!» или «Майкл Джексон форева». Когда нападало желание рифмовать, писал топорные по идее и на слух стихи: «если всеми ты любим, быть неплохо голубым».

Когда пропадало желание использовать алфавит, сидел рисовал на полях учебников неестественно красивых девушек, обязательно голых и обязательно с буйной растительностью в промежности. Последнее Жюльена удивляло больше всего. Разве Поль не знает, что иметь растительность на теле для современной девушки – непозволительно дурной вкус и старомодность? Она скорее согласится носить необработанные ногти, чем неэпилированный лобок.

Но в творческий процесс приятеля не вмешивался. Неважно. Это так, мелочи, на которых в дружбе не стоит заострять внимания. У каждого есть право на испорченный вкус и тошнотворные идеалы.

О вкусах, как известно, дискуссировать бесполезно, о причинах взаимного притяжения тоже. Жюль и Поль подружились так же быстро и основательно, как Жюль и Жаннет. Хотя, на первый взгляд, общих тем для бесед или точек соприкосновения мнений не имели или имели очень поверхностно.

Поль не был католиком, верующим или сочувствующим, не знал, кто такая Дева Мария, зачем волхвы направлялись в Вифлеем и какое сообщение принесла Благая Весть. Наполненные Святым духом статуи в храмах и часовнях для него представляли значения не больше, чем дурачливые фигурки из Маппет-шоу.

В отличие от Жюля, он не любил напрягать мозговые извилины, чтобы вгрызаться в гранит знаний, или слюнявить пальцы, штудируя труды основоположников психологической науки. Не сидел в библиотеках до закрытия, не участвовал в факультативах.

Как догадывался Жюльен, приятель не смог бы указать различия между взглядами корифеев их будущей профессии. Например, кто внес более значимый вклад в современную, гуманистично ориентированную психиатрию? Предлагается два варианта: основоположник психоанализа австриец Фрейд или соотечественник Филипп Пиннель, открывший связь между психическим состоянием человека и временем года?

Сам Жюль открытие Пиннеля считал важнее. Не только из-за того, что тот – свой человек, француз. Его работы – настольное руководство для практикующих врачей. Открытие широко известного сейчас феномена – осенне-весенней вспышки самоубийств – результат именно его исследования.

Из отрывочных фраз и других впечатлений, Жюль вскоре понял причины патологической лени и немотивированности приятеля. Они – причины – лежали в области безответственно изучаемого Полем предмета и происходили из детства.

Будучи неконфликтным, послушным ребенком, Поль всегда следовал воле матери. В университет поступил только, чтобы не разочаровать самого родного человека, желавшего сыну овладеть престижной профессией. Мать растила ребенка одна. Единственное, о чем мечтала, чтобы Поль, получив образование, смог зарабатывать хорошо и без физических нагрузок.

Две профессии казались ей подходящими: адвоката и доктора. Кроме высокой оплачиваемости, обе привлекали аккуратностью одежды. Униформа адвоката – костюм и галстук, доктора – безупречно незапятнанный халат.

Однако, с течением времени и приобретением кое-каких знаний, мать обе специальности отмела. Из американских сериалов она знала, что адвокату порой приходится чертовски напрягать мозги, чтобы добиться результата. В противном случае он до конца жизни несет груз неудовлетворенности собой, если подопечный надолго потеряет свободу.

Доктору еще сложнее. Отягощен ответственностью – почти на божественном уровне. Каждый раз гамлетовский вопрос: быть или не быть пациенту? Цена ошибки – жизнь. Дрожь пробирает при мысли. Нет, нервы надо беречь, эта профессия Полю тоже не подходит. Она на любителя – рисковать чужой жизнью и собственной совестью.

Казалось, мечта для сына зашла в тупик? Не тут-то было! В один прекрасный день мать осенило: не все так грустно в Нантском королевстве. То есть в будущем ее единственного наследника. Существуют доктора, которым не приходится утруждать извилины, решая невозможные дилеммы. Ответственности никакой. Психиатр! Вот кем должен стать ее

маленький, миленький сынок, стотридцатикилограммовый Поль.

Да-да, удачная идея. Солидно и престижно. Одеться в дорогой костюм, обуться в ботинки из натурального крокодила, расположиться в уютном кресле. И – все! Далее – только сидеть, выслушивать жалобы, понимающе кивать головой. Советовать что-нибудь незначашее. Вроде: запишите ваши страхи на бумажку и сожгите.

В добавление к совету по окончании сессии каждому пациенту выписать одно и то же – успокоительное «занакс». После чего останется лишь регулярно пополнять банковский счет за счет настоящих психов или мнящих себя таковыми. Единственное напряжение – состроить сочувствующее лицо.

Работа психоаналитика-интервьюера – ненатурная, оплачиваемая по высшему разряду. То, что надо – решила мать и успокоилась. Судьба Поля была решена.

Рассмотрим подробнее – почему идея «сын не должен заниматься физическим трудом для зарабатывания финансов» волновала ее столь маниакально?

Стойкое отвращение к примитивному «ишачеству» мать, кстати звали ее Мадлен, приобрела на основе собственного трудового опыта. Который начала в неполные семнадцать лет санитаркой в мужском отделении военного госпиталя в заштатном городке Клермон округ Брест.

Лучшие годы потеряла девушка на обслуживании больных-неходячих. Уже через два с половиной месяца надоело до тошноты. И кому бы не надоело – убирать грязь, нюхать вонь, слушать стоны. Ежедневно надрываясь в госпитале, Мадлен пламенно желала ему в один прекрасный день сгореть со всем содержимым: пациентами, персоналом и дорогушим, лучшим в Европе, оборудованием. Причем, именно оборудования было бы чуть-чуть жалко.

Условия, в которых трудилась, она расценивала как наказание без преступления. Чтобы их изменить, выход имелся ограниченный – один из двух. Третий – оставаться на госпитальной каторге до пенсии – отбросим из-за нежелания измученной санитарки его выбирать.

Итак, выход первый. Получить образование и продвинуться по служебной лестнице до медсестры, физическая нагрузка которой минимальна: разнести по пациентам в предписанный час предписанные таблетки. Отпадает сразу. За неимением у Мадлен необходимых предпосылок в виде денег, времени и сил – учиться предстояло без отрыва от производства.

Выход второй. Удачно выйти замуж, чтобы уволиться с ненавистной должности. Это способ найти счастье, проверенный поколениями нищих охотниц за мужьями, о чем сняты тысячи фильмов и написаны библиотеки книг. Способ, не трудный осуществить при наличии двух условий: выдающихся внешних данных или перспективы получить наследство. Тогда женихов искать не надо: на красивых и богатых они слетаются как пчелки на аромат. К сожалению для Мадлен, ее аромат не имел вышеуказанных ингредиентов.

Справедливости ради стоит указать: холостяки рядом имелись, но не многообещающие. В словосочетании «удачно выйти замуж» упор делается на первом слове и означает «не за первого попавшегося» – вроде водителя автобуса или почтальона. Когда у девушки одна каторга лишь сменяется другой: трудовая на семейную, временная на пожизненную. Нет, Мадлен не желала мелочиться, делать поспешный выбор, обращать внимание на таких же беспросветных как сама. При собственных данных «ниже среднего» собиралась выиграть приз в лотерею.

Не покупая билета, то есть – не прикладывая усилий. Почему-то надеялась на чудо, которое должно было однажды произойти в награду за безропотность и черную работу. Чем она хуже Золушки?

Сначала Мадлен смиренно ждала подарка свыше – принца в статусе наследника короны, приятного лицом и характером. Когда стукнуло тридцать шесть, как девушка неглупая, поняла – подарок-то запаздывает.

Пришлось срочно проявить инициативу, чтобы подсказать поторопиться провидению – или кто там заведует судьбами людскими. Мадлен стала приглядываться к окружающим. Тем более, что в единственном повезло – работала в таком месте, где больной контингент состоял на сорок пять процентов из мужчин. Остальные – дети, пенсионеры и члены семей.

Когда Мадлен перестала ждать манны небесной и сознательно взялась за устройство судьбы, повезло еще раз. По одной причине: сделала правильный расчет.

Первым делом оглядела себя в зеркале: не завысила ли требования? Она не была стройной особой с тонкой талией и выдающимся бюстом. Имела обычную фигуру для девушки из брестской глубинки – по-деревенски ширококостную, кряжистую, природой приспособленную к тяжкому труду. Впридачу грубовато сработанное лицо с жирной, лоснящейся кожей, крепкая шея вольного борца, широкие ладони-лопаты. Определенно не Софи Марсо.

В связи с чем решила отменить претензии к внешности и характеру будущего супруга. Тут не до Ален Делона, когда нужда поджигает, а возраст клонится к климаксу. Взамен отмененных – новых условий выдвигать не стала. Никаких. Кроме финансовых.

Понятно, ведь цель-то была одна. Избавить себя от унижительного физического напряжения – от вонючих уток, унитазов, окровавленных тряпок, непромытых, больных, стонущих мужских тел. От которых через двадцать лет каторжных работ в должности младшего немедицинского персонала уже хотелось только блевать и ругаться непотребно.

Как только случилась возможность, она обворожила одного африканского мигранта из Мали. По имени, которое спросонья невозможно произнести, как, впрочем, и на трезвую голову: Мугабва Мадвабагуги. Мадлен переименовала его – для легкости произношения – в простое французское имя Максим. Оно ей всегда нравилось престижностью значения: так назывался популярный мужской журнал и дорогуший парижский ресторан.

История Максима из Мали оказалась типичной для тех африканцев, которым посчастливилось покинуть Черный континент. В возрасте девятнадцати лет он прибыл во Францию с пустыми карманами и двумя желаниями: явным – профессионально играть в футбол, и тайным – никогда не возвращаться на родину. Его взяли в команду местного профсоюза работников таможни, дали квартиру и спортивную форму.

Форму Максим носил аккуратно. Ношеную не выбрасывал, складывал на полку – пригодится с оказией послать родственникам. Когда он однажды травмировался на поле, оказался на попечении Мадлен в палате номер восемь для людей со специфическими – спортивными повреждениями с ограничением в подвижности.

Мадлен знала, что футболисты получают поистине сумасшедшие зарплаты и совершенно ни за что. Однако, возмущение по поводу футбольных гонораров вслух не проявляла – потихоньку готовилась наложить на него лапу.

В восьмую палату она заходила с улыбкой, оставляя кислое выражение от недовольства жизнью за дверьми. Поддерживала парня словом и делом. Мимо равнодушно не проходила: то спросит «как дела?», то выскажет надежду на выздоровление. В нерабочее время

помогала разрабатывать мениск.

Еще до того, как швы на коленке окончательно зажили, Мадлен и Максим поженились. К обоюдной выгоде, ему – гражданство, ей – молодой муж и его деньги впридачу.

С каким же удовольствием она увольнялась из осточертевшего госпиталя! Лицо сияло, будто уже выиграла миллион, хотя не получила еще и сотни из мужниной зарплаты на приобретение приличного платья. Неважно. Жизнь улыбалась ей широко и надежно.

Но недолго. Максима из Мали убили. Расисты на улице. Не дав ему дожить даже до рождения сына...

Вот это несправедливость: не успела насладиться обеспеченностью, как она кончилась, усугубившись грудным ребенком. Что делать? Идти на поклон к директору госпиталя и снова привыкать к сосудам с уриной? Нет, нет и нет!

От отчаяния Мадлен озверела и была готова на все, только бы не возвращаться к прошлой жизни. Когда получила страховку за мужа, уехала с сыном в Нант. После подключения родственников, знакомых и брачных бюро отыскала обеспеченного, престарелого вдовца, возрастом под девяносто, зато в приличном финансовом состоянии. Имея медицинский опыт, она честно отдала ему заботу и внимание, потому что считала: лучше одному человеку и за что-то, чем многим ни за что.

Когда муж скончался, очень вовремя, через восемнадцать месяцев после свадьбы, Мадлен осталась во второй раз вдовой. И опять не с пустыми руками. Состояния мужа хватило бы на безбедную жизнь ей и сыну Полю, если разумно им распорядиться, конечно.

Она распорядилась: устроила сына в университет, сама шесть раз в год ездила путешествовать. Недалеко – по Европе, в основном. Когда не путешествовала, весело проводила время с подружками в роскошно обставленной пятикомнатной квартире на Авеню Бригадир с видом на японский сад.

18.

Именно туда направлялись утром двадцать четвертого декабря трое студентов: Жюль де Лаваль, Жаннет Дарке и хозяин квартиры – Поль Буржери. Тот самый сын Максима из Мали, которому мать дала свою фамилию, чтобы не вызывать вопросов. И не ломать язык.

Квартира стояла пустая: Мадлен как раз перед праздниками уехала с приятельницей в Милан – вторую после Парижа европейскую столицу моды. Дамы намеревались поучаствовать в рождественских распродажах с колоссальными скидками на продукцию известных мировых марок. Этих благословенных дней модницы ожидают целый год, чтобы приобрести товары стопроцентного качества всего за тридцать процентов стоимости – настоящая удача для маньячек шопинга.

Направлялись на машине Поля – детище основателя французского автомобилестроения Армана Пежо. Не самой последней модели – пижонство не было свойственно Полю, на предпоследней – он мог себе позволить.

Внутри салона имелось все необходимое для веселого времяпрепровождения в дороге: мини-телевизоры для пассажиров, охладитель напитков, круговая стереосистема, собственный спутниковый телефон, СД-проигрыватель, компьютер с интернетом...

Ну и остальные достижения автомобильной техники, чаще всего излишние, но производящие впечатление наличием, как-то: обогрев зеркал и форсунок омывателей, 2-зонный кондиционер и тому подобные роскошества. Которые нежелательно долго

перечислять, чтобы не утомиться или, чего доброго, начать завидовать.

Фирма чуть не в лепешку разбилась ради ублажения клиентов. Взамен требовалось только одно – чтобы они не забыли название предприятия, которое им столь усердно угождало. Для чего на каждом видном месте в салоне была прилеплена фигурка поднявшегося на задние лапы льва – символ продукта.

Пежо-основатель мог не волноваться и спокойно отдыхать в могиле, гордясь семейным детищем. На сервис фирмы пожаловаться повода не нашлось. Ни у кого из троих студентов.

Поль, как хозяин и водитель, направлял своего породистого железного коня, следуя указаниям встроенного навигатора ТомТом. Навигатор разговаривал приятным голосом популярной бельгийской порно-звезды Ким Холланд, которая томно-интимно сообщала: «через двести метров поворот направо, золотце мое». Этот голос, широко известный среди любителей жесткой эротики, Поль для смеха на ТомТом установил.

Рядом сидел Жюль, по двум причинам устроившийся впереди: чтобы разговорами не дать приятелю заснуть и дать Жаннет отдохнуть на заднем сиденье. Чем она и занялась. Улеглась на бок, подогнула ноги, устроившись по-домашнему уютно: дорога неблизкая, почему бы не скоротать ее во сне. Спасибо хозяину – предусмотрительно захватил плед и подушку. Или всегда имел на подобный случай, что сейчас очень пригодилось.

Тепло, щедро посылаемое кондиционером в салон, обогревало и расслабляло напоминанием о прошедшем лете и каникулах. Проведенных: Жюльеном на дешевых пляжах испанского Коста-дел-Сол, Полем – на ласковом атлантическом берегу Биарриц. Он не выносил жаркие места из-за прогрессирующей тенденции к ожирению. Облюбовал нешумный в смысле отсутствия толпы, умеренный в смысле летней температуры Биарриц. Известный под метким названием «король пляжей и пляж королей».

Сейчас обычно вальяжно-добродушный Поль был заметно не в духе. Невыспавшийся из-за будильника, просвистевшего по-идиотски рано – в полвосьмого, он замечал за собой регулярные попытки клюнуть носом. Чему способствовали другие факторы: монотонное однообразие пейзажа за окном, спокойно-убаюкивающая музыка из радио и комфортабельная температура внутри машины

Поначалу Поль пытался сохранять бодрствующее состояние. Нарочно отвлекался на разные мелочи, позволяющие двигаться, не сходя с места: доставал конфетки-леденцы по одной из бардачка, потом насвистывал мелодию, постукивая пальцами по рулевому колесу, потом жевал бутерброд, купленный в станционном ларьке, потом пил колу через трубочку, потом вытирал запотевшее стекло впереди и сбоку, потом еще что-то... Наконец, дела, которые возможно было производить, не снимая ноги с педали газа, закончились.

Пару раз он с надеждой взглядывал на Жюля, молча спрашивая – ну что притих как комар, надувающийся новой кровью? Полпути прошло, а ты ни слова не пикнул...

Упрекающих взглядов сосед не замечал. Сидел неподвижно и молчаливо, уставившись в ветровое стекло. Было непонятно, куда он смотрел: то ли на дорогу, однообразной полосой уходившую под колеса, то ли на собственные мысли, бежавшие перед глазами информационной строкой.

Обижаться Поль не собирался. Приятель никогда не отличался любовью к болтовне, кстати, в отличие от самого Буржери. Они часами могли не разговаривать, находясь в одном помещении и занимаясь каждый своим делом: Жюль – чтением, Поль – поглощением пива и телепрограмм. Ощущали полное взаимопонимание. Полярность притягивала их друг к другу.

Сейчас молчание Жюля показалось недовольным. Поль почувствовал его негативный заряд и постеснялся вслух предъявлять претензии. Хотя имел. Веские. Для чего он, собственно, попросил друга сесть на первое сиденье? Не молчания ради – для дела. Иначе оставался бы сзади, прилег с Жаннет вальетом на диван и не морочился рядом с недовольным видом, не портил другим предрождественского настроения...

Разберемся: почему лицо Жюля не выражало положенной радости?

С самого утра план его, составленный с железной логичностью, стал нарушаться. Из-за какой-то мелочи, о которой и упоминать бы не стоило, если бы она не превратилась постепенно в большую проблему.

Проблема называлась коротко – «снег». И мороз впридачу. Проснувшись от будильника Поля – он жил в отдельной квартире и перед поездкой пригласил приятеля переночевать – Жюль первым делом посмотрел в окно. Было темно, но в световых лучах фонарей и автофар отлично вырисовывались плотные снежные струи, заполнившие воздух. От чего он казался густым, даже на вид труднопроходимым.

На крышах, дорогах и тротуарах уже лежал приличный белый слой, который продолжал прирастать новыми поступлениями. В принципе, снег зимой – событие обычное. В Париже – не-ежегодное, но тоже не из ряда вон. Если не вторгается в планы, его вполне можно потерпеть.

Только не сегодня. Когда Жюль с другом и подругой собрался в путешествие по стране на машине класса люкс, не приспособленной преодолевать снежные заносы.

Проклятый снегопад, не мог начаться на пару часов позже! Или вообще запоздать на день... Сегодня он был как нельзя некстати.

Любивший поступать практично, Жюльен заранее просчитал маршрут, его стоимость и протяженность. Предстояло преодолеть триста восемьдесят километров до Нанта. По самой короткой траектории расстояние покрывалось на самолете за час-двадцать – быстро, но не подходило ценой. На междугороднем автобусе за пять с половиной часов с двумя санитарными остановками – дешево, но долго.

Такси не рассматривалось. Поезд тоже отпадал – дорого и долго. Оставалась попутная легковушка – быстро, за четыре часа. Поль обещал добраться за три с половиной. Бесплатно. Какой транспорт было выгоднее выбрать? Риторика. Естественно, Жюль выбрал Поля. Только вот возможности «Пежо» с низкой посадкой и летними шинами встали сейчас под вопрос.

Прикинув задержку во времени, Жюль нахмурился. Та недовольная морщина не покидала его лба во все время пути. Поначалу тлела надежда, что снег одумается и остановится. Ведь хватит, завалил улицы грязными слякотными кучами, которые за городом превратились в сугробы. Так нет же! Манна небесная не ослабевала и не прекращала сыпать. Наоборот. С каждым часом усиливалась, будто желая за один день вывалить зимнюю норму осадков.

Выбравшись на трассу Париж-Нант, Поль не только не смог развить подобающую скоростному «Пежо» резвость, но поплелся чуть ли не шагом. Впрочем, не он один. Соседние авто тоже не выказывали желания побегать наперегонки и, по-улиточьи неторопясь, ползли рядом. Жюль потихоньку начинал беситься. В Париже их с такой

скоростью обогнал бы любой общественный автобус. Да что автобус, пьяный клошар на велосипеде и то едет шустрее!

Понятно, что не вина Поля. Он правильно делает – едет неспеша, соблюдая рекомендации гидрометцентра насчет «повышенного риска гололеда». Сейчас лихачить не стоит, даже если очень опаздываешь. На тот свет попадешь, обратно не выберешься, туда лучше не торопиться. В снежную погоду только сумасшедший не ограничит скорость, и их, этих ненормальных по дороге встретилось несколько.

Как ни странно, большинство – на грузовиках с прицепами. Сразу видно, водители не привыкли к снегопадам, не умеют осторожничать, менять стиль. Чувствуя себя хозяевами дорог, продолжают лихачить. Вот и съезжают на обочину после слишком резкого движения руля на повороте или обгоне – складываясь вдвое, когда конец прицепа, скользя, догоняет кабину.

Хорошо, если прицеп только занесет. А то завалится вся цепочная конструкция на бок, лишь колеса продолжают крутиться по инерции. Думают: раз на тормоз не нажали, надо продолжать движение, авось куда-нибудь приедем... Подобно собаке, которая плыла-плыла и вдруг ее вытащили из воды, а она продолжает грести лапами в воздухе. У нее тоже инерция сработала?

Забавная ассоциация, подумал Жюль без улыбки.

Встретилась пара аварий с легковушками. Одна разбилась в лепешку, вернее – в гармошку. Точно с жертвами, от сознания чего стало не по себе. Одно дело – видеть аварии, трупы и кровавые лужи по телевизору, другое дело – наяву. Даже несколько красных капель, которые поразили яркостью на белом снегу, вызвали головокружение. Хорошо, что Жаннет спала.

Вывод: упрекать Поля за осторожную езду нет оснований.

А для раздражения основания были. Жюльен – тоже человек. Хоть и будущий психолог, который, вроде, должен научиться управлять собственными эмоциями прежде, чем обучать этому других. Он сейчас не при исполнении обязанностей, может позволить себе попсиховать. Невозможно равнодушно наблюдать за собственными планами, которые рушатся на глазах. Кто бы на его месте не злился?

Вчера вечером ничто не предвещало осложнений. Жюль смотрел на не запятнанное облаками, звездное небо и надеялся, что прогноз погоды на завтра не оправдается. Озабоченным голосом девушка-синоптик предсказала снегопад и аварийную обстановку на дорогах. Жутко некстати! Он запланировал вечер с любимой девушкой, собирался сделать предложение. Для чего заранее приобрел кольцо, шампанское и два пластмассовых стаканчика.

Подобрал особенный, единственный в году, момент – сказочный Сочельник. Продумал романтическую обстановку, именно так, как хотела Жаннет – в замке Синей Бороды, овеянном легендами-страшилками.

Теперь создается впечатление, что усилия пропадут даром – из-за снега попали в цейтнот. Если план из-за опоздания сорвется, предложению руки и сердца угрожает годовая задержка.

в Нант, они в два часа его не достигли. Времени в обрез: чтобы добраться до замка, предстоят две пересадки. Сначала с «Пежо» на электричку до Дожона, потом на машину до Тиффожа. Которую сначала надо найти.

Общественный транспорт в крепость не ходит. Летом организованных туристов со станции и обратно автобус возит. Сейчас для него – мертвый сезон. Значит, частника придется искать.

Жюль незаметно вздохнул. Легко сказать – частника! По таким сугробам не частника с машиной, снегоход надо искать. С бульдозером впереди. Была бы приличная погода – поймали попутку. Подъехали бы лифтом: быстро и за небольшое вознаграждение, может, вообще бесплатно – как студенты.

Но вот где кроется подвох полomanного плана: чем позднее они прибудут в Дожон, тем меньше шанс на попутную машину. В вечер перед Рождеством каждый нормальный человек старается прийти домой пораньше. Чтобы отдохнуть, войти в настроение, в кругу семьи отметить милый праздник. После четырех пополудни улицы городов потемнеют и опустеют, не говоря о междугородних трассах. Какой дурак понесется в темноте, по снегопаду в дыру под названием Тиффож?

Даже если случится рождественское чудо – удастся найти частника с машиной, проблемы не исчезнут. Придется раскошелиться. Внезапно разразившийся снегопад – отличная причина запросить втридорога. Иначе скажет – пешком идите. У Жюля денег в обрез. Он все рассчитал по центам – но без учета нелетной погоды. Лишние траты в его бюджете не предусмотрены.

Вот подлый снег – все валит и сыплется, без конца, без края. Отвлекись бы...

– Слушай, Поль, ты слышал легенду о Синей Бороде? – вырвалось у Жюльена почти произвольно.

Поль вскинул голову. Немного испуганно: услышал голос приятеля впервые за пару часов тотальной немоты. Голос пришелся кстати. Медленная езда среди монотонного пейзажа сморила Поля, чуть не привела к потере ориентации и погружению в дремоту. Что чревато – в периоды засилья на дорогах гололедов и снегопадов.

– Это из сказки, что ли? – пробормотал он. Тряхнул головой, начал четче соображать, будто просыпался от временного забытья с открытыми глазами. – Конечно, слышал. Про Синюю Бороду придумал лучший писатель сказок для детей и взрослых Шарль Перро. Мы в школе проходили. Перро сочинил всемирно-известные, романтические сюжеты: про Спящую Красавицу с Принцем, Кота в Сапогах с Сыном Мельника, Красную Шапку с Серым Волком...

С последней парой персонажей Жюль не согласился про себя – разве есть романтика в том, чтобы быть съеденной кровожадным животным? Возражать не стал. Лично Жюль находил интересной другую интерпретацию этой сказки.

По утверждениям современных исследователей фольклора отношения Шапочки с Волком имели куда более закомплексованный характер, чем люди эпохи сказочного романтизма думали поначалу.

Потому во избежание критики про слишком раннее половое просвещение детей, некоторые культурные деятели сказку предлагали переставить: из раздела «Детская литература» в раздел «Для читателей в возрасте восемнадцать плюс». Что казалось Жюлю перебором. Перестраховкой, папахивающей идиотизмом. Типа предупреждения на стаканчике в Макдоналдсе: просьба горячий кофе на себя не проливать во избежание

возникновения ожогов.

– Этот синебородатый – нетипичный персонаж для Перро, – бодро продолжил пришедший в себя Поль. – Совсем не похож на героя детских сказок. Убийца доверчивых женщин. Маньяк кровожадности. Темная личность. Ты про него?

– Да. То есть нет. То есть... Я имел ввиду реального человека, прототипа Синей Бороды – барона Жилия де Рэ. Знаешь, кем он был?

– Конечно, знаю, мне бы не знать. Самый популярный наш земляк. Ну, после Луи де Фюнеса, конечно. Луи – потрясающий комик! Впрочем, в последние годы слава его пошла на спад. Не то, что раньше, когда комедии с ним шли в переполненных кинотеатрах. Только кто сейчас вспомнит старого, доброго шутника де Фюнеса? А вот Синяя Борода прочно вошел в историю Бретани, старую и новую. Никогда больше ее не покинет. Кстати, ты смотрел «Фантомас»?

Поль на одном дыхании проговорил монолог, перескакивая с одного на другое и снова возвращаясь. Видно, решил за один присест выплеснуть на Жюля словесный водопад, который вынужденно сдерживал от Парижа. Воодушевился желанием приятеля завести беседу и не собирался дать ей преждевременно иссякнуть. Или свернуть в ленивое русло, тянущееся со скоростью одно предложение в километр.

Водопад слегка ошарашил Жюля. Но не испугал. Ничего, выплывет. Не впервой барахтаться в бессвязной болтовне приятеля. Жюль решил поддержать разговор, пусть и отклонившийся от его вопроса – испытывал легкую вину за предыдущее молчание.

– Смотрел, давно. Мне с де Фюнесом больше всего «Маленький купальщик» нравится. Помнишь, как они в биотуалете по реке поплыли? Самая смешная сцена.

– А «Жандарм из Сен-Тропе»? Ха-ха! Не-е-т, мне у старика Луи все фильмы нравятся, даже затрудняюсь один выбрать. «Фантомас» был просто супер! По всему миру гремел. Помнишь, там еще Жан Марэ снимался? Кстати, он и Фантомаса играл. Ни за что не догадаешься. У самого актера был очень характерный, отчетливо очерченный подбородок с ямочкой. Как они только умудрились его закамуфлировать в той зеленой маске? Мы поначалу не догадывались, кто его играл... «Фантомас» – означает «фантастическая маска». Из резины, что ли, они ее сделали? Сидела как влитая. Фильм опережал свое время в смысле научных придумок. Помнишь, Фантомас переоделся звездочетом и ударил электрошокером танцующих по цепочке? В те времена электрошокеров не существовало.

Жюль не ответил. Поль на секунду замолк, вспоминая, с чего разговор начался. Скучно болтать только о том, что самому интересно: получится не оживленная беседа, а монолог вникуда. Театр одного актера, которого никто не слушает.

– Ты про что спрашивал, я забыл?

– Спросил – что ты про Жилия де Рэ знаешь?

– Ну... Его обвинили и сожгли, – лаконично ответил Поль.

Подробностей он не припоминал, высказал общеизвестное. Стопроцентно выгодная тактика. Если спрашивают что-то заковыристое, долго не думай – выдавай то, что «каждая собака знает», никогда не ошибешься. Тактика изворотливых троечников, помогающая выглядеть умно. Иным ловкачам всю жизнь удастся пускать пыль в глаза подобным способом. Чем собирался заниматься в дальнейшей жизни и практично-хитрый Поль.

– За что обвинили? – допытывался Жюль. Он имел собственную версию, но для полноты картины никогда не помешает спросить «второе мнение». – В чем его ошибка? Видимо, немалая, раз дело до суда дошло. В старые времена такое случалось нечасто.

Барон – не простой человек, маршал. Богатый был, независимый. Кому-то он сильно мешал.

Не умеющий выдвигать собственных теорий, но умеющий ловко пользоваться чужими – опять же тактика ловких троечников – Поль ухватился.

– Так в том и ошибка, что слишком богатый и независимый. Завидовали ему соседи. Даже король. Де Рэ вел себя слишком демонстративно. Кое-кто решил его за высокомерие наказать. Богатство к рукам прибрать. Ты что думаешь, в те времена зависти не было? Была, да еще какая! А хочешь анекдот расскажу? – Вопрос задавался только из вежливости. Поль давно и окончательно проснулся, разгулялся и начал веселиться. Почему нет? Впереди праздник и каникулы. – В тему – про Синюю Бороду...

– Почему его, собственно, так прозвали? – вставил вопрос Жюльен, но приятель его нарочно не заметил.

– Ну, слушай. – Поль вошел в роль рассказчика и не собирался сбиваться с толку. Он слишком долго молчал – надо нагнать упущенное. – В очередной раз женившись, Синяя Борода достает из кладовки топор, веревку, ножи и говорит гостям:

– Пойду исполнять супружеские обязанности...

– Ха-ха-ха! – первым замеялся он над собственной шуткой.

– Ха-ха-ха! – искренне поддержал Жюль.

Рассмеялись громче радиостанции, которая передавала популярные в шестидесятых шансоны Шарля Азнавура и других артистов, не умеющих петь, но трогательно говорить под музыку. Временами радио вместо музыки передавало помехи – из-за отдаленности от транслирующих станций, антенн и сателлитов. А также от непрекращающегося снегопада, про который уже надоело упоминать.

На неполадки с техникой никто не обращал внимания. Другьям понравилось смеяться. Особенно Полю: он ненавидел молчание и одиночество, когда они случались одновременно.

А Жюлю хотелось отвлечься.

Получилось отлично. Не зря говорят: смехотерапия лечит. В какой-то момент показалось: зря он себя накрутил, все не так плохо, как думалось минут пятнадцать назад. Да – снег, да – опаздывают. Но снег – обычное явление зимой. На него обижаться все равно, что жаловаться на гром, разбудивший среди ночи.

Да, опаздывают... В конце концов – и что? Им с Жаннет не на собеседование или деловое свидание, чтобы обязательно вовремя. Ну приедут в Дожон на пару часов позже, на месте разберутся.

Люди есть везде. Помогут.

21.

Атмосфера в салоне «Пежо», поначалу не отличавшаяся от хмурой погоды за его пределами, разрядилась с помощью проверенного и безотказного средства – смеха.

Тут же посыпались новые анекдоты. Удачно получилось: Поль знал их безмерное количество.

– Бургундец – любитель выпить размышляет: вот говорят – истина в вине. Тогда пойду куплю бутылку истины.

– Ха-ха-ха!

– Еврейская пара прогуливается по Парижу. Прошли мимо ресторана. Жена говорит:

– Ой, как вкусно пахнет!

Муж:

– Тебе понравилось? Хочешь еще раз пройдем?

Рассказывание веселых историй – дело заразительное. Жюльен решил не отставать. Он анекдоты почти не запоминал и всегда удивлялся на людей, которые имели их в памяти несметное число. Однако парочку особенно понравившихся мог при необходимости припомнить.

– Сидят две домохозяйки на соседних балконах. Одна спрашивает:

– Твой пришел домой?

– Нет, чтоб он сдох! А твой?

– А мой пришел. Чтоб он сдох вместе с твоим!

– Ха, у меня ответный, – быстро нашелся Поль. – Сидят двое мужчин за кружкой пива.

Один говорит:

– У Артура страшное горе...

– Что такое?

– К нему ушла моя жена.

Громыкнул хохот, который на сей раз разбудил Жаннет. Вернее, она давно не спала, только лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к мужскому смеху. Наконец, не выдержала одиночества на заднем сиденье и неучастия в коллективном мероприятии. Захотелось внести свою лепту в общее веселье.

– А я про блондинку знаю! – подала она радостный голос.

Парни притихли, деликатно предоставляя подиум даме. Жаннет спустила ноги на пол, просунув голову в промежуток между передними сиденьями, чтобы слушатели ни слова не пропустили.

– Блондинка жалуется подруге:

– Почему мужчины всегда приходят ко мне на свидания небритыми?

– А ты пробовала не опаздывать?

...Оставшаяся дорога до Нанта, несмотря на скорость сонной черепахи, больше не казалось Жюлю нескончаемой и испытывающей терпение. Когда подъехали к первому городскому мосту, старинному, похожему на мост Александра Третьего в Париже, робкое солнце попробовало заявить о себе рассеянными лучами на облачном небе.

– Луара Атлантическая, – показывая рукой под мост, проговорил Поль с интонацией старожилы, просвещающего новоприбывших.

Река была большей частью занесена снегом, который едва ли пять минут назад прекратился – надолго ли? Берега ее, погребенные под сугробами, потеряли четкие очертания и погрузились в спячку до оттепели. Истинная ширина реки не различалась. Виднелась только центральная часть, где неспешное течение струилось к Бискайскому заливу. Вода казалась густой, маслянистой и переливалась перламутровыми оттенками.

– Честно – не припомню, чтобы когда-нибудь столько снега выпадало, – сказал Поль, глядя в боковое окно. – Ничего, не расстраивайтесь. Высажу вас у вокзала. Поезд на Дожон отправляется каждые два часа. Билеты покупайте туда-обратно. Вы же одним днем? – на всякий случай уточнил он.

– Да. Задерживаться в Тиффоже не собираемся. Только осмотрим замок и – назад. Ночевать приедем к тебе, так что готовь праздничный ужин, – ответил Жюль оптимистично. Все еще верил, что план удастся осуществить.

Пусть туда закралось опоздание – его можно нагнать в пути. Так делают самолеты.

И поезда. Только для поездов превышение скорости занятие опасное – можно не вписаться в крутой поворот. Совсем недавно передавали по новостям: японский машинист просчитался и не вписался. Хотел нагнать восемьдесят секунд, а получилась авария. Погибли люди. Машинист от огорчения чуть харакири не сделал. Или повеситься собирался? Его на всякий случай закрыли в тюрьме, чтобы себя не покалечил.

– Билеты потом не выбрасывай, попробуем возместить из студенческой кассы, – сказал практичный Поль. – Ну ладно, я вас дома буду ждать. Адрес знаешь. Честно сказать, если бы погода была нормальная, встретил на машине. А так... Если опять снег пойдет, ее накроет. Пока откопаю, пока заведу, времени больше потеряю. Доедете на такси, оно здесь недорогое, не сравнить с парижским. Позвони со станции, когда вернетесь в Нант, чтобы я знал, что скоро прибудете.

В объяснении приятеля слышались оправдывающиеся нотки – излишние, что касалось Жюля. Поль помог чем мог. Они вернутся поздно вечером, незачем выдергивать его из дома. Не персональный шофер, не обязан их туда-сюда развозить. Найдут дорогу, не заблудятся. Взрослые давно, жениться собираются, только Поль этого пока не знает. Да и Жаннет тоже...

– Ладно. Спасибо, друг.

– Желая весело провести время. Устанете – ничего. Завтра – отдыхаем по полной, а послезавтра – сразу после подъема и завтрака – осматривать город, – бодрым голосом проговорил Поль. – Метель – не помеха. Пройдемся по музеям-оранжереям, там тепло и сухо.

– Инетерсно, на Большом слоне зимой можно кататься? – спросила Жаннет, не забывшая про любопытство.

– В обычные – бесснежные – зимы было можно. Насчет сегодняшней – не знаю...

– Ладно, посмотрим. И без Слона не заскучаем. Правда, Жюль?

– Правда, дорогая.

22.

Когда прибыли на Центральную станцию, оказалось электропоезд на Дожон отправляется меньше, чем через четверть часа. Даже кофе попить в местном баре не успеют, только билеты приобретут и – на посадку. Жюль обрадовался, как ребенок: план имеет шанс сохраниться в расчетных рамках. Временные отклонения в виде полутора часов спишутся на погрешность из-за неучтенных погодных условий.

Вообще с электричкой – удача. Могло по-другому обернуться: один поезд только что ушел, другой отправлялся бы через два часа – максимальный перерыв по расписанию. Тогда точно вся конструкция полетела бы к черту под мост. Нет, коту под хвост. В общем – им с Жаннет потерялся бы смысл покидать Нант. Праздник пропал. Вернулись бы к Полю – угрюмо-недовольные, холодные и голодные.

Неважно. Повезло немножко – и на том спасибо. Нагонят потраченное в пути до Нанта время с помощью электрички. Частично. А кофе купят у автомата. Пускай с неаппетитным запахом и кисловатым машинным вкусом. Зато горячий.

Железная дорога на Дожон занимала три четверти часа. Если не случится чего-то чрезвычайного, в четыре будут на месте, размышлял Жюльен. Одно тревожило: к тому времени стемнеет, где они найдут частного или попутку?

А, ладно, сориентируется на месте. Не стоит загодя огорчаться о вещах, которым только предстоит произойти. Придет время – придет решение.

Вагон электропоезда обдал душной, теплой волной. В нагретой радиатором атмосфере очки запотели, затуманились. Жюль снял, не протирая, положил на столик. То же самое сделала незадолго до того Жаннет, устроившаяся в кресле у прохода, великодушно предоставив эксклюзивное место у окна другу.

От вагонного уюта и расслабленной позы мышцы Жюля разомлели, размякли, отпустили напряжение. Попив поездного кофе, которое оказалось чуть вкуснее, чем ожидал, он согрелся. Осоловел. Отяжелел – подобно пористой губке, которая, впитав жидкость, увеличивается в весе раза в полтора.

Тело Жюля было насыщено не влагой, а теплом, заполнившим все поры и отверстия, проникшим внутрь. Тепло имеет способность успокаивать нервы, комфортно убаюкивать ум, тем более если пришел с минусовой температуры.

Вскоре ленивая дрема незаметно попыталась овладеть сознанием Жюля. Когда веки опустились, а голова собралась лечь на плечо, он заметил, встряхнулся, пошевелился, поерзал в кресле. До степени сна расслабляться нельзя, напомнил себе, а то не услышит объявление, пропустит остановку. После Дожона поезд следует дальше на юго-восток, до Пуатье – туда Жюль не планировал заехать.

Эх, жаль, забыл книжку взять почитать...

Взгляд упал на столик под окном, где лежали старые газеты. Близко, но недостижимо. Тянуться к ним, шелестеть-разворачивать или вообще шевелиться не представлялось возможным: разбудит Жаннет, которая и здесь удобно устроилась – на его плече. Только сняла пальто, уселась в кресло – снова задремала. Очень полезное свойство: умение коротать дорогу во сне – в любом транспорте, в любое время суток и в любом положении.

Вспомнились видеок cadры из телепередачи «Скрытая камера» на ту же тему. Просто удивительно, в каких неудобных положениях люди способны засыпать. Вот: ребенок – задремал, сидя на унитазе. Или: малыш спит стоя, лишь приклонив голову на сиденье дивана. Парень посапывает в глубокой сонной коме, не обращая внимания на окружение из игрушечных машинок с включенными сиренами: полицейской, пожарной и амбуланс. Интересно, насколько Жаннет во сне нечувствительна к внешним раздражителям? Когда-нибудь он узнает...

Чтобы занять глаза делом, Жюль осмотрелся вокруг. Народ собрался типичный для французской провинции – одетый неброско, ведущий себя непринужденно. Слишком отличающийся от столичной изысканной публики – благоухающей Дольче&Габбаной, одетой в Лагерфельда и Шанель. Здесь все проще. Запахи – больше пищевые и кофейные. Одежда – функциональнее, мешковатее. Женщины полнее. Мужчины лысее. Дети послушнее.

В общем, впечатление положительное. За исключением одного. Мелочь, а противно: вагон оказался заполненным простуженными больными. Которые издавали характерные звуки, свидетельствующие о наличии гриппа или его возбудителей на слизистой носоглотки. То из одного угла, то из другого доносились нездоровые шумы: люди кашляли, надрывно, сухо или с мокротой, которую приходилось глотать. Чихали, все вместе или по-очереди, громовым «гах!», которое раздавалось непрерывно, будто передавалось по цепочке.

Сморкались вслух, а кто не сморкался – загребал носом. Самый противный звук в больной какофонии. Причем издавали его только мужчины, в основном – молодые, интеллигентной внешности, некоторые даже с ноутбуком на коленях.

Хотелось подойти к такому, не отягощенному манерами парню и – без шутки или нравоучения – предложить свой личный носовой платок. Можно бумажную салфетку. Даже гигиеничнее: высморкался и выбросил свои микробы подальше – в урну. Пусть с ними потом поездные уборщики разбираются.

Впрочем, непримиримого отвращения к гриппозным попутчикам Жюль не испытывал. Понимал: они не виноваты. В размеренное течение сезонов года с мощью природной катастрофы вмешалось Нечто. Непредвиденное, удивительное событие – наступила снежная зима.

Люди, живущие в мягком морском климате бывают крайне удивлены экстремальностью – в виде снега и мороза. Кто-то не запасся зимними сапогами. Кто-то не купил утепленное пальто. Кому-то бабушка не связала рукавички или закрывающую уши шапку с норвежским орнаментом.

Все это – смягчающие обстоятельства для простуженных, которые можно понять и простить. При одном условии: пусть они недомогают про себя, не заражая других, считал Жюль. Болеть он не любил ужасно. Время, когда головная боль не давала сосредоточиться на полезных делах было для него потерянным отрезком жизни.

К его неудовольствию в вагоне почти зримо витал прокисший дух инфлюэнцы. Пусть она сейчас несмертельна, но все еще способна выбить человека из активной колеи дня на два-три.

Что крайне нежелательно. Сегодня особенный день, за которым каникулы – жалко провести их с охрипшим горлом и в соплях. Следовало бы Жюлю, пока сидит без дела, придумать способ оградить себя от настойчивого присутствия респираторно-зараженных. Плотность которых на квадратный метр вагона превышала норму, допустимую для сохранения здоровья: в каждой секции из четырех кресел – минимум один человек был болен или находился в инкубационно-предгриппозном состоянии.

Показалось, что воздух в вагоне тоже болен. Если хорошенько захотеть и приглядеться, можно заметить повисшие перед носом вредоносные бактерии. Они имеют расплывчатую форму одноклеточной амобы, которую Жюльен когда-то давно видел в микроскопе на уроке биологии. Бактерии и их друзья – микробы с вирусами нагло усталились на Жюля, кривляются, строят рожи, угрожая заползти в дыхательные пути.

Одна, особо наглая болезнетворная амeba, похожая на инфузорию-туфельку, растолкав собратьев, подлетела к самому лицу Жюля. Поставила ручки-волоски в бока, приоткрыла беззубый рот и, не меняя выражения лица, захохотала голосом Фантомаса:

– Хе-хе-хе...

Черт! Что это, во сне или наяву? Жюль не разобрался. Неужели задремал? Категорически нельзя! Помахал руками перед носом – разогнать микро-завоевателей, собравшихся оккупировать его организм. Отвернул взгляд от прохода к окну. По пути взгляд наткнулся на бумажный стаканчик с остатками кофе. Жюль допил и бросил стакан в мусорный карман под столом – по привычке к порядку. Взглянул наружу – за окно.

Там хоть и простирался удручающе скучный пейзаж в зимних тонах, зато был приятен глазу стерильностью. Потому что свободен от всяческих болезнетворных инфекций, распространяющихся воздушно-капельным путем. А, да что он заиклился на простудах? Надо поменьше о них думать, тогда точно не заболит. Главное в лечении и предупреждении – позитивный настрой, говорит неофициальный закон психологии. Забыл, что ли? Расслабился студент...

Деревенская сторона Бретани тянулась за окном неизменно-однообразным, ровным ландшафтом – поля, поля... Между ними – хуторские постройки, разделенные длинными километрами.

Добротнo сработанные, каменные дома фермеров стояли по окна в бело-пенных, беспокойных волнах. Будто сорванные с места буйки, унесенные в открытый снежный океан, они чернели одиноко, заброшенно и не верили, что разбушевавшаяся стихия когда-нибудь утихнет.

Жюль не верил вместе с ними. Потому что погода не наладилась, как он предполагал и надеялся, а ухудшилась. Вновь повалившая с неба масса взяла в плен все неподвижности, что встретила на пути: дома, деревья, сараи, заборы, поля, холмы и с отчаянным упорством принялась их засыпать. Чтобы пресечь в зародыше сопротивление, задавить на корню мечты: о весне, о солнце, о радостно плачущих сосульках...

23.

За окном поезда темнело. Быстро, неотвратимо, слишком рано – за счет снегопада. Так же быстро темнело настроение Жюльена: возвращалась тревога, от которой за полчаса в тепле успел отвыкнуть. Посмотрел на часы. Осталось тринадцать минут с мелочью, если поезд не опоздает. Пора будить Жаннет. И внести коррективы в планы.

От Дожона до замка Тиффожа на машине по шоссе километров тридцать – полчаса на легковушке. Но. Если срезать по грунтовке, получится на треть короче.

Надо будет уговорить владельца машины отправиться по короткой дороге. Если удастся уговорить... Если дорога расчищена... Если вообще получится найти сумасшедшего, который согласится их подвезти – в темноте, далеко за город, вечером перед Рождеством...

В любом случае придется раскошелиться. То, что сэкономил на дороге в Нант, потратится на дорогу в замок. В двойном размере. Или даже в тройном. Имеет смысл? Отказаться от затеи пока не поздно? Ждать еще год? Выдержит ли он? А Жаннет? Жалко ее разочаровывать. В конце концов что такое сотня евро, если она сделает счастливой любимую девушку. Не просто любимую – будущую жену. Мать его детей.

Припомнил содержание портмоне, лежавшего в левом переднем кармане джинсов. Тощий, потертый, не производящий впечатления кошелек отчетливо встал перед глазами. Имелось два отделения для бумажных денег, кармашек с кнопкой – для монет. В потайном отделе, защищенном молнией, покоился банковский пас.

Так, подведем баланс. Мелочь не считается. В двух отделениях лежит ровно сотня разными купюрами – последняя сумма, которую он имел право снять со счета наличкой. На пасе осталась возможность платить безналично – с кредитом в пятьсот евро, но про эту опцию можно сегодня забыть. Итак, баланс положительный и звучит следующим образом: если придется искать лифт до замка, наличных должно хватить расплатиться.

Еще останется на мелкие нужды – в обрез, без разгула, но они с Жаннет не собирались шиковать. Хорошо, что обратные билеты на маршрут Дожон-Нант приобретены. «Рискнем продолжить вояж», – мысленно сообщил Жюль собственному отражению в окне, которое превратилось в зеркало из-за черноты снаружи.

Для закрепления уверенности он кивнул себе в окне. В тот же момент, как по команде, свет в поезде отключился.

Обычное дело – кратковременная потеря контакта. Не паниковать!

Наступила крошечная темнота, когда не замечаешь разницы, если закроешь-откроешь глаза. И странное дело: воцарилась такая же крошечная тишина, будто вагон вымер.

Давно замеченный эффект: в темноте люди или замолкают, или начинают говорить шепотом. Почему? Никто не знает. В темноте ощущаешь себя неуютно. Неуверенно. Темнотой управляют темные силы. Человек бессознательно, предрассудочно боится их спугнуть. Или разбудить. Или прогневить.

В-общем, старается бестолку не шуметь, из толпы не выделяться, не строить из себя царя зверей. Или венец природы. Или покорителя Галактики в масштабах Солнечной системы. Неоправданная мания величия – не более того. На самом деле мы пугливы до безобразия, от каждой мелочи замираем от страха. Свет потух – в душе первобытный ужас. Потому что знаем, кого боимся: темноты, в которой затаилась гнетущая неопределенность.

По инерции Жюль продолжал смотреть в законное пространство, черное, как Вселенная, в которой отключили звезды. Вдруг – волосы на голове зашевелились и стали подниматься. Он заметил нечто ужасное, что не помещалось в сознании. Сверхъестественное, не подобающее происходить в современном мире, которым управляют супер-реалистичные фейсбук и твиттер: с той стороны окна на него смотрела самая настоящая, каменная химера Стрикс.

«Дремучее средневековье», – потерянно подумал Жюль и отшатнулся, вжавшись затылком в спинку кресла. Он ее узнал – по фото в разбитом телефоне подружки. Это она сидела на карнизе позади Жаннет и ухмылялась в объектив ее живыми глазами. Теперь черты Стрикс находились на месте: оскalistый рот, грозно нахмуренные брови и мертвые глаза статуи. Она летела параллельно поезду, хлопая гигантскими крыльями. Не перьевыми, как у птиц, а перепончатыми, как у собак. Летучих. Из вида рукокрылых, семейства крылан.

Повернув длинную шею – из камня, не забывать! – Стрикс незряче, не моргая, глядела на Жюльена. Да как она могла моргать, если вырезана из негибкого монолита, супертвердой скалы? Глупость – подумалось. А как она могла лететь, да так, что шелест крыльев доносился снаружи?

Внешний холод передался Жюлю сквозь стекло, заморозив лицо, проникнув в тело через самопроизвольно открывшийся рот. Вспомнилось ощущение из детства, когда он переел мороженого и перестал чувствовать губы, язык и щеки изнутри. В живот заполз студеной ужас, по пути заставив замереть сердце.

Жюль хотел отвести взгляд от химеры, но будто сам окаменел. Не в силах ни вздохнуть, ни пошевелиться. Он слышал шорох ее крыльев и шумное, нездоровое, шипящее со свистом дыхание курильщика, умирающего от неоперабельного рака легких. Или от запоздало обнаруженного туберкулеза, отягощенного вирусной пневмонией.

«Не верю!» – в отчаянии хотел крикнуть мозг, чтобы освободиться от парализующего видения. Но, вступив в противоречие с собственными помощниками – органами зрения и слуха, потерял способность пошевелить хоть извилиной...

24.

Зажегся свет. Жизнь в вагоне ожила и задвигалась, будто ничего сверхнеобычного не произошло. Мамы продолжали покрикивать на детей, дети – счастливо хохотать, соседи – молчать друг с другом, Жаннет – спать. Счастливая, подумал Жюль, впервые в жизни –

с черной завистью. От которой стало неловко, но ничего не мог поделать.

Сердце очнулось и помчалось в галопирующем темпе, будто желая нагнать пропущенные удары. Несколько мгновений сидел, не шевелясь, потом оглянулся на обитателей вагона. Почему они ведут себя как ни в чем не бывало? Неужели только ему почудилась каменная птица в образе химеры Стрикс?

Не может быть. Жюль отчетливо видел ее силуэт и лицо... нет – морду... нет – голову с клыками за окном. Слышал шелест крыльев в полете, шипящее дыхание – реально, будто находился с ней рядом. Оптический и шумовой обман? Разве бывают одновременно слуховые и зрительные галлюцинации? А бывает у некурящих птиц рак легких, отягощенный пневмонией? Э-э, кажется пару лет назад что-то передавали про птичий грипп... Стоп, Жюльен, не отвлекайся на второстепенное.

Нет, галлюцинации отпадают. Видение было настоящим – Жюль не спал, не грезил наяву, это он знает точно. И не лишился кратковременно здравого рассудка. Видел химеру наяву... Но почему он один разволновался? А другие? Кто-то еще должен был ее заметить, хотя бы вот эти две девушки напротив. Он с надеждой взглянул на соседок по секции.

Напрасно. Девушки сидели, демонстративно отключившись от окружающего мира. Склонив две головы к одному телефону, рассматривали или читали что-то настолько интересное, что, кажется, не заметили не только химеру, но и отключение света.

Совершенно верно: наличие или отсутствие освещения им не мешает и не помогает. Телефон работает на батарее, сам себе динамо-машина. Девушки сидят в неизменной позе минут двадцать. С тех пор, как плюхнулись в кресла и вперились в экран, пошевелились лишь однажды: синхронно хмыкнули, посмотрели друг на друга и – опять застыли. Только двигают машинально большим пальцем по поверхности и иногда по-тихому переговариваются.

А ведь именно они должны были бы стать главными свидетелями, подтверждающими видение Жюля!

Жаль – на соседок рассчитывать не приходится. На других пассажиров тоже. Никто из них не выглядит испуганным или недоуменным. Значит... Случилось временное помутнение рассудка в уме? Ему все-таки привидилось? Или явление Стрикс предназначалось только одному Жюлю?

Может, то невероятное фото из телефона Жаннет – тоже обман воображения?

Та-а-к. Включим логично мыслящего частного детектива из фильмов и книг. Почему частного, а не полицейского? Потому что именно индивидуально-практикующим сыщикам удастся распутывать самые заковыристые преступления. Вспомните Пуаро и мисс Марпл.

С чего они начинали?

С главного. Побудительных мотивов.

Какие мотивы могли быть у химеры? В том, что они есть, сомневаться не приходится. Как в ее собственном бытие. Говоря словами все тех же суперинтеллигентных книго-детективов: две случайности – уже закономерность.

Которую требовалось срочно разъяснить!

Желание разобраться распирало Жюля. Поговорить, обсудить, выдвинуть версии. Язык дрожал от нетерпения. Страх показаться смешным или идиотом не пугал. Зудело задать вопрос кому-нибудь из обитателей вагона. Кому? Да неважно. Хоть неодушевленному предмету – безголовому столу или безмозглому потолку. А лучше своему человеку – подруге.

Разбудить ее с единственной целью: поделиться подозрениями – не сходит ли он с ума?

Попросить раскрыть, наконец, секрет того снимка на башне Нотр-Дам – наверняка ловкой подделки или фотошопа. Чтобы Жаннет успокоила, уговорила не преувеличивать страхи. Наверняка они существуют только в его взбудораженной голове.

А химера Стрикс?

Это не химера, ответила бы Жаннет, это шутка возбужденной фантазии. Они едут в замок Тиффож, окутанный ореолом таинственности, полным кровопролитных легенд, мистики и вампиризма. Просто Жюль разволновался перед встречей с местом, где жил и творил нечистые дела бывший герой Франции, кумир его детства...

Так сказала бы Жаннет, если бы не спала.

Как ни странно, ее произнесенные слова подействовали на Жюля, будто были сказаны по-настоящему. Сердце затормозило сумасшедший бег. Паника в уме утихла. Конечно! Все чепуха, рожденная беспокойством за выбившийся из расписания план. Глупая придумка впечатлительности, не выдерживающая проверки логикой: Стрикс не могла лететь рядом с поездом и заглядывать в окно.

Во-первых, из-за каменной шеи, которую невозможно повернуть. Во-вторых, из-за предполагаемого рака легких, который официальной наукой не зафиксирован у... как ее квалифицировать-то?.. у химеро-крылатых... у перо-образных... ну – у летающих на перепонках. В-третьих, ее бы непременно увидели другие пассажиры, пусть не в его секции, но в соседних.

Судя по их непроницаемым, неувидленным лицам, кроме Жюля, химеру никто не заметил. Значит, она – лишь плод разбушевавшегося воображения, олицетворение несуществующего кошмара.

Прочь из головы!

25.

За четыре минуты до станции Жюль прикосновением к плечу разбудил Жаннет. Она проснулась мгновенно и как-то сразу бодро принялась шевелиться, без ленивых потягиваний и заразительных позевок.

– Выходим? – коротко спросила она.

– Выходим, – коротко ответил он.

Молодые люди одновременно потянулись к очкам на столе. Каждый взял первые попавшиеся, но прежде чем надеть, на расстоянии заглянули в стекла. По внешнему виду очки различить было трудновато. А стекла отличались: с минусовыми диоптриями – для дальновзорного Жюля, с плюсовыми – для Жаннет.

Поменявшись очками и водрузив правильные на нос, они поднялись и стали одеваться. Жюль заметил за собственными коленками, что дрожали и держали неуверенно – следствие недавнего испуга, который перенес, сидя. «Не обращать внимания!» – приказал себе и переключился на другое.

Вспомнились другие недавние страхи – насчет болезнетворных амёб. Шагая по проходу, Жюль придержал дыхание, чтобы не дать вредным микробам, копошившимся в воздухе, проникнуть на слизистую носа. Рот тем более держал на замке – до самого перрона.

Жаннет тоже молчала – до тамбура, куда вошли как раз перед тем, как зашипели открываемые пневматикой двери. Сделав шаг наружу, снова оказались в зиме.

На улице зараженческой проблемы не стояло. Там орудовал ветер, циркулировавший

на трехмерном пространстве между крышей станции и платформой, не давая воздуху застаиваться и болезненно гнить. К тому же распространять инфекцию было некому: платформа пустовала.

Ветер, разгонявший снежинки, и мороз, щипавший щеки – первое впечатление от вокзала Дождона. У Жаннет. Второе впечатление – паническое. У Жюля.

План снова грозил сорваться. Теперь не из-за погодного, а из-за человеческого фактора. Жюль надеялся договориться с кем-нибудь из вышедших пассажиров. У них наверняка имелись родственники с машиной. Или знакомые, которым перед Рождеством срочно требуется заработать: на средства для подарков.

То, что придется расставаться с последними купюрами, сомнений не вызывало. Жюль смирился, мысленно приготовившись стать банкротом – до следующей стипендии. Жертва, на которую ради любимой стоило пойти.

С жертвенностью не повезло. Оказалось – даже за приличное вознаграждение найти машину будет непросто.

Пара человек, покинувших электричку в Дождоне, как-то слишком торопливо и незаметно растворились из виду, оставив ощущение досады у Жюля. В душе он обиделся на местных за негостеприимство. Раза два подбегал он к человеку что-то спросить, но тот делал вид, что не замечает, и трусцой направлялся в другую сторону.

«По крайней мере невежливо», – поначалу подумалось Жюлю. «Здесь так принято», – вскоре понял он. Остановился в замешательстве на краю перрона. Очередная попытка заговорить – на сей раз с мужчиной, уткнувшим пол-лица в воротник, закончилась бесполезно. Парень потерянно огляделся и увидел только одиноко черневшую невдалеке фигурку Жаннет.

Стало ее жалко. Может, бросить все и вернуться в Нант, пока они здесь не простыли? Билеты обратно куплены. Остается подождать поезд, и через три четверти часа они дома. У Поля Буржери.

Потому что здесь их явно не ждали. Разговаривать не желали. Помогать не собирались.

План сорвался.

Жюль растерялся, сник. В голове – ни одной дельной мысли. Как организатор экспедиции, он должен был решить, что делать в ближайшие пять минут.

Решил: передать вопрос подруге для вынесения вердикта. И несения ответственности за последствия.

– Хочешь вернуться в Нант или продолжим вояж? – спросил он, подходя к Жаннет. – Ты не замерзла?

– Я не замерзла, – отозвалась та бодреньким голосом к облегчению Жюля. Потерла нос рукой в толстой варежке. – А почему возвращаться?

Действительно – почему? Что за паника без предпосылок? С какой стати им возвращаться, не достигнув цели: он не сделал предложения, она не приняла. Стоит ли столь важную церемонию откладывать на год, если можно совершить сегодня?

Нет, не все попытки использованы. Не все силы приложены. Глупо раньше срока признавать себя побежденным, Жюль этого не любил. Но... что-то тревожило. Неразборчиво. Издалека. Химера Стрикс? А, отбросить ее. Бессознательное наваждение, обманчивое предощущение, не больше.

– Почему возвращаться? – переспросил молодой человек, выигрывая время – придумать правдоподобную причину.

Вдруг пришла мысль. Жаннет могла воспринять вопрос вернуться в неправильной интерпретации: ему расхотелось делать предложение, решил дать задний ход. Это удар по самолюбию девушки. Она настроилась уже сегодня поменять статус с «подруги» на «невесту». Кроме того – о планах знали в ее окружении.

После праздников приятельницы любопытно спросят: ну рассказывай, вы уже обручились в романтической обстановке? Как происходило? Когда свадьба?

Чем ответит Жаннет? Неубедительными отговорками? Разочарованными слезами? Нет, слишком большое и незаслуженное унижение для любимой.

– Пойдем на станцию, там не дует, – предложил Жюль. Взял девушку под локоть и повернул к станционным дверям.

– Дело обстоит следующим образом, – стал объяснять по дороге. – Я рассчитывал найти здесь машину. Попутную, если бы повезло. Или договориться с частником, чтобы отвез нас в замок и обратно. Но поезд опоздал... вернее мы опоздали... Вернее – задержались с самого начала, еще с прибытием в Нант.

Молодые люди вошли в зал ожидания.

– Короче говоря, – продолжал сбивчиво объясняться Жюльен: – сейчас поздно и темно, и вечер перед Рождеством. Я не уверен, сумеем ли найти попутку. Только не подумай ничего плохого, дорогая, я не передумал – не расстраивайся. Сделаю все, что в моих силах. Самое важное, чтобы ты не растеряла настроение из-за этих неувязок. Не замерзла, не заболела, не устала... не заснула... – начал было Жюль торопиться и сбиваться. Потом внезапно замолчал.

Образовалась всеобщая тишина.

26.

Что-то необычное происходило вокруг, чего он поначалу не заметил. Они стояли посреди зала. Жюль держал Жаннет за руки и пытался поймать ее взгляд. Она оглядывалась по сторонам, не слушая. В чем дело? Молодой человек прекратил артикулировать ртом и тоже огляделся.

Внутри станция выглядела празднично наряженной. С елочками за стеклами касс, пружинистым, блестящим серпантинном под потолком, наклейками фигурок Санты, погоняющего лапландских оленей, умеющих летать без крыльев. Развешанные по стенам и окнам плакаты всех размеров и расцветок радушно желали «Веселого Рождества!».

Выглядело радостно, оптимистично. Одна вещь настороживала: огромный зал был ярко освещен, мертвенно тих и подозрительно пуст. Просто вымер, обезлюдел, как перед точечным – только на этот город – нашествием инопланетян, о котором срочно сообщило вокзальное радио. Или перед торнадо, залетевшим в ошибочное время в ошибочное место, заставив пассажиров попрятаться в подвалы. Звуконепроницаемые – типа бомбоубежищ.

Пустота феноменальная: ни кассиров, сидящих за окошками, ни служителей, стоящих в ожидании вопросов. Ни очередей за билетами, ни зевающих от безделья жандармов, ни торопящихся в подземный туалет детей. Ни ругающихся на ходу супругов, тянущих чемоданы на колесах, ни студента, пинком выбивающего из автомата сникерс. Ни растерявшихся в сутолоке пассажиров, несущихся сломя голову к собравшемуся отправиться поезду.

Ни одного человека, ни одной живой души. Ни случайной птички под потолком, ни бездомной кошки у радиатора. Странная пустота. Пугающая. Нереальная.

Усугубленная тотальной тишиной.

Когда Жюль замолк, пустота замолкла вместе с ним. В ушах зазвенело от абсолютного беззвучия, которое заставило напрячься.

В пустом зале, где лампы горели изо всех сил, освещая необитаемое пространство, рождественские гирлянды радовали неизвестно кого, объявления приглашали обращаться за информацией в закрытые окна, повисло бесшумное напряжение – предвестник беды.

Молодых людей обуял ужас. Приковал к полу. Неизвестно – от чего, но от чего-то определенно и грозно надвигающегося. Уже не хотелось ни видеть людей, ни слышать объявлений по радио – то и другое показалось бы обещанием беды. Одно желание овладело – поскорее отсюда исчезнуть.

Желание-то было, а возможности исполнить – нет. Телами овладел парализующий ступор.

– Джингл белс, джингл белс, джингл ол де вэй... – Вдруг и ниоткуда грянула песня, отразившаяся грохочущим эхом от стен и потолка. В другой обстановке – веселая, безобидная. В оглушительной тишине вокзала прозвучавшая как разряд грома с карающих небес.

Жюль и Жаннет синхронно вздрогнули, оглянулись. Сзади стоял искусственный Санта в натуральную величину и, забавно покачиваясь в ритм, распевал рождественские куплеты. Никогда в жизни молодые люди не испытывали такого пронизывающего ужаса. Всего лишь – от детской песенки.

– А-а-а! – беспомощно, бессвязно пробормотала Жаннет, будто собралась сойти с ума. Глаза ее округлились и потеряли концентрацию. Лицо приобрело бессмысленное выражение.

Жюль ощущал страх с сердцебиением и новым дрожанием коленок, почву для чего подготовила недавно явившаяся химера. Как мужчина понимал: именно от него требуются действия по спасению.

Каким-то необъяснимым внутренним напряжением сил он сумел преодолеть оцепенение в конечностях и замешательство в серых клетках мозга. Схватив подругу за руку, потянул к противоположному от перрона выходу – в город. Безошибочно определив: там спасение. Шумы и движение. Улицы, транспорт, магазины, бары – населенные сородичами. Там продолжается жизнь, и они снова составят часть ее. Существование в толпе, а также в стае или стаде – способ выживания у млекопитающих.

Оказавшись в привычном окружении, ум встанет на место. Потому что тишина и одиночество – не для слабаков. Внезапно оказаться на не обитаемом людьми и звуками пространстве, даже вдвоем с любимым человеком – слишком сильное испытание для психики. Неудобство, которому не стоит без предупреждения подвергать себя в крайне социализированной действительности. Чревато сдвигом от неподготовки...

Они бежали, и топот каблуков раздавался громовыми раскатами в высоком, пустом пространстве. Казалось, грохот присутствовал сам по себе, не зависимо от его производителей, отдельной – неодушевленной – единицей, третьим двигающимся существом. Злобным, непредсказуемым. Он нарочно пугал молодых людей, насмехался над ними, преследовал и гнал дальше, хохоча и наслаждаясь их смятением.

Когда они с разбегу выскочили на предстанционный тротуар, несказанно обрадовались и морозу, и поземке. В особенности – темноте. Здесь она, по крайней мере, не была крошечной и абсолютной, как пустота в зале. Город не подавал признаков опустошения –

горели витрины, слышались звуки проезжавших машин. Провинциальный Дожон продолжал жить обычно: здесь не прошли на ходулях роботообразные марсиане, не пролетел всеразрушающий оркан.

Неподалеку стоял слабо мерцавший фонарь, давно не менявший лампу, которая горела на последнем издыхании. Угасая, пульсировала и корчилась в агонии, вспыхивала в последнем усилии, дрожа и взывая о помощи, которую никто не собирался предоставлять.

Понятно почему – Рождественский вечер. Каждый занят своими делами, не до лампочек. Тем более, что хозяйственные магазины закрыты на два дня, а запасных нет. Дома лампы можно заменить свечами. На улице свечи зажигать не имеет смысла – из-за маломощности. Что толку им стоять на верхотуре, светить себе под нос, когда нужно внизу о пешеходах и машино-едущих заботиться.

Едва отдышавшись, Жюль порывисто притянул к себе подругу. Ее голова в ушастой шапочке легла на его грудь, руки обхватили за талию. Он обнял ее в ответ, и оба затихли.

Создалось впечатление, что они едва ушли от погони в стиле Индианы Джонса. Только там герой спасался бегством от живых преследователей: немцев, арабов, зверей и предателей. Или от неодушевленных: гигантского каменного шара, водной лавины, шальных и нацеленных пуль.

Здесь пришлось бежать от невидимого глазом: сначала от дурацкой детской песенки, потом от грохота, производимого собственными ногами. Своя вина? Но разве возможно бежать бесшумно? Даже на цыпочках не получилось бы. В связи со специальной конструкцией вокзалов – акустически чувствительной. Каждый шорох увеличивается под куполом потолка в сотни децибел, превращается в раскаты...

Ну, не стоит заикливаться на непонятном. Они с Жаннет в порядке: спаслись, отдышались, вкусили радость победы. Готовы к новым приключениям!

Которые не замедлят заявить о себе, невесело догадался Жюльен, осматривая привокзальную площадь. Она представляла зрелище чуть менее пустынное, чем станционный зал, но ничуть не более радостное.

Зрелище не вселяло оптимизма – найти хоть какое-то средство для следующего марш-броска. Ни одной машины не стояло на парковке впереди, не проехало по дороге рядом. Кроме единственного, запоздалого, от того растерянного, рейсового автобуса, который промчался мимо, сломя голову и погасив номер. Видно, торопился домой – успеть к семейному ужину.

Справа Жюль увидел огни частных магазинчиков: булочной, овощного и кондитерского, которые слишком явно и слишком безнадежно были закрыты. На листках бумаги, прикрепленных к дверям, стояло что-то написанное от руки.

Подходить читать не требовалось, Жюль на расстоянии догадался. Сообщение для постоянных клиентов. Сегодня – короткий день, завтра и послезавтра – закрыты на Рождество, затем – снова «Добро пожаловать!». Стандартная записка. К случайным и транзитным гостям города отношения не имеющая.

Слева – тоже огни. И тоже у закрытого заведения. Бар под вывеской «Две Макаки» выглядел нарядно и оригинально. Видимо, факт раннего закрытия владелец решил смягчить юмористически оформленной витриной. Здесь изображался африканский тропический лес с атрибутами европейского Рождества.

Несоответствие и противопоставление летних и зимних атрибутов выглядело забавно, эффектно. Попугайчики в разноцветных перьях и дедморозовских шапках со свисавшими

помпонами на головах. Гривастый, добродушный лев, несущий подмышкой елку детишкам. Зебра в шкуре не из черных полосок, а из разноцветных серпантинков.

И заглавные герои – две обезьяны, сидящие на перевязанных лентами коробках с подарками, чокающиеся рюмками с шампанским. Причем, рюмки очень ловко держали ногами, а руками обнимались. Две макаки – радостные, как сиамские близнецы после разделительной операции.

Почему-то от чужого веселья, по-звериному ненастоящего, Жюлю стало не по себе. Он даже обиделся на название. Показалось, это откровенный, насмешливый намек: две макаки – они с Жаннет. Две бездумные обезьяны, несчастливый случаем занесенные из отлично освещенного, густо населенного, празднично звучащего, выглядящего и пахнущего Парижа в сумеречные, безмолвные, безлюдные джунгли Дождя. Из которых не знают, как выбраться.

Вернее – не знает он. Подумалось устало: неужели придется провести вечер здесь? В необитаемом зале ожидания, на холодной лавке, замирая от каждого неопознанного шороха? Один обнадеживающий пункт, если его можно охарактеризовать таким осторожным словом: подобно тем макакам, они тоже выпьют шампанского.

Бутылка искристого, безалкогольного брютта лежит у Жюльена в рюкзаке. Безалкогольного – по причине Жаннет. Его будущая супруга в рот не берет напитки, в которых процентное содержание этилового спирта больше, чем в кефире. То есть – ноль до и после запятой, остальное – неважно.

Точно! Если дела и дальше пойдут не лучше, чем до того, они отпразднуют Рождество, не отходя от станции. Оккупируют пустующий вокзал, усядутся на пол возле батареи и выпьют по праздничной рюмке. В смысле – по пластиковому стаканчику.

А что? Хорошая идея. Жаннет точно понравится, она по натуре авантюристка...

27.

Только Жюль нашел лучик света в беспросветном положении, когда из-за угла послышался снежный скрип. Следом вышел человек – чудо! – и неторопливой, прихрамывающей походкой отправился с сторону приезжих.

Жюль немедленно отодвинул подругу от себя. Жаннет что-то недовольно пискнула и стала протирать глаза. Она что, даже у него на груди и стоя умудрилась задремать?

Но – не отвлекаться. Разбираться в качествах характера будущей попутчицы жизни нет времени. Человек на горизонте! Настоящий! Живой! На двух ногах и с сумкой магазина Монприз, которую Жюльен узнал по фирменному, темно-серому цвету. Он тоже частенько пользовался услугами данного супермаркета, недорогого и качественного.

Знакомая сумка, сама того не подозревая, согрела сердце чем-то родственным. Симпатию к ней Жюль перенес на ее обладателя. Это был неопределенного возраста мужчина, которому в темноте можно было дать не меньше пятидесяти пяти. В предпраздничный вечер он оделся бедновато и холодновато: в старомодную, китайского производства куртку с резинкой на поясе. От чего она собралась юбкой и приподнялась, позволяя ветру студить чувствительные части тела.

Куртка выглядела хлипкой не по сезону, к тому же неудобно укороченной. Мужчина не обращал внимания на причиняемые ею неудобства. Или привык. Или по другой причине. Он вообще походил на рассеянного чудака, забывшего про зиму: не замечал мороза,

не поднимал воротник, не ежился от ветра, не торопил шаг. Шел в одном темпе, засунув левую руку в карман, в правой – без перчатки – нес сумку с покупками.

Человек «откуда-ни-возьмись» был, как нельзя, кстати. Его появление настолько обрадовало Жюля, что он затруднился бы членораздельно объяснить – чем именно. В голове возникли ассоциации с названиями передач, которые буквально соответствовали чудесному явлению: «Сейчас или никогда», «Встреча года», «Нашел тебя» ну и так далее вплоть до викторины «Счастливый случай».

Исключительный шанс, звездный час Жюля, если хочет получить информацию. Или чего-нибудь посущественнее...

Парень встал пошире на ногах, приготовившись загрести прохожего в сети. Вербальные – опутать словами, заставить рассказать, что знает. Если совсем повезет, и мужчина проявит добрую волю, Жюль напрямую попросит помощи – доехать до злополучного замка.

В том, что замок уже сейчас назвался в голове «злополучным», Жюль странности не заметил. Действительно: путешествие, которое предполагалось в этот час успешно завершиться, еще не достигло кульминационной точки. Интересно, чьи козни в том замешаны, бабушки-Метелицы, Синей Бороды или... все той же Стрикс?

Упоминание мифических персонажей, в том числе химеры, не испортило настроения. Жюль не любил заикливаться на неприятностях, неизвестностях, недоразумениях. Про козни он себя для смеха спросил. Потому на ответ не стоит терять время и заострять внимание.

Все эти сказочные герои – явления нереального порядка, фантастического, мистического. К ним лучше с юмором относиться. Тем более – когда находишься не на их территории, не в полнейшей темноте. В сознании трезводумающего человека, подсвеченном подслеповатым фонарем по-соседству, им не место. Потому от сказки – в быль. Действовать!

Когда мужчина поравнялся, Жюль протянул в его сторону руку и слегка согнул спину. Вопрошающая поза. Визуально-психологический трюк: у прохожего не должно возникнуть сомнения, что обращаются именно к нему, именно с призывом о помощи. Не откажет же он просящему о милости в Сочельник. Это не по правилам слезливых рождественских голливудский историй с обязательным счастливым концом.

– Простите, месье, можно спросить? – спросил Жюль со всей возможной вежливостью плюс чуть-чуть заискивающей интонации.

Дабы человек отчетливо понял: молодые люди находятся в чрезвычайной ситуации, тонут в неизвестности, посылают сигнал SOS. Отказ или невнимание не принимается. Игнорирование призыва о помощи наказывается международными законами, вплоть до высшей меры. Какой? Каждая макака знает: запрет плавать в международных водах. Так что подумай, прежде чем не остановиться.

Мужчина не думал нарушать морских законов.

– В чем дело? – ответил он вопросом, не очень дружелюбно. Просто буркнул. Подозрительно, вскользь посмотрел на Жюля, на Жаннет: ходят тут всякие по ночам, небось мигранты-искатели-счастья, не собираются ли ограбить? – Некогда мне...

Желания, возможности, времени или денег помогать ближнему он очень явно не имел. Тем более – видел: сигнал SOS подали преждевременно, поддавшись панике, из суеверного страха перед неизвестным. А оно – неизвестное – вполне может оказаться на их стороне. В молодом возрасте неразрешимых проблем не существует. Вот сбросить бы ему годков эдак

двадцать, показал бы им как надо лавировать в житейских морях...

Те несколько несвязных слов мужчина проговорил невнятно и шепеляво: то ли от холода губы скукожились, то ли зубов не хватало, то ли по другой причине. Жюля не интересовало. Этот прохожий – первая и, возможно, последняя живая душа за вечер, тут не до придирок к дикции.

– Простите, что задерживаю... – нарочно неуверенно, словно от смущения, пробормотал Жюльен и продолжил тактически опутывать клиента: извинения обычно принимают снисходительно и выслушивают до конца.

Уловка получилась. Мужчина не стал пугать попытками пройти мимо и после недолгой паузы на раздумье остановился. Заручившись его рассеянным вниманием, Жюль воодушевился. Решил врать напрапалу, жалобно и правдоподобно. Он не собирался выпускать нечаянно оказавшуюся в руках жар-птицу без выгоды для себя, нагло вато рассудив: попалась – будь добра исполняй желания.

– Простите, мы неместные, приехали издалека... – начал молодой человек со слезой в голосе.

Он отлично знал один секрет: ни в коем случае нельзя говорить «мы из Парижа». Провинциальные жители имеют давно зародившуюся и навечно закрепившуюся ненависть к счастливчикам, проживающим в столице. Считают их высокомерными задаваками и ни за какие деньги не будут помогать. Наоборот, на традиционный вопрос «Как пройти в библиотеку?» с радостью направят в аптеку – из вредности и потому что в рифму. С еще большим злорадством направили бы прямо в пасть огнедышащего дракона, если бы он ожидал близости.

Потому Жюлю не следовало тараторить первое, что на ум придет, а применить правила науки, которую собирался сделать профессией. Хорошо бы сказать «мы приехали из Америки». Звучало бы впечатляюще: страна от Франции далеко, где-то на краю света. Легко составитя цепочка, которая непременно вызовет сострадание: из Америки да в такую дыру, да в непривычно суровую зиму, да в вечер перед Рождеством – большего несчастья не придумаешь.

Только Жюльен побоялся переборщить с враньем. Прохожий человек идиотом не выглядит, сразу раскусит – попросту на слух. Америка – страна ковбоев, бандитов и макдоналдсов – никто из них не говорит по-французски. Канада на ум быстро не пришла. Неважно. Жюль не дурак, студент-психолог, выкрутится.

– Мы из Бельгийских Арденн приехали. Хотели посетить замок Тиффож, да в Дожоне заблудились,...

– Что за дикая мысль посещать замок с самой худшей репутацией в стране, к тому же по ночам, да еще в собачью погоду? – внезапно и возмущенно разразился мужчина. – Что у вас в Арденнах своих убийц не хватает? Вон недавно процесс прошел над маньяком-педофилом Дютру. Туда бы и сходили... – незнакомец вывалил вслух то, что думал про иностранцев.

Тем более – про граждан франкоговорящего бельгийского региона Валлония. О которых с врожденным, великодержавным высокомерием имел мнение как о низшей расе. Сыграло роль известное глобальное явление, когда один народ считает себя выше другого, часто безосновательно. Пример? Пожалуйста. Британцы насмежаются над австралийцами, индейцы – над бледнолицыми, чукчи – над молдаванами, негры – сами над собой.

Кстати, в расизме человечество не одиноко. Не отстают животный мир, дискриминирует

в самой изощренной форме. Пользуясь превосходством в силе и уме, зверушки обижают, в основном, братьев своих меньших – людишек.

Кенгуру боксируют ногами туземцев, верблюды от души плюют на посетителей зоопарков, белые медведи так и норовят откусить ногу любому, кто по ошибке или сознательно прыгнет к ним в бассейн. Нет бы забыли про свой хищнический инстинкт, толерантно отошли в сторонку, посмотрели, как будут спасать незадачливого самоубийцу...

Для французов – бельгийцы, как мальчики для битья. Эти их северные соседи, хоть и говорят на великом и могучем французском языке, высокой степенью интеллекта не отличаются. Вот данные экземпляры. Типичные представители недалекой в умственном отношении арденско-бельгийской нации. Даже внешне выглядят смешно: оба в очках, похожи на лупоглазых монголов, особенно девушка – в шапке с ушами и кисточками.

Ну, клоуны! – подумал прохожий и даже чуть улыбнулся с кривой насмешкой.

Жюль понял ее в свою пользу. Хороший знак: человек проявил внимание и терпение, не стал вилять или отпираться. Или отделяваться отговорками – что продукты из Монприз на морозе попортятся или срочно пора домой канарейку кормить.

Жюль понятия не имел, кто такой маньяк Дютру, и куда надо было сходить, чтобы того увидеть. Главное – его метод работает, значит, не зря психологией в университете занимался. Продолжил выдавливать жалость:

– Простите за навязчивость. У нас очень особенный случай.

– Что за случай?

Пешеход впервые за разговор поднял на собеседника глаза. В свете умирающей лампочки они не выглядели многообещающе: мрачные затаенной тоской, давно не видевшие просвета в жизни хозяина. Но сейчас Жюлю не до психанализа, времени в обрез. Перешел сразу к диагнозу. Который прост: раз человек спросил – значит, заинтересовался. Значит отпускать его ни в коем случае нельзя. Принцип, который даже попугаю в дедморозовской шапке известен.

Дальше действовать по пословице «лепи горшок, пока глина мягка». Чтобы не завираться при Жаннет – чего доброго по простоте души вступит с ним в дискуссию – Жюль коротко кивнул ей, показав на дверь вокзала. Девушка поняла, отвернулась. Жюль шагнул ближе к мужчине и, доверительно наклонившись к уху, прошептал:

– У нас медовый месяц. – Вранье во спасение, совесть чиста. – Сегодня первая брачная ночь, хотели провести ее необычно. В романтическом месте, с бутылкой шампанского и все такое. Не поможете?

– Что – штопор принести?

Мужчина глядел серьезно, без признака насмешки или желания пошутить. Он или собственного юмора не понял, или был предельно откровенен. Что говорил, то имел в виду. Ах, милое деревенское простодушие, не испорченное циничной столичной цивилизацией! Качество, которое мы потеряли в погоне за Коко Шанелями и Луи Виттонами.

– Нет, спасибо, штопор у меня с собой, – ответил Жюль и нарушил правило науки, которую изучал.

В переводе с научного на просторечный правило гласило: в беседе, которая для тебя важнее, чем для оппонента, нельзя употреблять слово «нет». Впрочем, правило касалось как раз оппонента. Жюлю, в качестве ведущего в разговоре, надо заставлять его постоянно соглашаться, закидывая очевидными вопросами, чтобы тот отвечал утвердительно. Тогда незаметно и постепенно добьешься своего. На главную просьбу он – по инерции – тоже

ответит согласием. И не посмеет тут же отказаться, это не по-мужски.

Какой вопрос напрашивается в качестве очевидного? Долгого времени на размышления Жюль не имел. Да не требовалось.

– Скажите, вы местный?

– Да.

А! Вот он – первый успех. Продолжить в том же духе.

– Вы идете из магазина Монприз?

– Да. А что?

– Сейчас объясню. Живете поблизости?

– Да... – несколько неуверенно проговорил мужчина и начал проявлять беспокойство.

Что-то много этот парень расспрашивает, вытягивает секретную информацию. Не к добру.

Слегка заволновавшись и нервно потоптавшись, прохожий собрался сделать попытку продолжить путь куда шел.

28.

Но именно этого Жюль собрался не допустить. Настало время раскрыть цель психологического эксперимента. Основной вопрос которого «почему он выбрал в качестве подопытного кролика данного месье?» должен остаться за рамками дискуссии. По причине очевидности ответа. Для Жюля.

– Послушайте месье... э-э... как вас зовут?

– Данон... Дантон... Гастон Делакура. – Мужчина сначала позаикался отчего-то, потом выпалил имя, которое и было его настоящим. О чем он думал – трудно разобраться. Даже Жюльен, подкованный фрейдовской теорией оговорок, не сумел бы с точностью сказать. Ну, не про йогурт же...

– Очень приятно. А меня Монморанси, – представился молодой человек фальшивой фамилией, почему – загадка. Скорей всего по инерции, врать так врать.

Он хотел протянуть руку для пожатия, чтобы окончательно закрепить дружбу, но вовремя остановился, чтобы не создавать неловкость. Делакура не предпринял усилий вытащить левую руку из кармана, переложить туда сумку, подать правую незнакомцу. Потому что считал: слишком много чести для нефранцузского француза из Арденн. Тем более – бельгийских.

Делакура в тех краях не бывал, но точно знал: там одни недоумки живут, тупее алеутов... то есть нет, тупее тех, с Аляски, тоже на «а» – азиатов... нет, опять не то... ну, как их... а! – аборигенов, вот!

Ничего. Жюль не обиделся. Не до того. В другой раз обменяются рукопожатиями, когда договорятся. Может и до объятий дело дойдет. А сейчас – к цели напролом.

– Месье Делакура. Вы знаете историю Синей Бороды?

– Здесь ее каждая собака знает. К чему ты?

– Как по-вашему, в чем была его ошибка?

Вот это вопрос! Академический. Делакура с новым подозрением взглянул на молодого человека. А этот бельгийский эскимос не такой придурок, как показалось вначале. Надо с ним похитрее. Что-то ему от Гастона требуется, только пока непонятно – что.

Вообще-то заманчиво. Вдруг тем или иным способом удастся денежку скопить? Туристы – народ денежный, скупиться на достопримечательности не любят. Особенно когда

приспичит. Вот как сейчас. Надо задержаться, поинтересоваться подробнее, прощупать этих арденнцев на предмет их финансового благополучия.

Делакруа не поленился вытащить руку, почесать шершавый даже на вид подбородок. Одновременно размышлял про печально знаменитого земляка. Он бы задержался с ответом, если бы не так давно произошедший случай. Как раз на заданную тему.

– Вот слушай. – Делакруа перемялся с ноги на ногу, поставил сумку на тротуар. Убрал обе руки в карманы, приготовившись долго рассказывать. – Буквально три года назад убили моего соседа, Дидье Мортимера. Хороший был человек, хоть и гомо. Ну, сейчас к ним по-другому относятся, чем раньше. Вот вы там в Арденнах в курсе, что во Франции закон приняли, разрешающий им жениться... то есть выходить замуж... то есть... ну не знаю...

– Браки заключать.

– Точно!

– Мы в курсе. Не отвлекайтесь.

– Так вот. Дидье был парикмахером. Очень хорошим. Модным, как сейчас говорят. Заходил к нему один клиент, по имени Патрис, по фамилии не знаю. Заходил не подстричься, а денег занять, у Дидье их всегда навалом было. Не знаю – почему, но он никогда Патрису не отказывал. Когда долг перевалил за двадцать тысяч, попросил отдать. С чего отдавать? Тот алкоголик, хоть и скрытый, а законченный.

Патрис, не долго думая, взял и убил Дидье, его же ножницами в горло. Одним махом с долгом расплатился. Его арестовали, двенадцать лет дали в тюрьме отсидеть. Да он не расстроился. Нашел положительное в своем лишении свободы. Рассудил про себя – повезло. Хоть алкаш, а ведь прав. Наши тюрьмы цивилизованные, не то, что в Таиланде например. Посидит он здесь в отдельной камере на всем готовом, будто в продолжительном отпуске побывает.

Через две трети срока выйдет – и свободен! От долга, от тюрьмы. Вишь как удачно получилось. Патрису оказалось легче убить, чем деньги отдавать. Их у него сроду не водилось.

– Вы это к чему рассказали? – Жюль сделал вид, что не понял, хотя давно сообразил. Желал выслушать чужую версию до конца.

– К твоему вопросу. Хозяин Тиффожа был богатый. Для своего времени – слишком. Десятки замков с землями имел, по стране разбросанных. Он высоких людей кредитовал, в основном – короля. Случилось по поговорке: маленький долг рождает должника, большой – врага. Только барон поздно догадался. Король его в удобный момент с помощью подручных к суду привлек. И приговор подсказал.

– Очень приемлемая гипотеза, – одобрил Жюль.

На душе потеплело. Прохожий не только не ушел, но разговорился, разоткровенничался. Положительный знак. Намекающий: Делакруа – его друг и сообщник. Техника сработала. Теперь можно не заботиться о том, чтобы ответы звучали положительно. Можно перестать врать, открыть карты.

Дальше получилось само собой.

– У вас машина есть?

– Есть.

– Деньги нужны?

– Нужны.

– Отвезете нас в замок?

– Отвезу, – ответил без запинки Гастон – к обоюдному удовольствию.

29.

Что требовалось услышать – обрадовался Жюльен. Эксперимент увенчался успехом. Разговор заструился в нужном ключе – что чрезвычайно вдохновило. За кооперативное мышление и поведение он почти полюбил незнакомца.

Который начал преображаться на глазах. В лучшую сторону. Стряхнул снег с головы, доверчиво обнажив поросшую редкими волосками лысину. Аккуратно высморкался в мятый платок, который выудил из кармана куртки. Расправил согбенные сумкой Монприз плечи. Даже его круглые, недоверчиво выпученные глаза больше не выглядели одновременно тоскливо и жалобно, как у заживо поджаренной рыбы сазан.

Настроение Жюля улучшалось посекудно. Нельзя останавливаться на полпути. Карта пошла, удача улыбнулась – в окошке «однорукого бандита» закрутились колеса и, резко тормознув, высветили три семерки. Вот-вот зазвенят денежки в монетоприемнике.

То есть, зазвенят они не для Жюля, но неважно. Теперь – не терять инициативу, продолжить успешное наступление. Назвать цену, выгодную самому. Этот провинциальный Делакруа не отличается остротой ума. Попался в сети – быстро соглашается с любым предложением Жюля.

– Отвезете туда и обратно? – уточнил он.

– Точно, – ожидаемо подтвердил Гастон.

– За полтинник!

Жюль предложил хорошую цену. Уверенный в положительном – а как же иначе! – ответе собеседника он протянул ладонь для официального заключения сделки.

– За сотню! – выкрикнул Делакруа и прежде, чем молодой человек успел сообразить подвох или отдернуть руку, скрепил сделку пожатием.

Неожиданная выходка провинциала резко уредила жюльеновский энтузиазм. Сто евро – последняя сумма, которой он свободен распоряжаться. Ее стало жалко чуть не до сердечного приступа. А до слез точно. В голове мелькнуло: отказываться или торговаться?

И то, и другое поздно. Выход последний: трусливо убежать? Не по-рыцарски. Жюлю тут же представился кумир – в полный рост, в латах с пяток до шеи. Сдвинув брови, он приставил острый палец к груди Жюльена – своего потомка, будто хотел пронзить.

– Прежде, чем сбежать, подумай: будешь ли тогда достоин называться гордыми именами барона де Рэ – де Лавалья, герцога Монморанси?

Резонный вопрос.

Стало стыдно. Наследники героев средневековья не убегают в кусты подобно пугливым зайцам. И куда бежать? В чужой, метельный город? В зал ожидания, где их никто не ждет? Или от расстройства – пешком до Парижа? Нет, до Нанта. Нет, глупости. Панические настроения. Им поддаваться нельзя, особенно на вражеской территории. Прежде, чем истерить, следует взвесить две величины: собственные желания и возможности их оплатить.

Они с Жаннет столько ожиданий вложили в это путешествие, похвалились перед друзьями, родственниками... Возвращаться с полпути неохота. Да, сто евро – грабеж среди бела дня... то есть среди темной ночи. Эта неотесанная деревенщина запросила ставку зубного врача за плевую услугу шофера. Но возражать поздно. Не по-мужски.

Остается смириться. Деньги, в принципе, есть. Последние. Если возникнет другая

необходимость платить, одна надежда – Жаннет взяла с собой немного наличности. Надо потом у нее осторожно поспрашивать...

В ответ на торжествующий взгляд Гастона Жюль коротко кивнул. Черт, даже не скрывает радости. Вымогатель. Обидно чувствовать себя обьегоренным провинциальным простаком. Он, Жюльен де Лаваль, студент психологии – науки, созданной гениями, доступной только для избранных умов, попался в примитивную ловушку невежды...

А, ни к чему патетика. Жюль давно знал за собой свойство – неприспособленность ловчить. В высоких дискуссиях с коллегами он не уступит профессору. В приземленной жизни – проиграет малограмотному дожонцу. Делакруа только что блестяще доказал.

Ладно, что сделано, того не повернешь. Подведем итог. Финансовый договор он заключил с дефицитом, зато урок на будущее: впредь держаться начеку с этим алчным аборигеном.

«При первом удобном случае отыграюсь», – подумал Жюльен, мстительно глядя в сутулую спину Делакруа, шагавшего впереди в качестве хозяина положения. И автомобиля. Из мести Жюлю злорадно подумалось: куртка-то коротка, едва прикрывает его непредставительную задницу... Высокомерная жалость полилась елеем на пораненное самолюбие.

Прямо противоположные ощущения владели Делакруа. Он был счастлив. Безгранично и до глубины души. Зададимся глупым на первый взгляд вопросом – почему?

Давно известно – не в деньгах счастье.

Это для тех, у кого их полно. А для тех, кто подобно Гастону вынужден бедовать на пособие по хронической неработоспособности, лишняя сотня – не только счастье, прямо-таки спасение.

Именно спасение, потому что срочно требовались зубы. Новые, четыре штуки, впереди вверху – самое ответственное место. Без зубов как инвалид: ни пищу прожевать, ни улыбнуться, ни поговорить. От соседей и знакомых стыдно. Вместо речи – невнятное шепелявство. До того надоело мямлить, что в депрессию стал впадать. Засветившая в перспективе сотня – та самая сумма, что требовалась на протезы. Не самые лучшие, конечно, но очень приемлимые.

Гастон мысленно потирал руки: сто евро заработать за один вечер – фантастический показатель удачливости. Видно, не зря говорят: в ночь под Рождество сбываются желания. Раз в жизни получилось и у него. Значит, Бог, все-таки, существует и зорко следит за распределением презентов.

«Ну, насчет Господа – не знаю, а ангел-хранитель меня сегодня точно сопровождал», – подумал радостный Делакруа несколько неуважительно по отношению к Всевышнему.

О том поподробнее.

30.

С Богом он имел неоднозначные отношения. Проблемные. Родившись в традиционно для малых городов верующей семье, Гастон давно, с четырнадцати лет, перестал ходить в церковь. По двум большим причинам, не считая мелочей.

Первая – неприкрытое двуличие местной паствы, состоявшей из соседей и знакомых, которых юный Гастон обвинял в двойных стандартах. Особенно – собственного отца, которого жестоко ненавидел и за родственника не считал.

Отец, пожизненный алкоголик, остервенело терроризировал мать и колотил детей без пощады. В том числе самого маленького – Гастона, от чего у него зубы плохо росли на нервной почве и до подросткового возраста не держалась моча по ночам.

Почему-то из пятерых детей ненависть отца в двойном размере приходилась именно на младшего. Дня не проходило, чтобы Гастону не досталось услышать ругательства. Из которых «проклятый иждивенец» и «родился на мою голову, ничего путного из тебя не выйдет» были самыми безобидными. Их справедливость Делакруа-старший подтверждал тумачами и пинками, пока не уставал и не засыпал на драном диване, храпя как простуженный паровоз.

Всю жизнь отец злословил, богохулил, пьянствовал, дрался и грешил прелюбодеянием. Однако, Господь его ни разу не остановил. Почему, спрашивается? Из-за показной набожности родителя, догадывался Гастон.

По воскресеньям отец регулярно приходил в храм Святого Климента замаливать грехи, совершенные в предыдущие шесть дней. Сидя с праведным лицом, он начинал вместе со всеми петь псалмы, воздевая к небу глаза в красных прожилках и почесывая раздувшийся от злоупотреблений, пористый нос. Старательно изображал из себя правоверного католика, и считался таковым среди прихожан.

Другие члены общины от него не отставали: на рабочей неделе грешили напропалую и нагло, по выходным смиренно приходили в церковь выставлять себя образцом добродетели. Обязательно старались устроиться в первых рядах. Будто именно от месторасположения лавки зависело месторасположение в иерархии грешности: кто ближе к алтарю, тот святее.

Обычно там занимали места нечестные чиновники, неверные супруги, неудавшиеся родители. На самом почетном месте, прямо перед пасторской трибуной, сидел председатель районного общественного суда месье Филипп Лерой, с красным лицом – не от пьянства, а от сердца. Про него знали, что ни одного дела не решает без взятки, но уважали, потому что боялись.

Справа – комиссар полиции Клодел, бабник и выпивоха. Первый грех он оправдывал французской пословицей: цепи брака слишком тяжелы, их обязательно должен помогать нести кто-то третий. Для оправдания второго греха имелась другая пословица, покороче: счастлив тот, кто вино пьет. Его тоже уважали. Ну кто решится возражать против народной мудрости?

Третьим на лавке для почетных прихожан красовался месье Бланкар – с лысиной, которую прикрывал прядью от одного уха до другого и приклеивал лаком. Какими проделками заслужил он честь находиться в первых рядах образцово-показательных католиков?

Месье Бланкар был владельцем футбольного клуба для мальчиков, которых собирал по окрестностям и содержал на иждивении в интернате для юных спортсменов. Про него ходили педофильские слухи, никогда ничем конкретным не доказанные. Или не принятые всерьез. Потому что родители не требовали объяснений. Рады были сбагрить сыночка на полный пенсион, чем растить иждивенца дома до совершеннолетия. Дети понимали собственную обузу и не жаловались.

С краю той святейшей лавки присаживался отец Гастона. Не по праву особых достижений. По счастливой случайности: он в начальной школе учился вместе с вышеуказанными господами. Видимо, из-за статуса «друга детства» они допускали алкоголика в свои ряды непререкаемых святош.

Чем отвернули от веры по крайней мере одного человека – Гастона Делакруа. Он в тот момент входил в период взросления и страдал подростковым максимализмом, отягощенным жадой справедливости. Его поразило наглое двуличие, демонстрируемое на церковных мессах. В один воскресный день он прекратил их посещать и испытал облегчение.

Вторая причина присоединения Гастона к армии атеистов – расхождения с пастором Леду в трактовке Библии. Тот пастор давно умер, а расхождения остались до сих пор. Главное, что по мнению Делакруа, мешает думающему человеку сохранять веру – чудовищная неправдоподобность некоторых историй.

Взять одну из самых известных – про Ноев ковчег.

Во-первых, построить корабль, на котором уместятся «все твари – по паре» невозможно практически. Даже сейчас. Тем более раньше, в первобытных условиях, когда проживали библейские герои.

Разве мыслимо построить гигантское судно типа круизного лайнера без предварительных чертежей? Это же смешно! Прежде чем приступить к его сооружению, над проектами-бизнес-планами сейчас трудятся сотни инженеров. Во времена Ноя университетов не существовало – где древние мастера учились науке кораблестроения? Скажете, Бог подсказал? Что – и водоизмещение рассчитать тоже?

Ладно, сделаем вид, что поверим. Тогда проясните такой вопрос: где сам Бог этому учился? Затрудняетесь? То-то же...

Во-вторых. В Библии сказано: Ной прожил девятьсот пятьдесят лет. Считаете нормальным верить в откровенные сказки? Да подобное долголетие и через сто лет будет невозможно.

– Не верю! – коротко сказал максималист Гастон пастору Леду и исчез. Из его церкви, его паствы, его религии.

Навсегда...

Или все-таки не совсем «навсегда»? Сегодняшний вечер заставил Делакруа пересмотреть подростковые идеи насчет религиозных догм. Первый раз в жизни произошло с ним рождественское чудо. Прямо как в кино с голодной сироткой, которую сердобольные прохожие подбирают с улицы и отводят в дом. Публичный.

В тот момент, когда Гастон меньше всего ожидал, бредя нагруженный сумкой из Монприза, сам Бог послал ему встречу с двумя крепко заблудившимися, молодыми бельгийцами. Не богатыми умом, но купюрами.

Тот самый Создатель, которого Гастон однажды заподозрил в отсутствии высшего образования, наконец, вспомнил про него и подал сигнал. Мол, не робей, брат, жизнь не так мрачна, как кажется одинокому, беззубому безработному в вечер Сочельника.

Доброе слово и мышке приятно – Делакруа воспрял духом. Из благодарности за подаренную надежду готов был пообещать вернуться в Богово стадо. По примеру заблудшего сына.

Благое намерение едва не затмилось подловатой мыслью. Насчет собственной небескорыстности: пообещал вернуться в веру только после полученного Свыше подарка. Вроде взаимовыгодной сделки с Небом получается. Сначала ты – мне, потом я – тебе...

Мысль дальше не развилась, заслоненная более насущной тревогой.

Присутствовала в голове одна маленькая загвоздка, от которой, ни много ни мало, зависело все: подвезти согласился, только бы аккумулятор не подкачал. Старый, лет шесть уже. Давно пора менять, да Гастон тянул до последнего. Известно – по какой причине.

По самой древней, считая от момента изобретения денег.

Зачем их только в обиход ввели?! Создали проблему в глобальном масштабе. Разделили население планеты посильнее религиозных разногласий и расовых несовпадений. Подсадили народы на наркотически неизлечимую зависимость от монет и купюр.

Деньги превратились не столько в средство платежа, сколько в идею-фикс человечества.

С тех пор большинство людей едва дотягивает до зарплаты, не вылезая из долгов. Другое большинство хронически не имеет денег и приобрело из-за того комплекс неполноценности. Третье большинство живет с единственным желанием любым путем их заполучить, а лучше – украсть. И только мизерное меньшинство имеет финансов в достатке. Недемократично!

31.

Вернемся к аккумулятору. В его отношении Делакруа решил положиться на простонародное «авось». Перед лицом чудесной возможности заработать сотню не хочется думать о грустном. Сегодня в хэппи-энд поверить легче, чем в другие времена года. Небесный Вершитель Судеб не должен останавливаться на полпути: если поманил удачей, пусть она сопутствует до конца, не даст аккумулятору невпопад заглохнуть.

«Да, машина не подведет», – уверенно подумал Делакруа о будущем, как о свершившемся. От хорошего настроения, которое не помнил, когда испытывал в последний раз, он стал наивным до доверчивости. Уверился: ангел-хранитель не покинет, сопровождает до счастливого момента передачи денег. Их наличие в нагрудном кармане согреет сердце Гастона обещанием исполнить мечту. Аккумулятор тоже пусть участвует во всеобщем рождественском заговоре, не подводит хозяина, потерпит ломаться один денек.

Имеет же Делакруа хоть раз в жизни право на подарок Свыше! Тем более, что от собственной жены на Рождество ни разу его не получал. Хитрая змея. Вечно отговаривается, что мусульманка, католические праздники ей отмечать грех. А сидеть на шее у «неправоверного» мужа – не грех?

Не хочется портить настроение воспоминаниями об ошибках молодости, в частности о супруге-мавританке. Лучше помечтать – как распорядиться будущим богатством. Ох, даже не верится...

По пути к машине Гастон попытался закрепить победу. Приостановился.

– Может, сразу рассчитаемся? – забросил для верности наживку. Ясно: гости находятся в невыгодном положении, почему бы их посильнее не припереть.

Но Жюль находился начеку – именно на такой случай. Он Делакруа давно раскусил и не собирался еще раз попадаться в капкан его жадности. Еще неизвестно, что за машина у этого загребущего деляги, если вообще имеется. Что-то внешний вид его не вызывает доверия... Особенно по-нищему выглядящая куртка юбкой и непокрытая в непогоду лысина.

Сомнения подтвердились, когда они завернули за здание станции. В паре метров от угла стояло единственное авто, припаркованное у тротуара, припорошенное снегом. Спасибо другому фонарю, ярко сиявшему – далекому от мысли угасать, и собственной дальнорукости Жюльен сумел прилично его рассмотреть.

И дрогнул изнутри, предчувствуя приступ разочарования.

Транспортное средства Делакруа, подобно хозяину, не производило впечатления благополучности: было невысокого роста, неширокое в плечах, по-хромому криво осевшее

на рессорах. И непонятной марки происхождения.

Подойдя вплотную, Жюль разглядел сзади – на пятой дверце след от знака фирмы «Ситроен». Эмблема в виде елочки давно отскочила, незакрашенное место под ней заржавело и выделялось грязным пятном на светло-серебристом общем фоне. Который тоже не оказался идеально-гладким: краска в некоторых местах облупилась и потерлась.

[Купить полную версию книги](#)